

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 11 2023 г.

**Проблемы экологии –
пробелы и/или просчеты?**

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

11 (593) 2023

Основатель журнала «ЭКО» – **А.Г. АГАНБЕГЯН**, академик РАН

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.В. Алексеев, д.э.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **А.О. Баранов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **С.В. Бухаров**, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора журнала, Новосибирск; **И.П. Глазырина**, д.э.н., профессор, ИПРЭК СО РАН, ЗабГУ, Чита; **Н.В. Гальцева**, д.э.н., СВКНИИ ДВО РАН, Магадан; **В.М. Гильмундинов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, д.э.н., ИЭОПП СО РАН; НГУ, Новосибирск; **В.А. Ильиных**, д.и.н., ИИ СО РАН, Новосибирск; **В.И. Клисторин**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, д.э.н., профессор, НГТУ, Новосибирск; **Н.В. Ломакина**, д.э.н., доцент, ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск; **В.В. Мельников**, к.э.н., доцент, НГУЭУ, НГТУ, Новосибирск; **Л. В. Мельникова**, к.э.н., доцент, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **Е.В. Нехода**, д.э.н., профессор, ТГУ, Томск; **А.И. Пыжев**, к.э.н., доцент, СФУ, ИЭОПП СО РАН, Красноярск; **Е.В. Рудой**, член-корр. РАН, профессор, НГАУ, Новосибирск; **П.Н. Тесля**, к.э.н., доцент, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **То Кен Сик**, д.э.н., профессор, СахГУ, ИПЭУ, Южно-Сахалинск; **Е.А. Третьякова**, д.э.н., профессор, ПГНИУ, ООО «Кайрос Инжиниринг», Пермь; **О. П. Фадеева**, к.соц.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **В.В. Шмат**, к.э.н., ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Г. Аганбегян, академик РАН, РАНХ и ГС, Москва; **Р. Бардацци**, д.э.н., Университет Сиены, Флорентийский университет, Италия; **С.Ю. Барсукова**, д.соц.н., доцент, НИУ ВШЭ, Москва; **Е.Б. Бухарова**, к.э.н., профессор, СФУ, Красноярск; **Т. Н. Гаврильева**, д.э.н., профессор, СВФУ, Якутск; **И.Г. Дежина**, д.э.н., Сколтех, Москва; **В.В. Кулешов**, академик РАН, ИЭОПП, Новосибирск; **Му Арилд**, к. полит.н., Институт Фритьофа Нансена, Норвегия; **В.М. Рынков**, д.и.н., ИИ СО РАН, Новосибирск; **Н.И. Суслов**, д.э.н., профессор, ИЭОПП СО РАН, НГУ, Новосибирск; **А.В. Усс**, д.ю.н., проф., Красноярск; **А.Н. Швецов**, д.э.н., профессор, ФИЦ ИУ РАН, Москва; **А.А. Яковлев**, к.э.н., НИУ ВШЭ, Москва.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

Founder of the journal «ECO» - **A.G. AGANBEGYAN**, Academician of RAS

Editor-in-Chief **VALERY A. KRYUKOV**, Academician of RAS,
Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

EDITORIAL BOARD:

A.V. Alekseev, Dr. Sci. (Economics), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU; **S.V. Bukharov**, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-Chief, Novosibirsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IPREC SB RAS, ZabGU, Chita; **N.V. Galtseva**, Dr. Sci. (Economics), North-Eastern Scientific Research Institute, Far East Branch of RAS, Magadan; **V.M. Gilmundinov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **K.P. Gluschenko**, Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **V.A. Ilyinikh**, Dr. Sci. (Historical), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk; **V.I. Klistorin**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **G.P. Litvintseva**, Dr. Sci. (Economics), Professor, NSTU, Novosibirsk; **N.V. Lomakina**, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, IEI FEB RAS, Khabarovsk; **V.V. Melnikov**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, NSUEM, NSTU, Novosibirsk; **L.V. Melnikova**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **E.V. Nekhoda**, Dr. Sci. (Economics), Professor, TSU, Tomsk; **A.I. Pyzhev**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Siberian Federal University, IEIE SB RAS, Krasnoyarsk; **E.V. Rudoy**, RAS corresponding member, Professor, NSAU, Novosibirsk; **P.N. Teslya**, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **To Ken-sik**, Dr. Sci. (Economics), Professor, Sakhalin State University, IPEU, Yuzhno-Sakhalinsk; **E.A. Tret'yakova**, Dr. Sci. (Economics), Professor, Perm State Pedagogical University, Kairos Engineering, LLC, Perm; **O.P. Fadeeva**, Cand. Sci. (Sociology), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **V.V. Shmat**, Cand. Sci. (Economics), IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk.

EDITORIAL COUNCIL:

A.G. Aganbegyan, Academician of RAS, RANEPa, Moscow; **P. Bardazzi**, Dr. Sci. (Economics), University of Siena, University of Florence, Italy; **S.Yu. Barsukova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, HSE University, Moscow; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Economics), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **T.N. Gavrilieva**, Dr. Sci. (Economics), Professor, NEFU, Yakutsk; **I.G. Dezhina**, Dr. Sci. (Economics), Skoltech, Moscow; **V.V. Kuleshov**, RAS Academician, IEIE SB RAS, Novosibirsk; **M. Arild**, PhD Sci. (Political), Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.M. Rynkov**, Dr. Sci. (Historical), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), Professor, Krasnoyarsk; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Professor, FIC IS RAS, Moscow; **A.A. Yakovlev**, Cand. Sci. (Economics), HSE University, Moscow.

FOUNDERS:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

PREPARED FOR PUBLICATION BY

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРОВ

- 4 Перечитывая профессора
А.С. Астахова

Тема номера: Проблемы экологии – пробелы и/или просчеты?

- 8 ПЫЖЕВА Ю.И.
Как преодолеть несогласованность
стратегического планирования
и экологической политики России?
- 25 БРЕЗГИН В.С.,
ГЛАЗЫРИНА И.П.
Углеродный баланс региона
и климатическая политика
- 43 ВЕРХОТУРОВ А.В.,
ПЫЖЕВ А.И.
Варианты газификации
Красноярского края:
поиск эколого-экономического
баланса

ОТРАСЛИ И РЫНКИ

- 64 АНТОНОВА Н.Е.
Лесной комплекс Хабаровского края
в поисках путей развития
- 86 КОТЛЯРОВ И.Д.
Альтернативные модели организации
продовольственной розницы
в удаленных и труднодоступных
регионах

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

- 110 ЧЕРКАШИНА Т.Ю.
Личная, частная, приватная –
что значит для россиян
собственность,
которой они владеют?
- 131 ДОНСКИХ О.А.,
ДУМНОВА Э.М.
Социокультурный фронт
российского общества
в условиях современной
международной миграции
- 148 МАКАРОВ А.В.,
ПОНОМАРЕВ Ю.Ю.
Кризис доверия:
проблемы измерения,
общественные ценности
и иные детерминанты

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 173 КОРОЛЕВА Л.П.
О взаимодействии государства
и банков в борьбе с отмыванием
доходов и финансированием
терроризма

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Reading Professor A.S. Astahov again

Cover story: Ecological Problems – Gaps and/or Lapses

- 8 PYZHEVA, Yu.I.
How to Overcome the Disparity between Strategic Planning and Environmental Policy of Russia?
- 25 BREZGIN, V.S.,
GLAZYRINA, I.P.
Regional Carbon Balance and Climate Policy
- 43 VERKHOTUROV, A.V.,
PYZHEV, A.I.
Options for Gasification in Krasnoyarsk Krai: The Search for Environmental and Economic Balance

ECONOMY SECTORS AND MARKETS

- 64 ANTONOVA, N.E.
Forestry Complex of Khabarovsk Krai in Search of Development Paths
- 86 KOTLYAROV, I.D.
Alternative Models of Food Retail in Remote and Hard-to-reach Regions

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

- 110 CHERKASHINA, T.Yu.
Personal, Private, Proprietary – What does Property they Own Mean to Russians?
- 131 DONSIKIH, O.A.,
DUMNOVA, E.M.
The Socio-cultural Frontier of Russian Society in the Context of Contemporary International Migration
- 148 MAKAROV, A.V.,
PONOMAREV, Yu.Yu.
Crisis of Trust: Problems of Measurement, Public Values and Other Factors

FINANCIAL ECONOMY

- 173 KOROLEVA, L.P.
About the Government-Bank Cooperation in Combating Money Laundering and Terrorist Financing

Перечитывая профессора А.С. Астахова

Последние два с лишним десятка лет – со времени «Доклада Брундтланд»¹ (1987 г., Рио-де-Жанейро), затем Парижского соглашения по климату² под эгидой ООН (2015 г., Париж), далее принятия Целей ООН в области устойчивого развития³ (2015 г., Нью-Йорк) – характеризуются колоссальным усилением внимания к экотематике. Сначала это были просто вопросы экологии (бережное отношение к окружающей среде и необходимость снижения антропогенного воздействия на нее), затем вопросы климатической повестки (ухудшение температурного режима среды проживания) и, наконец, сегодня человечество пришло к необходимости рассмотрения экологических (климатических), экономических и социальных процессов в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности (17 целей устойчивого развития).

Все отмеченные вехи привязаны к тому или иному месту, где они были обнародованы (инициированы), и ни одно из которых не ассоциируется с Россией. В чем же причина того, что наша страна не участвует в постановке, обсуждении и продвижении вопросов экологии, климатической повестки и устойчивого развития? В неактуальности? Пожалуй, нет – все упомянутые вопросы очень важны и на значительной части российской территории стоят чрезвычайно остро.

В пробелах знания и понимания отмеченных проблем? Здесь наша ситуация, пожалуй, одна из самых благоприятных. Российская наука всегда уделяла (и продолжает это делать сейчас) большое внимание изучению и обобщению знаний о взаимодействии человека и природы. Концептуализация фундаментальных основ этого взаимодействия была сделана нашим знаменитым соотечественником В.И. Вернадским, который создал учение о биосфере (области жизни на Земле) и ноосфере (сфере воздействия человеческого разума на природные процессы)⁴. Причем его труды были во многом логически связаны с работами целой плеяды выдающихся российских ученых – Д.И. Менделеева, К.А. Тимирязева, В.В. Докучаева, Е.С. Федорова, А.И. Воейкова.

Может быть, дело в недостаточном понимании практических подходов к регулированию процессов в области экологии, климата и устойчивого

¹ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (un.org).

² Парижское соглашение – Paris Agreement Russian (unfccc.int).

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – Microsoft Word – 1516301R.docx (unctad.org).

⁴ Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. 1863–1945 гг. М.: Наука, 1982. 488 с.

развития? Но над разработкой практических шагов и мер в отмеченных выше областях в России издавна трудятся прекрасные инженеры и исследователи, которым «несть числа». В качестве яркого примера, на взгляд автора, с полным основанием можно назвать одного из создателей экономики горнодобывающих и минерально-сырьевых отраслей, профессора А.С. Астахова (1926–2012). Александр Семенович проделал путь от экономиста угольной отрасли до исследователя и разработчика практических подходов к реализации экологически, климатически и социально ориентированного природопользования.

В его обобщающем труде⁵, основанном и на прикладных исследованиях, и на практике тех проектов, в создании и реализации которых он принимал участие, описывается целостный подход к тому, что сегодня называется экологически приемлемым, климатически обоснованным и ориентированным на устойчивость социально-экономическим развитием.

В частности, им были сформулированы «специфические базисные положения рационального природопользования:

- человек должен сознавать, что его жизнь может быть счастливой лишь в доброй гармонии с природной средой;
- систему природопользования нельзя построить на чисто экономической основе в терминах обычного бизнеса;
- любое воздействие человека на природную среду не остается без ответа с ее стороны;
- природа – всегда более сильный партнер в игре “человек – природа”, а человек – более слабый;
- человеку в играх с природой следует ставить перед собой разумные цели;
- взаимодействия с природной средой всегда происходят в условиях большой неопределенности»⁶.

От формулировки «выстраданных» на большом научном багаже и огромном практическом опыте базисных положений природопользования, профессор А.С. Астахов приходит к определению подходов к их практической реализации. Так, рассуждая об эффективном устройстве системы управления природоохранной деятельностью, он писал, что она: «...базируется на двух компонентах: правовых ограничительных нормах и экономических стимулах экологически разумного и безопасного природопользования»⁷.

⁵ Астахов А.С. Природные ресурсы и национальное богатство / Рецензент Крюков В.А. (ИЭОПП СО РАН). М.: «ИАЦ Энергия», 2010. 220 с.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Там же. С. 49.

О том, что касается множественности целей (см., например, 17 ЦУР ООН): «...многообразие целей, одновременно преследуемых крупномасштабным проектом, трудно отразить в структуре одного какого-то сверхсложного критерия... Вектор ценностей может быть изображен графически в виде дерева ценностей либо преобразован в интегральный критерий совокупного социального эффекта»⁸.

О целесообразности реализации управленческих подходов с учетом происходящих непрерывно изменений: «...общепринято рассматривать общий поток времени и вычленять в его составе прошлое, настоящее и будущее... экономическая оценка проекта (например, освоения месторождения) – не однократный акт принятия решения, а процедура, осуществляемая в несколько последовательных шагов, растянутых во времени (подчас на десятилетия); ... важная роль принадлежит адаптационному управлению; ...гибкость, адаптируемость решений – одно из важнейших, непреходящих качеств управления проектами в природопользовании...»⁹.

Общий вывод, к которому приходит профессор А.С. Астахов, заключается в том, что реализацию природосберегающего (а, следовательно, и устойчивого) развития определяют «...закономерности динамики формирования национального богатства. Наиболее значимой из них является аккумуляция социальной культуры. Под ней мы понимаем комплекс фундаментальных характеристик культуры в самом широком смысле слова. Культура – качество, накапливаемое со временем...»¹⁰.

Итак, «по Астахову», культура в самом широком понимании этого слова является той основой, которая формирует и определяет подходы и динамику решения экологических, климатических и социально-экономических проблем с позиций устойчивого развития.

Какая же особенность российского «культурного кода» не позволила реализовать на практике отмеченные выше идеи и подходы наших выдающихся соотечественников и не способствовала закреплению их приоритета как внутри страны, так и за рубежом? Представляется, что утвердить приоритет российских ученых в международной повестке помешали две основные группы причин:

1) отсутствие на территории страны сколь-нибудь значимых практических успехов в реализации экологической, климатической и нацеленной на устойчивое развитие политики; относительно низкий приоритет рассматриваемых проблем на протяжении длительного времени;

⁸ Астахов А.С. Природные ресурсы и национальное богатство / Рецензент Крюков В.А. (ИЭОПП СО РАН). М.: «ИАЦ Энергия», 2010. С. 94.

⁹ Там же. С. 94, 105, 129, 131.

¹⁰ Там же. С. 5.

после смены экономической модели (что само по себе потребовало отвлечения сил и внимания от указанных проблем) – безосновательно завышенные ожидания по поводу изменения поведения новых экономических агентов в сторону экологически и климатически ориентированного;

2) инерция следования сложившейся в СССР индустриальной модели развития, которая все еще оказывает колоссальное влияние на все социально-экономические процессы; в числе важнейших особенностей этой модели – стремление к унификации реализуемых подходов и решений в различных отраслях и регионах нашей огромной и разнообразной страны, без учета их специфики; отсутствие значимых прав и полномочий регионов и муниципалитетов в решении экологических, климатических и социально-экономических вопросов.

Именно в силу последней группы причин сложились те проблемы в устойчивом социально-экономическом развитии регионов, которые обсуждают авторы тематической подборки настоящего выпуска «ЭКО». Они рассмотрены на примере газификации Красноярского края (статья А.В. Верхотурова и А.И. Пыжева), сокращения выбросов CO₂ в Забайкальском крае (статья В.С. Брезгина и Н.П. Глазыриной), обеспечения действенности мер государственной экологической политики (статья Ю.И. Пыжевой).

Наш вывод во многом коррелирует со сравнительной оценкой успешности экономических реформ в Китае и на постсоветском пространстве: «В отличие от Советского Союза, в котором сильная система министерств устанавливала планы для предприятий в обход местных властей напрямую, система Мао децентрализовала экономические и административные полномочия, распределив их между местными органами власти»¹¹.

Решение вопросов экологии, климатической повестки, создания основ устойчивого социально-экономического развития страны в целом и ее регионов, муниципалитетов в частности, невозможно вне участия всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса и общества на всех уровнях иерархии. Мы находимся на самом начальном этапе решения этой ключевой проблемы. Наиболее приемлемый путь (по А.С. Астахову) – делать это в динамике и с учетом конкретных условий и обстоятельств.

Главный редактор журнала,
академик РАН

КРЮКОВ В.А.

¹¹ *Жан Чун Ой*. Экономический взлет сельских районов Китая. Институциональные основы экономической реформы. Бостон/Санкт-Петербург: Библиороссика, 2023. 383 с. [С. 148–149].

Ю.И. Пыжева

Как преодолеть несогласованность стратегического планирования и экологической политики России?¹

УДК 338.2

Аннотация. Экономический мейнстрим рассматривает природные ресурсы как лимитирующий фактор экономического роста наравне с трудом и капиталом. При этом главным измерителем экономического прогресса, повышения благосостояния населения и ориентиром макроэкономической политики остается валовой внутренний продукт, который не учитывает ни экологические, ни социальные последствия экономического роста. В статье показан разрыв между императивами, декларируемыми документами стратегического планирования, и фактически реализуемой в России экологической политикой. Обоснована необходимость внедрения в общественно-политическую повестку и стратегии социально-экономического развития регионов страны дополнительного макроэкономического показателя – интегрального индикатора устойчивого развития. Такой маневр позволил бы создать систему мониторинга устойчивого развития, включенную в процесс принятия стратегических решений и способствовал бы достижению более гармоничного соотношения между экономическим развитием и деградацией окружающей среды.

Ключевые слова: измерение экономического роста; измерение экономического прогресса; валовой внутренний продукт; устойчивое развитие; истинные сбережения; истощение природного капитала; государственная политика

Введение

Противоречия между экономическим ростом и ограниченной ассимиляционной способностью окружающей среды становятся сдерживающими факторами увеличения благосостояния населения. Рост доходов при стремительно ухудшающейся экологической обстановке и увеличивающемся социальном неравенстве уже не воспринимается как благо. В одной из своих наиболее цитируемых статей Х. Дэйли утверждал, что сосредоточенность на эффективном распределении не позволяет решить экологические проблемы, поскольку те являются результатом того, что

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (шифр научной темы FSRZ-2021-0011).

масштабы экономической деятельности превышают *пределы* экосистем, а не *плохого*² ценообразования на рынках [Daly, 1992].

Экологические экономисты считают экономику частью экосистемы планеты Земля, поэтому ее масштаб имеет принципиальное значение. Если исходить из того, что человек вторгается в конечную и *нерастущую* экосистему, увеличение масштаба экономической деятельности будет сопровождаться как выгодами, так и издержками. Первые определяются ростом доходов и благосостояния населения за счет увеличения производства. Вторые возникают из-за того, что экономика поддерживается потоком ресурсов из окружающей среды и возвращает в нее отходы производства и потребления [Morgan, Daly, 2019]. Именно из такого понимания возникает проблематика устойчивого развития: каким образом экономике и окружающей среде сосуществовать симбиотически?

Если расширить представление об экономической системе и рассматривать ее как часть системы природной, необходимо пересмотреть подходы к измерению экономического развития. Действительно ли используемый десятилетиями комплекс макроэкономических показателей отражает все аспекты взаимодействия экономики и окружающей среды, истинные цели развития общества?

Система показателей определяет принятие решений относительно вектора движения любого объекта управления. Ошибки измерения целей развития неизбежно приводят к искажению его результатов. Поэтому критически важно, во-первых, идентифицировать эти цели; во-вторых, предложить такие индикаторы или их системы, которые будут отражать достижение желаемого; в-третьих, встроить эти индикаторы в систему управления.

Уже несколько десятилетий ученые подчеркивают важность формирования и реализации политики устойчивого развития. Неоднократно они писали о недостатках используемой системы национальных счетов [Cobb, 1994; Costanza et al., 2009;

² Здесь сохранена терминология Х. Дейли. С его точки зрения, экологические проблемы невозможно решить посредством установления более высоких цен на ресурсы, снизив таким образом объемы их потребления. Первопричиной экологических проблем он считает чрезмерный рост объемов производства при ограниченных возможностях природной системы по предоставлению ресурсов и ассимиляции отходов.

Stiglitz et al., 2010], ими разработаны системы и интегральные индикаторы устойчивого развития³⁴ [Рюмина, 2016; Бобылев, 2015; Забелина, Делюга, 2019; Глазырина, 2020].

В одном из исследований [Cook, 2021] отмечается, что основной макроэкономический показатель ВВП отражает реализацию только пяти из семнадцати целей устойчивого развития ООН до 2030 г., что указывает на безвозвратное устаревание данного показателя как меры экономического успеха. Он не соответствует триаде целей Концепции устойчивого развития, отражая лишь некоторые составляющие экономического блока. Тем не менее до сих пор ни одна страна мира не перешла на индикаторы устойчивого развития для характеристики продвижения по этому пути.

Для успешной реализации принципов устойчивого развития необходимо обеспечение их выполнения на всех уровнях управления. В огромной по площади стране с разнообразнейшими по совокупности признаков регионами и муниципалитетами это можно сделать только создав единую государственную систему управления устойчивым развитием.

Очевидно, что на каждом уровне управления должны решаться свои специфические задачи, но они должны быть взаимосвязаны единой логикой. Для того, чтобы понять, каким образом можно в рамках существующей институциональной основы повысить эффективность государственной системы управления устойчивым развитием, необходимо проанализировать ключевые документы, законодательно закрепляющие реализацию данной политики в России.

Разрыв между социально-экономической и экологической политикой

В настоящее время на федеральном уровне существует более десятка правовых актов, которые фиксируют идеи устойчивого развития и на уровне формулировок декларируют, что государственная политика России основана именно на этих принципах.

³ Центральная основа Системы природно-экономического учета, 2012 год. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2017. URL: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/seea_cf_final_ru_0.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ The 2005 Environmental Sustainability Index Report. Yale Center for Environmental Law and Policy, 2005 URL: <https://sedac.ciesin.columbia.edu/data/set/esi-environmental-sustainability-index-2005> (дата обращения: 15.06.2023).

Федеральный закон «О стратегическом планировании» № 172-ФЗ от 28.06.2014 устанавливает правовые основы стратегического планирования и координации государственного и муниципального стратегического управления. В Законе используется термин «устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие». Однако определения этого термина не дано, поэтому непонятно, имеется ли в виду только устойчивый рост традиционных показателей (ВВП/ВРП, доходов населения) или это отсылка к Концепции устойчивого развития. Среди основных документов стратегического планирования Закон выделяет Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации, определяя в общем виде ее содержание, но никак не обозначая, должна ли она учитывать экологические последствия экономического развития.

Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.⁵ уже в названии содержит основную цель развития – участие России в мировой климатической повестке. В разделе «Анализ международного контекста» упоминаются и принципы устойчивого развития, но уже в следующих разделах формулируется цель развития России до 2030 г. вне зависимости от сценария: «достижение устойчивого роста темпами выше среднемировых (т.е. не менее 3%) при сохранении макроэкономической стабильности». И лишь в числе косвенных положительных эффектов указывается «улучшение качества окружающей среды и экологического благополучия населения». Хотя очевидно, что тотальная технологическая модернизация, проводимая с целью сокращения выбросов парниковых газов, положительным образом скажется на всех составляющих устойчивого развития, оценивать эффекты таких изменений, помимо собственно сокращения выбросов парниковых газов, предполагается лишь посредством традиционных экономических показателей.

Почему же магистральная цель развития экономики России заключается именно в заданном темпе роста ВВП для сокращения выбросов парниковых газов? Как показывают расчеты [Сырцова и др., 2016; Пыжева и др., 2020; Pyzheva et al., 2021], даже для развитых промышленных регионов ущерб

⁵ Утв. распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р.

экономической системе от выбросов CO₂, несопоставим с ущербом от истощения природных ресурсов. Поэтому, несмотря на важность участия России в глобальной климатической повестке, целями модернизации отраслей экономики следует избрать не снижение безвредных для здоровья человека выбросов парниковых газов, а сокращение валовых выбросов опасных загрязняющих веществ (например, диоксида серы, бенз(а)пирена или формальдегида), повышение эффективности технологий изъятия и переработки первичных ресурсов с целью минимизации ущерба от истощения природных ресурсов, повышение уровня конкурентоспособности российской продукции на мировых рынках. Разумеется, ВВП будет расти в результате структурных и экологических изменений в экономической системе, но это не должно являться первичной целью развития.

Таким образом, реализации комплексной политики устойчивого развития в России препятствует отсутствие связи стратегических документов планирования и прогнозирования социально-экономического развития и стратегических документов, определяющих экологическую политику, которые будут рассмотрены далее. Несмотря на то, что во многих из них зафиксированы основные принципы и идеи устойчивого развития, они никак не встроены в систему планирования и управления социально-экономическим развитием ни на федеральном уровне, ни на уровне регионов.

Одним из ключевых положений Экологической доктрины Российской Федерации⁶ является принцип устойчивого развития, на основе которого должна осуществляться государственная политика, предусматривающая равное внимание к экономической, социальной и экологической составляющим. Доктрина признает невозможность развития человеческого общества при деградации природы и констатирует: «Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния».

В Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» зафиксированы пять национальных целей: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для

⁶ Утв. распоряжением Правительства РФ от 31.08.02 № 1225-р.

самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация. Видно, что они соответствуют триаде целей устойчивого развития, отражая и социальную, и экологическую, и экономическую компоненты. Сформирован и утвержден Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года⁷. Он включает как уже принятые решения (национальные проекты и государственные программы), так и новые инициативы социально-экономического развития. Индикаторы достижения целей даны в региональном разрезе, а мероприятия – в разрезе геостратегических территорий.

Значительная часть показателей национальных целей, определенных Указом № 474, транслирована на региональный уровень через механизм оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ⁸. Единственный экологический показатель эффективности глав регионов – «Качество окружающей среды», на наш взгляд, достоин отдельного рассмотрения.

Согласно Приложению 14 Методики расчета каждого показателя⁹, оценка качества окружающей среды того или иного региона основывается на определении уровня негативного антропогенного воздействия на окружающую среду по следующим направлениям: охрана атмосферного воздуха; охрана поверхностных вод водных объектов; обращение с отходами; охрана, защита и воспроизводство лесов. Итоговый показатель «Качество окружающей среды» рассчитывается как среднее арифметическое из темпов роста по каждому направлению, при этом все они, кроме темпа роста для качества работы с отходами, принимаются равными 1 до 2030 г.¹⁰ Таким образом система оценки эффективности деятельности губернаторов на деле не требует от последних *никаких изменений* в отношении качества окружающей среды. Это лишь один пример, показывающий, как декларируемые в стратегических документах принципы устойчивого развития реализуются на практике.

⁷ Утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р (с изм. от 24.12.2021).

⁸ Утв. Указом Президента РФ № 68 от 4 февраля 2021 года (ред. от 09.09.2022).

⁹ Утв. Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542.

¹⁰ Приложение 33 к указанному Постановлению Правительства РФ.

Выборочный мониторинг достижения целевых показателей Единого плана по данным ЕМИСС показывает, что даже сформулированные с недостатками цели выполняются далеко не полностью. Например, по показателю «Количество городов, охваченных комплексной информационной системой мониторинга состояния окружающей среды» целевые значения в Едином плане составляют 12 и 221 единица на 2022 и 2023 гг. соответственно, а в ЕМИСС показатель представлен ежемесячно, и его значение в каждом месяце равно нулю¹¹. По показателю «Количество городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха в городах – участниках проекта» целевые значения в Едином плане составляют 3 и 2 единицы в 2022 и в 2023 гг. соответственно, при фактическом значении 6 единиц в 2020 г. При этом в ЕМИСС значения показателя представлены помесечно и составляют 6 единиц в 2022 г. и 11 в 2023 г.¹²

В Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации¹³ есть разделы, включающие социальные, экономические и экологические показатели развития региона. В то же время п. 4.2 документа определяет рекомендуемые формулировки исключительно экономических целей социально-экономического развития субъекта РФ. Указывается, что регионы могут самостоятельно формулировать приоритеты развития, включая количественные и качественные показатели. Под приоритетом понимается «реалистичный образ желаемого будущего».

В п. 4.7 указано: «В разделе, содержащем основные направления рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности субъекта Российской Федерации, рекомендуется отражать: приоритетные направления рационального освоения природно-ресурсного потенциала (...); состав

¹¹Количество городов, охваченных комплексной информационной системой мониторинга состояния окружающей среды. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62115> (дата обращения: 18.07.2023).

¹²Количество городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха в городах – участниках проекта. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62206> (дата обращения: 18.07.2023).

¹³ Утв. Приказом Министерства экономического развития РФ от 23.03.2017 № 132 (с изм. от 18.02.2022).

основных проектов в данной сфере (...); предложения по механизмам государственной поддержки».

Формулировки пп. 4.2 и 4.7 представляются максимально размытыми и допускающими неоднозначное толкование. Вместе с тем даже само наличие раздела, содержащего основные направления природопользования и обеспечения экологической безопасности, на сегодняшний день не является обязательным требованием к структуре стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, определенной ст. 32 закона «О стратегическом планировании» № 172-ФЗ от 28.06.2014.

В приложениях к указанным методическим рекомендациям имеется перечень показателей, на которые рекомендуется ориентироваться для оценки результативности стратегий. Однако предложенные показатели вряд ли могут быть эффективными индикаторами реализации целей стратегии. Во-первых, их неконкретные формулировки¹⁴ приводят к субъективному толкованию содержания показателя исполнителями. Какая информация требуется, в каком разрезе, за какой период? Очевидно, каждый исполнитель будет отвечать на эти вопросы исходя из собственных предпочтений и интересов, и никогда эти ответы не будут сопоставимы при попытке их консолидации на федеральном уровне.

Во-вторых, неясно, эквивалентны ли показатели «Текущие затраты на охрану окружающей среды» и «Природоохранные расходы». Если это не так, то «Индекс физического объема природоохранных расходов» теряет всякий смысл, поскольку непонятно, о каких масштабах расходов идет речь и позволяет ли даже кратный рост природоохранных расходов покрыть текущий и/или накопленный экологический ущерб.

В-третьих, показатель лесистости территории не отражает реальность, поскольку по-прежнему не налажена система эффективного, ведомственно-независимого мониторинга лесных пожаров, плохо контролируются масштабы и география фактической рубки, гибель насаждений в результате вспышек насекомых-вредителей, не осуществляется своевременный контроль за выживаемостью саженцев. По этим причинам показатель

¹⁴ Например, «Информация об охране атмосферного воздуха», «Информация об особо охраняемых территориях», «Информация о выполнении водохозяйственных и водоохранных работ на водных объектах».

лесистости то или иной территории стабилен на протяжении десятилетий или меняется крайне незначительно.

Таким образом, даже если бы руководители регионов включили приведённые показатели в стратегические документы, эффективность данной меры была бы сомнительной. Показатели не стандартизованы, они не позволяют сделать выводы ни о рациональности режима природопользования в субъекте РФ, ни о мерах, предпринимаемых руководством региона с целью охраны окружающей среды, поскольку не содержат никаких данных об экологическом ущербе.

Исходя из всего вышеописанного, можно сформулировать те критерии, которым должны соответствовать экологические показатели стратегий социально-экономического развития регионов РФ, чтобы избежать указанных недостатков и стать достоверными инструментами оценки текущего состояния природной среды и динамики происходящих экологических процессов:

1) формулировки должны быть просты и понятны, чтобы не допускать возможности неоднозначного толкования;

2) набор показателей должен быть стандартизован для всех регионов РФ;

3) в перечень показателей должны быть включены как индикаторы экологического ущерба в разрезе разных природных сред, так и показатели компенсации или недопущения разных видов ущерба;

4) для оценки достаточности природоохранных затрат и мероприятий необходимы показатели, отражающие *стоимостную оценку* как экологического ущерба, так и требуемых затрат для его компенсации;

5) набор показателей эффективности стратегий должен быть увязан с показателями эффективности деятельности губернаторов.

Региональные стратегии неустойчивого развития

Проведенный анализ показал, что федеральное законодательство в области устойчивого развития и экологической политики лишь декларирует реализацию принципов устойчивого развития, но при регионализации конкретных мер происходит рассеивание целей и смыслов экологической политики.

С одной стороны, федеральное экологическое законодательство фиксирует необходимость перехода к устойчивому развитию и учета негативных последствий экономического роста. С другой – в стратегических документах планирования социально-экономического развития нет указаний на необходимость учета экологического фактора; в методических рекомендациях по разработке стратегий социально-экономического развития регионов экологический блок не является обязательным.

Более того, рекомендуемые экологические показатели, которые должны оценивать эффективность деятельности региона в этом направлении, не проработаны и не могут служить заявленной цели. Показатели стратегий регионального развития не совпадают и не пересекаются с утвержденными показателями оценки эффективности деятельности губернаторов.

На наш взгляд, риторика «рекомендаций» должна изменить модальность: для разных типов регионов законодательно должны быть утверждены *разные* требования к разработке стратегий. Для учета экологических последствий экономического роста необходимо заявить об этом и на уровне названия документа, вынести на первый план, подчеркнуть важность именно этой составляющей, зафиксировать момент перехода к другой логике формирования стратегий. Например, «Стратегии социально-экономического развития регионов» можно переименовать в «Стратегии ... с учетом экологических ограничений».

Практика разработки и утверждения региональных документов стратегического планирования достаточно подробно анализируется в литературе [Seliverstov, Melnikova, 2013; Жихаревич, Прибышин, 2019]. Региональные стратегии не согласованы друг с другом, не обеспечивают сбалансированности развития, в них слабо проработаны приоритеты и механизмы реализации заявленных целей [Михеева, 2018]. Например, стратегии социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока не содержат даже попыток учета принципов устойчивого развития, декларируемых на федеральном уровне [Клисторин, 2023; Крюков, 2023; Тулохонов, 2023; Климанов, Казакова, 2022; Тулохонов и др., 2020].

Кроме того, указанные документы имеют множество недостатков даже с точки зрения традиционного экономического подхода. При детальном рассмотрении содержание многих

планируемых в них мероприятий сформулировано с рядом неточностей и недоработок, что еще больше затрудняет их эффективную практическую реализацию. Даже если в структуре стратегии содержится экологический блок, он существует изолированно, не дает комплексной оценки экологических последствий планируемых к реализации проектов, не встроено в систему планирования социально-экономического развития региона.

Предложения по совершенствованию требований к разработке Стратегий социально-экономического развития субъектов РФ

Встраивание экологической компоненты в стратегии развития федерального и регионального уровней и ее учет при планировании социально-экономического развития – важный и необходимый шаг на пути к устойчивому развитию. Это особенно актуально для регионов, в которых удельный вес добывающих отраслей в структуре валовой добавленной стоимости превышает 20%¹⁵. Для них можно предложить следующие меры, реализация которых могла бы способствовать формированию стратегических планов с учетом принципов устойчивого развития.

1. В законе «О стратегическом планировании» № 172-ФЗ целесообразно расширить ч. 3 ст. 32 главы 8 «Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания на уровне субъекта РФ». Необходимо дополнить перечень пунктов, характеризующих содержание региональных стратегий развития, требованием об обязательности раздела, связанного с оценкой экологических последствий экономического развития.

2. В Методических рекомендациях по разработке стратегий социально-экономического развития субъектов РФ следует:

2.1 обязать разработчиков формулировать цели социально-экономического развития с учетом предполагаемого экологического ущерба;

¹⁵ Оценка условна и получена из расчетов истинных сбережений для регионов Сибири и Дальнего Востока, опубликованных в работах [Сырцова и др., 2016; Пыжева и др., 2020; Pyzheva et al., 2021]. Именно эта граница является критической: при увеличении удельного веса добывающих отраслей в структуре ВДС региона свыше 20%, истинные сбережения принимают отрицательные значения.

2.2 ввести раздел, содержащий обязательные для включения следующие показатели, характеризующие негативные экологические последствия экономического роста:

- объем добычи ресурсов, средние цены реализации и средние операционные затраты на извлечение ресурса из недр (без указания компании-недропользователя);

- объем природоохранных инвестиций в разрезе природных сред (атмосферный воздух, вода, почва);

- объемы компенсаций, уплаченных компаниями-недропользователями за причиненный экологический ущерб;

- экологические платежи, произведенные компаниями-недропользователями в федеральный бюджет, а также в бюджет субъекта РФ;

- объем выбросов загрязняющих веществ (в разрезе основных загрязняющих веществ, состав которых закреплен в ФЗ «Об охране окружающей среды», а также в разрезе природных сред);

- экономический ущерб от истощения природных ресурсов [Пыжев и др., 2019];

- экономический ущерб от выбросов парниковых газов, для которых вычисляются потенциалы глобального потепления (GWP), предложены и протестированы стоимостные оценки. При наличии методик оценки экономического ущерба от выбросов наиболее опасных загрязняющих веществ, таких как диоксид серы, бенз(а)пирен, формальдегид и пр., вести учет в разрезе каждого вещества;

2.3 целесообразно закрепить необходимость расчета одного из показателей устойчивости развития на основе данных, перечисленных в п. 2.2, а также открытых данных, публикуемых в системе ЕМИСС. На начальном этапе таким показателем мог бы стать Индикатор истинных сбережений (Genuine savings) Всемирного банка;

2.4 закрепить необходимость текущего мониторинга уровней показателей, формирующих интегральный индикатор устойчивости, и непосредственно значений индикатора с корректировкой траектории экономического развития при обнаружении негативной динамики индикатора устойчивости. При планировании целевых показателей социально-экономического развития субъекта РФ рассчитывать прогнозное значение индикатора устойчивого развития и корректировать целевые установки в случае прогноза его отрицательной динамики или отрицательных значений, поскольку они являются сигналом

о недостаточности инвестиций в различные виды капитала для компенсации текущего экологического ущерба¹⁶.

3. Привести в соответствие показатели эффективности реализации стратегий социально-экономического развития регионов и показатели эффективности деятельности губернаторов.

Вместо заключения

Помимо совершенствования федерального законодательства в части формирования стратегий социально-экономического развития, важно улучшать и систему государственной статистики [Широв, 2020]. В настоящее время она развивается несколько хаотично: постоянно разрабатываются новые статистические показатели, наблюдение за которыми требуется для мониторинга выполнения целей указов Президента, национальных проектов и иных государственных программ. При этом зачастую наблюдение за показателем заканчивается, когда он уходит из повестки. У части таких показателей статданные и вовсе отсутствуют [Пыжева, 2020]. Сложившаяся практика не позволяет формировать длинные ряды статистических данных для отслеживания изменений в долгосрочном периоде.

Максимальное наполнение и накопление экологических показателей по стране и регионам позволило бы существенно расширить представление о фактически нанесенном экологическом ущербе и учитывать его при планировании социально-экономического развития.

Интегральные показатели устойчивости были бы очень удобны именно в качестве дополнительных сведений для лиц, принимающих решения, поскольку дают комплексное представление об определенном виде ущерба и избавляют от необходимости анализа большого массива разнородных и противоречивых данных.

Необходимо внедрение интегрального индикатора устойчивости, например, истинных сбережений, как самостоятельного показателя в систему государственной статистики. Наряду с комплексным совершенствованием системы государственного статистического учета это позволило бы адекватно характеризовать уровень устойчивости развития регионов и страны в целом.

¹⁶ Именно такой критерий сформулирован в Концепции перехода РФ к устойчивому развитию: «никакая хозяйственная деятельность не может быть оправдана, если выгода от нее не превышает вызываемого ущерба».

Последующее использование индикатора устойчивого развития и/или его компонентов при формулировании целевых показателей в Стратегиях социально-экономического развития позволило бы существенно повысить эффективность принимаемых решений, а также создало бы предпосылки для обоснования мер региональной политики, направленных на компенсацию истощения природной среды за счет роста других видов капитала.

Вопрос выбора конкретного индикатора устойчивого развития в качестве дополнительного макроэкономического ориентира остается дискуссионным. С уверенностью можно говорить лишь о необходимости непрерывного статистического мониторинга наиболее распространенных компонентов большинства известных индикаторов.

У России есть уникальная возможность стать примером внедрения новых показателей устойчивого развития в общественно-политическую повестку и стратегии социально-экономического развития. Только таким образом можно создать национальную систему мониторинга устойчивого развития, включенную в процесс принятия решений о векторе развития страны. Невозможно переоценить значимость подобной работы не только с точки зрения своевременного выявления наболевших вопросов, но и для населения, которое в конечном счете увидит, как экономическая политика стала способствовать улучшению качества их жизни.

Литература/References

Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–1–147–160

Bobylev, S., Zubarevich, N., Solovyeva, S. (2015). Challenges of the Crisis: How to Measure Sustainable Development? *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. Pp. 147–160. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2015–1–147–160

Глазырина И.П. Тернистый путь к «зеленой» экономике// ЭКО. 2020. № 9. С. 8–23. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–9–8–23

Glazyrina, I.P. (2020). A Thorny Path to Green Economy. *ECO*. No. 9. Pp. 8–23. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–9–8–23

Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 184–204. DOI: 10.14530/se.2019.4.184–204

Zhikharevich, B.S., Pribyshin T.K. (2019). Strategies of Urban Development: Russian practice 2014–2019. *Spatial Economics*. Vol.15. No. 4. Pp. 184–204. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2019.4.184–204

Забелина И.А., Делюга А.В. Геоэкологические индикаторы устойчивого развития: пространственный анализ // Устойчивое развитие горных территорий. 2019. Т. 11. № 1 (39). С. 15–25.

Zabelina, I.A., Delyuga, A.V. (2019). Geoeological indicators of sustainable development: spatial analysis. *Sustainable development of mountain territories*. Vol. 11. No. 1 (39). Pp. 15–25. (In Russ.).

Климанов В.В., Казакова С.М. Особенности стратегического планирования развития Дальнего Востока России на федеральном уровне // Региональные исследования. 2022. № 1. С. 68–79. DOI: 10.5922/1994–5280–2022–1–6

Klimanov, V.V., Kazakova, S.M. (2022). Features of strategic planning for the development of the Russian Far East at the federal level. *Regional research*. No. 1. Pp. 68–79. (In Russ.). DOI: 10.5922/1994–5280–2022–1–6

Клисторин В.И. Эволюция стратегического планирования макрорегионов РФ // ЭКО. 2023. № 7. С. 21–38. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–7–21–38

Klistorin, V.I. (2023). Evolution of strategic planning of macro-regions of the Russian Federation. *ECO*. No. 7. Pp. 21–38. (In Russ.). DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–7–21–38

Крюков В.А. Не стратегия, но декларация // Наука в Сибири. 2023. № 7 (16 февраля). С. 7.

Kryukov, V.A. (2023). Not a strategy, but a declaration. *Nauka v Sibiri*. No. 7 (16 February). P. 7. (In Russ.).

Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. № 5. С. 158–178. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–5–158–178

Mikheeva, N.N. (2018). Strategy of spatial development: a new stage or repetition of old mistakes? *ECO*. No. 5. Pp. 158–178. (In Russ.). DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–5–158–178

Пыжев А.И., Сырцова Е.А., Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Совершенствование статистики устойчивости развития российских регионов // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 5. С. 33–42. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–5–33–42

Pyzhev, A.I., Syrtsova, E.A., Pyzheva, Yu.I., Zander, E.V. (2019). Improvement of statistics of sustainability of development of Russian regions. *Voprosy statistiki*. Vol. 26. No. 5. Pp. 33–42 (In Russ.). DOI:10.34023/2313–6383–2019–26–5–33–42

Пыжева Ю.И., Лано Е.В., Сырцова Е.А., Пыжев А.И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений // Регион: экономика и социология. 2020. № 2 (106). С. 198–224. DOI: 10.15372/REG20200209

Pyzheva, Yu.I., Lapo, E.V., Syrtsova, E.A., Pyzhev, A.I. (2020). Sustainability of development of the Far East regions: assessment on the basis of true savings. *Region: Economics and Sociology*. No. 2 (106). Pp. 198–224. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200209

Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3

Pyzheva, Yu.I., Zander, E.V. (2019). Socio-economic diversity of single-industry towns in Siberia and the Far East: statistical analysis. *Problems of territory development*. No. 3 (101). Pp. 49–61 (In Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3

Рюмина Е.В. Экологические аспекты оценки качества жизни // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016-4-13

Ryumina, E.V. (2016). Ecological aspects of assessing the quality of life. *Regional Economics*. Vol. 12. No. 4. Pp. 1113–1122 (In Russ). DOI: 10.17059/2016-4-13

Сырцова Е.А., Пыжев А.И., Зандер Е.В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 109–129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2016-6-109-129

Syrtsova, E.A., Pyzhev, A.I., Zander, E.V. (2016). True savings of Siberian regions: new estimates, old problems. *ECO*. No. 6 (504). Pp. 109–129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2016-6-109-129

Тулохонов А.К. О Стратегии социально-экономического развития Сибири: риски, проблемы, решения // ЭКО. 2023. No 7. С. 8–20. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-8-20

Tulokhonov, A.K. (2023). On the Strategy of socio-economic development of Siberia: risks, problems, solutions. *ECO*. No. 7. Pp. 8–20 (In Russ). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-8-20

Тулохонов А.К., Михеева А.С., Бардаханова Т.Б. Еще раз о Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 165–179. DOI: 10.14530/se.2020.4.165-179

Tulokhonov, A.K., Mikheeva, A.S., Bardakhanova, T.B. (2020). Once again about the National Programme of Socio-Economic Development of the Far East. *Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 165–179 (In Russ). DOI: 10.14530/se.2020.4.165-179

Широв А.А. Статистика в интересах экономики и общества // Проблемы Прогнозирования. 2020. № 1 (178). С. 5–9.

Shirov, A.A. (2020). Statistics in the interests of economy and society. *Studies on Russian Economic Development*. No. 1 (178). Pp. 5–9. (In Russ).

Cobb, C. (1994). The green national product: a proposed index of sustainable economic welfare / Clifford W. Cobb, John B. Cobb, Jr.: with contributions by Carol S. Carson ... [et al.]. Human Economy Center. P. 325.

Cook, D. (2021). An appraisal of interlinkages between macro-economic indicators of economic well-being and the sustainable development goals. *Ecological Economics*. Vol. 184. No. 106996. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2021.106996

Costanza, R., Hart, M., Posner, S., Talberth, J. (2009). Beyond GDP: The Need for New Measures of Progress. Pardee Paper. No. 4, Boston: Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future.

Daly, H. (1990). Toward some operational principles of sustainable development. *Ecological Economics*. Vol. 2. Pp. 1-6.

Daly, H. (1992). Allocation, distribution and scale: towards an economics that is efficient, just, and sustainable. *Ecological Economics*. Vol. 6. Pp. 185–193.

Morgan, J., Daly, H. (2019). The importance of ecological economics: An interview with Herman Daly. *Real-World Economics Review* (90). Pp. 137–154.

Pyzheva, Yu., Lapo, E., Syrtsova, E., Pyzhev, A. (2021). Evaluation of Genuine Savings in the Russia's Far East Regions. *Regional Research of Russia*. Vol. 11. No. 1. Pp. 121–128. DOI: 10.1134/S2079970521010111

Seliverstov, V., Melnikova, L. (2013). Analysis of strategic planning in regions of the Siberian Federal District. *Regional research of Russia*. Vol. 3. No. 1. Pp. 96–102. DOI: 10.1134/S2079970513010097

Stiglitz Joseph, E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2010) *Mis-measuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up*. The New Press.

Статья поступила 07.09.2023

Статья принята к публикации 15.09.2023

Для цитирования: *Пыжева Ю.И.* Как преодолеть несогласованность стратегического планирования и экологической политики России? // ЭКО. 2023. № 11. С. 8–24. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-8-24

Информация об авторе

Пыжева Юлия Ивановна (Красноярск) – кандидат экономических наук. Сибирский федеральный университет.

E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru; ORCID: 0000–0003–0973–5073

Summary

Yu.I. Pyzheva

How to Overcome the Disparity between Strategic Planning and Environmental Policy of Russia?

Abstract. The economic mainstream considers natural resources a limiting factor of economic growth along with labor and capital. At the same time, gross domestic product remains the principal indicator of economic progress, improvement of the population's welfare and the benchmark of macroeconomic policy, which takes into account neither environmental nor social consequences of economic growth. The paper shows the rupture between the imperatives declared by strategic planning documents and the environmental policy actually implemented in Russia. The necessity of introducing an additional macroeconomic indicator – an integral indicator of sustainable development – into the socio-political agenda and strategies of socio-economic development of the country's regions is substantiated. Such a maneuver would make it possible to create a system of sustainable development monitoring included in the process of strategic decision-making and contribute to achieving a more harmonious ratio between economic development and environmental degradation.

Keywords: *measuring of economic growth; measuring of economic progress; gross domestic product; sustainable development; real savings; depletion of natural capital; public policy*

For citation: Pyzheva, Yu.I. (2023). How to Overcome the Disparity between Strategic Planning and Environmental Policy of Russia? *ECO*. No. 11. Pp. 8–24. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-8-24

Information about the author

Pyzheva, Yuliya Ivanovna (Krasnoyarsk) – PhD in Economics. Siberian Federal University.

E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru; ORCID: 0000–0003–0973–5073

В.С. Брезгин, И.П. Глазырина

Углеродный баланс региона и климатическая политика

УДК 504.064, 338, 332.14

Аннотация. На основе анализа структуры эмиссии CO_2 , обусловленной спецификой социально-экономических и природных условий Забайкальского края, сделан вывод о том, что доминирующим фактором этой эмиссии в регионе являются лесные пожары. Следующий по значимости фактор, который тем не менее не отражается в российской государственной статистике, – выбросы от отопления частного сектора углем и дровами. Их доля в общем объеме на порядок превышает вклад промышленных предприятий и транспорта. Установлено, что за последние 10 лет ассимиляционный потенциал поглощения парниковых газов лесами региона сократился на 4,2%. Это означает, что при закреплении нынешнего тренда существует риск потери половины ассимиляционного потенциала на горизонте примерно 50 лет. Предложены рекомендации для корректировки региональной климатической политики. Авторы доказывают, что целесообразно разрабатывать унифицированные подходы и стратегии в этой сфере с едиными для всей страны показателями и целевыми индикаторами.

Ключевые слова: CO_2 ; двуокись углерода; эмиссия двуокиси углерода; поглощение парниковых газов; ассимиляционный потенциал; Забайкальский край; климатическая политика

Введение

Несмотря на беспрецедентные экономические шоки 2022–2023 гг., климатическая повестка не утратила ни своей глобальной значимости, ни своей актуальности для нашей страны [Ваганов и др., 2023; Константиныди и др., 2023]. Вызовы, связанные с изменением климата, требуют разработки и последовательного проведения особой экологической политики [Порфирьев и др., 2022]. Цель данной работы: продемонстрировать на примере одного из сибирских регионов необходимость учета высокой пространственной неоднородности природных условий и социально-экономических систем для выхода на низкоуглеродную траекторию развития. Связи между экономическим развитием и экологическими воздействиями неодинаковы в разных регионах страны; это проявляется, в частности, в гетерогенности эффекта декарбонизации, который может служить количественной характеристикой этих связей [Зеленая экономика., 2019; Забелина, Делюга, 2019; Zabelina, 2019].

Рабочая гипотеза для наших исследований была высказана еще в 2005 г. [Экологические индикаторы..., 2005] и состоит в том, что общие для всей страны подходы и процедуры регулирования могут в некоторых регионах быть неэффективны в контексте снижения углеродного следа и улучшения качества атмосферного воздуха. Это необходимо учитывать при разработке для регионов РФ эколого-экономической политики в целом и климатической политики, в частности.

В данной работе мы рассмотрели структуру эмиссии CO_2 от различных источников и сопоставили с ассимиляционным потенциалом лесов для Забайкальского края. «Региональный разрез» исследования позволяет использовать как данные статистики, так и ведомственную информацию.

В контексте углеродной эмиссии важны следующие особенности Забайкалья:

- значительная доля лесопокрытой площади (лесистость территории составляет 68,4% – второе место по этому показателю в ДФО)¹ состоит из преимущественно хвойных лесов с низким травостоем, которые отличает высокий потенциал «горимости»;
- природно-климатические условия включают длительные засушливые и ветреные периоды, что определяет большие длительность пожароопасных сезонов и масштабы лесных пожаров;
- структура региональной экономики имеет сырьевую ориентацию с незначительной долей крупных энергоемких промышленных объектов;
- регион отличают высокая доля неблагоустроенного жилищного фонда, где для отопления используются дрова и уголь (45,9% от общей площади данного фонда по данным на 2021 г.), а также суровые температурные условия, предопределяющие большую длительность отопительного сезона;
- системы газификации для отопления малоэтажного жилья в регионе отсутствуют.

В процессе исследования были рассмотрены следующие источники эмиссии оксида углерода, которые мы относим к ключевым:

- лесные пожары (расчетный показатель общей пожарной эмиссии – ОПЭ);

¹ Росстат.

- антропогенные источники (автомобильный и железнодорожный транспорт и стационарные объекты) (официальные статистические данные);
- частный сектор, использующий печное отопление (расчетные показатели).

Выбросы диоксида углерода от лесных пожаров

Расчеты выбросов CO_2 от лесных пожаров выполнены в соответствии с Методикой расчета пожарной и послепожарной эмиссии углерода в результате деструкции лесных горючих материалов [Исаев, Коровин и др., 1995]. Корректировка методики в сторону усреднения данных была произведена в отношении периода лесовосстановления – 30 лет (при минимальном значении 20 лет и максимальном – 40 лет) вследствие большой территории, пройденной пожарами, и охвата как северных, так и южных районов Забайкальского края; а также периода деструкции послепожарного отпада – 70 лет (при минимальном значении – 40 лет и максимальном – 100 лет).

Результаты расчетов (табл. 1) показывают, что послепожарная эмиссия вносит значимый вклад в общий показатель, и ее необходимо учитывать.

Таблица 1. Эмиссия диоксида углерода в результате лесных пожаров в Забайкальском крае в 2008–2021 гг., тыс. т

Год	ПЭ	ППЭ	ОПЭ
2008	3656,2	2262,4	5918,6
2009	3685,4	2263,9	5949,3
2010	1061,5	652,1	1713,6
2011	1702,9	1050,7	2753,6
2012	5020,6	2987,2	8007,8
2013	917,6	575,9	1493,5
2014	8526,5	5253,7	13780,2
2015	15605,5	9661,6	25267,1
2016	3342,6	2053,3	5396,0
2017	2568,5	1577,8	4146,3
2018	4604,5	2828,5	7432,9
2019	10501,9	6451,2	16953,1
2020	6074,7	3796,1	9870,8
2021	188,1	115,5	303,6

Примечание. ПЭ – пожарная эмиссия, ППЭ – послепожарная эмиссия, ОПЭ – общая пожарная эмиссия (ОПЭ = ПЭ + ППЭ).

Источник. Расчеты авторов.

По данным таблицы хорошо видно, что различия в углеродной эмиссии по годам могут быть очень значительными и достигать двух порядков. Главным фактором являются погодные условия конкретного года и фазы климатических циклов Даурского экорегиона [Брезгин и др., 2023]

Оценка углеродной эмиссии в результате экономической деятельности

Статистические данные и результаты расчетов по выбросам углерода основными антропогенными источниками показывают, что среди них и в России, и в Забайкальском крае главными загрязнителями воздуха выступают стационарные источники и автотранспорт; вклад железнодорожного транспорта составляет лишь доли процента (табл. 2).

Таблица 2. Выбросы диоксида углерода (CO₂) от стационарных и передвижных источников в РФ и в Забайкальском крае в 2012–2021 гг., тыс. т

Выбросы диоксида углерода	2012	2014	2016	2018	2020	2021
От автомобильного транспорта:						
РФ	15855,38	16583,65	17172,07	18384,43	5717,39	5497,97
Забайкальский край	139,37	135,13	139,37	151,78	24,22	24,81
От стационарных источников:						
РФ	9430,18	7759,34	7710,16	7649,35	7568,43	8321,99
Забайкальский край	43,37	44,31	43,68	30,80	50,75	50,12
От железнодорожного транспорта:						
РФ	40,38	38,50	40,54	42,36	39,12	40,22
Забайкальский край	1,10	0,79	0,94	0,94	1,92	1,49
Всего по РФ						
	25325,94	24381,48	24922,76	26076,14	13324,94	13860,19
Всего по Забайкальскому краю						
	183,83	180,22	183,99	183,52	76,89	76,42

Источник. Росстат.

При этом динамика выбросов от различных источников в России и в Забайкальском крае неодинакова. Рост на 17% выбросов от стационарных источников в Забайкалье с 2012 по 2020 г. происходил на фоне их снижения по стране. Это говорит о том, что процессы модернизации промышленности и ЖКХ в регионе идут менее успешно, чем в РФ в целом.

Население Забайкальского края в рассматриваемый период составляло около 0,7% от населения России. Но если в 2012 г. выбросы от стационарных источников в регионе не превышали 0,5%, то к 2020 г. достигли 0,67% от аналогичного показателя по стране.

Доля вклада углеродной эмиссии Забайкальского края от автомобильного транспорта, которая оценивалась в 0,8–0,9% от общероссийской в период 2012–2018 гг., в 2020 г. составила всего 0,39%, что связано с падением объемов перевозок и использования личного транспорта в первый год пандемии COVID-19. В целом в России эти выбросы сократились на 69%, в Забайкальском крае – на 84%. Это объясняется кардинальным снижением объемов перевозок в КНР в условиях почти полного прекращения трансграничных экономических взаимоотношений. Одновременно это дает основания полагать, что доля выбросов от автомобильного транспорта, используемого для грузовых перевозок по сравнению с личным транспортом, в Забайкальском крае выше, чем в среднем в России.

В то же время сокращение выбросов от железнодорожного транспорта в РФ в первый год пандемии было незначительным, так как объемы перевозок существенно не сокращались. В Забайкальском крае они, напротив, выросли вдвое, в основном за счет увеличения транспортировки грузов по Байкало-Амурской магистрали в связи с освоением Удоканского месторождения меди, и по железнодорожной ветке от ст. Борзя в связи с перевозкой продукции нового Быстринского ГОКа. Однако вклад выбросов углерода от железнодорожного транспорта как в России, так и в Забайкальском крае, в общую углеродную эмиссию невелик. Всего же выбросы антропогенного характера в крае в период 2012–2021 гг. составляли 0,73–0,55% от общей углеродной эмиссии в РФ.

Эмиссия углерода от печного отопления в частном секторе

Этот вид негативного воздействия не отражается в официальной статистике и потому традиционно недооценивается. В данном разделе мы сделали попытку рассчитать его вклад в углеродную эмиссию региона. Были подготовлены и обработаны первичные данные по нецентрализованному отоплению жилищного фонда в Забайкальском крае. В качестве топлива для печного отопления были рассмотрены два вида: 1) дрова без уточнения породного состава; 2) уголь. В качестве базовых коэффициентов для расчета максимально возможных объемов потребления дров и угля были использованы средние коэффициенты по удельному расходу дров и угля на отопление 1 м² жилой площади по Республике Бурятия – региону, схожему по природно-климатическим условиям, сложившейся практике отопления и уровню жизни населения [Антонов и др., 2023].

На основе имеющихся данных были произведены расчеты возможного объема потребления двух видов топлива – дров и угля – за период с 2001 по 2021 гг. (табл. 3, 4). Определить объемы использования каждого из них по отдельности невозможно, так как их соотношение постоянно меняется в зависимости от поставок и колебания цен, поэтому были рассчитаны максимальные объемы для двух вариантов: когда используются только дрова или только уголь. Это позволило произвести интервальные оценки для объемов выбросов.

На основании данных таблиц 3 и 4 можно сделать вывод о том, что снижение удельного веса общей площади жилищного фонда, оборудованного печным отоплением, связано не с его благоустройством (заменой печного отопления на централизованное), а в первую очередь – с увеличением доли благоустроенного фонда за счет новостроек в краевом центре и поселках городского типа. Так, удельный вес площади, оборудованной печным отоплением, снизился за период с 2001 по 2021 гг. на 6,2%, но по абсолютному значению общая площадь жилищного фонда, оборудованного печным отоплением, снизилась всего на 142,6 тыс. м², что составляет 1,3% от площади жилья, оборудованного печным отоплением в 2001 г.

Таблица 3. Максимальное потребление дров и угля для отопления жилищного фонда, не оборудованного централизованным отоплением (2001–2011 гг.)

Показатель	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Весь жилищный фонд, тыс. м ²	20652	20777	20778	20824	20912	21169	21239	21391	21475	21540	21660
Удельный вес общей площади, оборудованной печным отоплением	52,1	51,9	51,6	51,6	51,4	51,9	51,8	51,3	51	50,2	49,4
Общая площадь жилищного фонда, оборудованная печным отоплением, тыс. м ²	10759,7	10783,3	10721,5	10745,2	10748,8	10986,7	11001,8	10973,6	10952,3	10813,1	10700,0
Максимальное потребление дров, тыс. м ³ /год	2689,9	2695,8	2680,4	2686,3	2687,2	2746,7	2750,5	2743,4	2738,1	2703,3	2675,0
Максимальное потребление угля, тыс. т/год	860,8	862,7	857,8	859,7	859,9	878,9	880,1	877,9	876,2	865,1	856,0

Источник табл. 3, 4. Росстат, расчеты авторов.

Таблица 4. Максимальное потребление дров и угля для отопления жилищного фонда, не оборудованного централизованным отоплением (2012–2021 гг.)

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Абсолютное изменение за период 2001–2021
Весь жилищный фонд, тыс. м ²	21856	21796	21841	22076	22357	22540	22684	22791	22961	23131	2479
Удельный вес общей площади, оборудованной печным отоплением	48,6	47,6	46,8	47	47,2	46,8	46,6	46,2	46,3	45,9	-6,2
Общая площадь жилищного фонда, оборудованная печным отоплением, тыс. м ²	10622,0	10374,9	10221,6	10375,7	10552,5	10548,7	10570,7	10529,4	10630,9	10617,1	-142,6
Максимальное потребление дров, тыс. м ³ /год	2655,5	2593,7	2555,4	2593,9	2638,1	2637,2	2642,7	2632,4	2657,7	2654,3	-35,6
Максимальное потребление угля, тыс. т/год	849,8	830,0	817,7	830,1	844,2	843,9	845,7	842,4	850,5	849,4	-11,4

Таблица 5. Расчетный объем выбросов диоксида углерода (CO₂) от печного отопления частного сектора в 2012–2021 гг.

Показатель	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Максимальное потребление дров, тыс. м ³ /год	2655,5	2555,4	2638,1	2642,7	2657,7	2654,3
Максимальное потребление угля, тыс. т/год	849,8	817,7	844,2	845,7	850,5	849,4
CO ₂ от сжигания дров, тыс. т/год*	1030,88	992,02	1024,13	1025,90	1031,74	1030,40
CO ₂ от сжигания бурого угля, тыс. т/год	852,56	820,42	846,98	848,45	853,28	852,17
CO ₂ от сжигания каменного угля, тыс. т/год	625,67	602,08	621,58	622,65	626,20	625,38

Примечание. *При расчете кубометры дров были переведены в килограммы по коэффициенту 0,5.

Источник. Росстат, расчеты авторов в соответствии с Методикой определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу при сжигании топлива в котлах производительностью менее 20 Гкал/ч. М.: Госкомэкология РФ, 1999.

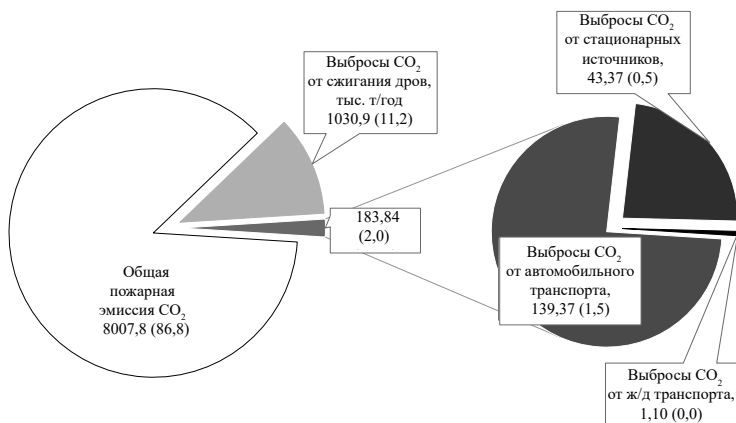
Как показывают данные таблицы, при использовании бурого угля выбросы диоксида углерода ниже, чем при отоплении дровами, и еще ниже – при сжигании каменного угля. Однако цена каменного угля существенно выше, чем бурого, поэтому его использование для отопления в регионе незначительно. Но даже если бы топили только им, выбросы двуокиси углерода от печного отопления были бы в несколько раз выше, чем от всех стационарных и передвижных источников (табл. 2 и 5).

При анализе статистических данных была выявлена особенность учета отопления в частном секторе, которая заключается в том, что какая-то доля отопительных котлов учитывается в одном ряду с центральным отоплением, а выделяется только печное отопление. Тем самым можно предположить, что полученные результаты в некоторой степени занижены, и объем углеродной эмиссии от отопления неблагоустроенного жилья фактически выше расчетного.

Структура выбросов диоксида углерода в Забайкальском крае

Структура выбросов CO₂ в крае существенно различается по годам. Определяющий фактор – масштаб лесных пожаров конкретного года. На рисунках 1 и 2 представлена структура

выбросов для 2012 и 2021 гг., – годы соответственно катастрофических лесных пожаров и их наименьшего масштаба за рассматриваемый период. В 2021 г. к тому же существенно сократились автомобильные перевозки из-за пандемийных ограничений.

Источник. Составлено авторами.

Рис. 1. Структура выбросов диоксида углерода в Забайкальском крае в 2012 г., тыс. т (% от общего объема выбросов в регионе)

Поскольку не представляется возможным выделить долю дров и угля, используемых населением при печном отоплении, для примера мы взяли при расчете выбросов диоксида углерода из этого источника исключительно дровяное топливо, как наиболее доступное по цене.

Как видно из диаграммы на рисунке 1, 2012 г. характеризуется значительным уровнем пожаров и, соответственно, величиной общей пожарной эмиссии. На втором месте по объему находятся выбросы от сжигания дров. На все антропогенные выбросы в тот год пришлось лишь 2%.

В 2021 г. при благоприятных погодно-климатических условиях весны с обильными снегопадами выбросы от лесных пожаров были минимальными (рис. 2), но и тогда они почти в четыре раза превышали долю экономической деятельности.

На первое место по объему выбросов вышло отопление частного жилищного сектора.

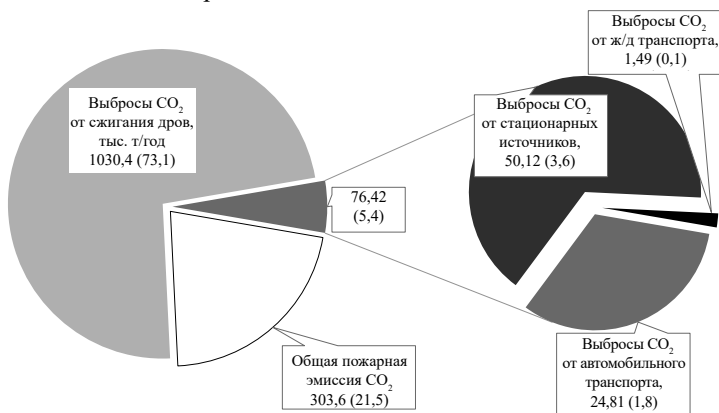

Рис. 2. Структура выбросов диоксида углерода в 2021 г. в Забайкальском крае, тыс. т (% от общего объема выбросов в регионе)

Объемы эмиссии CO₂ от сжигания бурого и каменного угля меньше, чем при сжигании дров на 17 и 39% соответственно, поэтому при замене в расчетах части дров на уголь качественно структура выбросов не изменится. В любом случае выбросы от сжигания дров и/или угля частным сектором – очень значимый фактор, который недооценивается и в научном дискурсе, и при обсуждении климатической политики.

Углеродный баланс и ассимиляционный потенциал региона

Для расчета итогового углеродного баланса требуется знать объем поглощения углерода древостоем. В настоящее время мы не учитываем все виды и элементы природных экосистем Забайкальского края, участвующие в формировании углеродного баланса из-за отсутствия надежных данных. Однако, имея в виду преобладание в регионе лесов по сравнению с другими природными системами, можно утверждать, что они играют безусловно доминирующую роль.

Величина поглощения углерода древостоем была рассчитана для двух лет – 2016 и 2021 гг. Выбор был определен наличием данных, необходимых для расчетов. Полученный показатель характеризуется крайне слабой динамикой вследствие больших размеров лесопокрытых площадей и относительно низкого объема (в процентном отношении) рубок. Сейчас в наши задачи не входит рассмотрение качества последних, законности и обоснованности выбора места рубок, их воздействие на локальные экосистемы.

С учетом слабой динамики расчетного показателя поглощения для 2012 и 2014 гг. было выбрано то же значение поглощения, что и для 2016 г., а для 2018 г. и 2020 г. – то же, что и для 2021 г.

Итоговая таблица, отражающая ассимиляционный потенциал и углеродный баланс (сальдо), сформирована с учетом трех вариантов печного отопления – максимально возможного потребления дров (используется только дровяное топливо), и аналогично – бурого и каменного угля. Кроме того, в таблице использованы минимальные объемы поглощения из интервальных оценок (пессимистичный вариант).

Таблица 6. Расчет углеродного баланса и ассимиляционного потенциала по поглощению диоксида углерода (2012–2021 гг.), тыс. т

Показатель	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Выбросы диоксида углерода						
от автомобильного транспорта	139,37	135,13	139,37	151,78	24,22	24,81
от стационарных источников	43,37	44,31	43,68	30,80	50,75	50,12
от ж/д транспорта	1,10	0,79	0,94	0,94	1,92	1,49
ОПЭ диоксида углерода	8007,8	13780,2	5396,0	7432,9	9870,8	303,6
Максимальные выбросы диоксида углерода						
от дровяного отопления в год	1030,9	992,0	1024,1	1025,9	1031,7	1030,4
от отопления бурым углем	852,6	820,4	847,0	848,4	853,3	852,2
от отопления каменным углем	625,7	602,1	621,6	622,7	626,2	625,4
Итого максимальные выбросы диоксида углерода от всех источников						
при дровяном отоплении	9222,5	14952,5	6604,1	8642,4	10979,4	1410,5
при отоплении бурым углем	9044,2	14780,9	6426,9	8464,9	10801,0	1232,2
при отоплении каменным углем	8817,3	14562,6	6201,5	8239,1	10573,9	1005,4

Показатель	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Ассимиляционный потенциал: поглощение CO ₂ тыс. т	76205,2	76205,2	76205,2	72961,8	72961,8	72961,8
Углеродный баланс (сальдо) (дровяное отопление)	66982,7	61252,8	69601,2	64319,4	61982,4	71551,3
Углеродный баланс (сальдо) (бурый уголь)	67161,0	61424,3	69778,3	64496,9	62160,8	71729,6
Углеродный баланс (сальдо) (каменный уголь)	67387,9	61642,7	70003,7	64722,7	62387,9	71956,4

Согласно нашим расчетам, при любом объеме выбросов от частного сектора и пожарной эмиссии, объем поглощения CO₂ в регионе значительно превосходит объем выбросов. Однако нельзя не заметить, что ассимиляционный потенциал лесов региона за 10 лет снизился. Углеродный баланс сокращался вплоть до 2020 г., и его улучшение в 2021 г. обусловлено лишь исключительно благоприятными погодными условиями этого года, которые предотвратили лесные пожары на «обычном» уровне.

Заключение и рекомендации для региональной климатической политики

Итак, наши расчеты показали, что выбросы от отопления (углем или дровами) частного сектора в Забайкальском крае вносят гораздо более значительный вклад в совокупный объем углеродной эмиссии, чем все виды экономической деятельности. По оценке, они составляют от 625 до 1030 тыс. т (в зависимости от вида топлива) в год в течение последних 10 лет, на порядок превышая вклад от всех промышленных выбросов и транспорта. С большой долей уверенности можно ожидать аналогичной структуры выбросов и в других сибирских и дальневосточных регионах с высокой долей неблагоустроенного жилья [Глазырина, Гурова, 2020].

При этом основной вклад в эмиссию CO₂ в регионе вносят лесные пожары. Как правило, их доля превышает 60% и зависит главным образом от погодных условий конкретного года. За период 2012–2021 гг. лишь в 2021 г., когда вследствие обильных весенних снегопадов не было масштабных лесных пожаров, общая пожарная эмиссия была меньше, чем эмиссия CO₂ от отопления частного сектора.

Вклад всех видов экономической деятельности в течение 10 лет колебался в пределах 2–6%.

Негативные последствия пожаров в контексте климатической повестки проявляются также в сокращении ассимиляционного потенциала. В настоящее время последний существенно превышает годовые объемы выбросов. В 2021 г. он составил около 73 млн т CO₂, что примерно в 52 раза больше всей антропогенной эмиссии двуокси углерода за этот год по Забайкальскому краю. В другие годы, при масштабных лесных пожарах, это соотношение все равно не снижалось более шести раз. Но наши расчеты показали, что за последние 10 лет ассимиляционный потенциал региона сократился на 4,2%. Это означает, что при закреплении нынешнего тренда существует риск снижения его почти вдвое на горизонте примерно 50 лет.

После начала реализации национального проекта «Экология» в регионах РФ были разработаны планы снижения антропогенного воздействия на природные среды. Они легли в основу и региональной экологической политики до 2024 г., в том числе в контексте перехода к низкоуглеродному развитию. В Забайкальском крае значительная часть соответствующих целевых государственных субсидий была направлена на сокращение выбросов в атмосферу местной генерирующей компании (коммерческой) и прокладки дополнительной троллейбусной линии в краевом центре для снижения автомобильных выбросов. Наши расчеты показывают нецелесообразность выбора этих мер в контексте климатической повестки. Ни то, ни другое не может внести существенный вклад в сокращение «углеродного следа» региональной социально-экономической системы.

Первоочередной задачей должны стать меры по предотвращению и оперативному тушению лесных пожаров, а также по сокращению использования дров и угля в отоплении малоэтажного жилья. Суровые климатические условия и современный уровень развития технологий в России вряд ли позволят в ближайшие годы использовать для этих целей исключительно возобновляемые источники энергии. Поэтому наиболее целесообразной представляется «переходная» стратегия развития теплогенерации на основе природного газа по аналогии с некоторыми странами Европейского союза.

Важным позитивным последствием перехода на газ станет не только сокращение эмиссии парниковых газов, но и существенное улучшение качества воздуха в населенных пунктах. Во многих городах и поселках Сибири именно выбросы твердых частиц и окислов серы от индивидуального отопления углем и дровами являются основной причиной неудовлетворительного качества воздуха [Пыжева и др., 2019]. Многолетние настойчивые рекомендации научного сообщества по этому поводу были услышаны лишь недавно, и в 2023 г. сделаны первые реальные шаги в направлении газификации Забайкальского края.

Помимо сокращения выбросов от печного отопления, основные усилия по снижению выбросов парниковых газов в регионе целесообразно сосредоточить на предотвращении и повышении эффективности тушения лесных пожаров. Полученные выводы сделаны на основе анализа структуры эмиссии двуоксида углерода, обусловленной спецификой социально-экономических и природных условий Забайкальского края. Эти условия в значительной степени характерны и для некоторых других регионов Восточной Сибири. Однако не исключено, что в некоторых регионах России первоочередным направлением для перехода к низкоуглеродному развитию должны стать меры по снижению промышленных выбросов. В любом случае, по нашему мнению, нецелесообразно разрабатывать унифицированные подходы и стратегии с общими показателями и целевыми индикаторами для всей страны.

Выбросы от ЖКХ, промышленности и транспорта, помимо CO_2 , содержат опасные для здоровья людей компоненты: бензапирен, твердые частицы, озон, окислы серы и азота и др. И на наш взгляд, инструменты государственного регулирования должны быть нацелены в первую очередь на технологическую модернизацию источников для снижения эмиссии именно этих субстанций. Но это другая задача, решение которой возможно прежде всего на пути более эффективной реализации принципа «загрязнитель платит».

Кроме того, есть и другие факторы, связанные с антропогенным воздействием от хозяйственной деятельности, которые негативно влияют на ассимиляционный потенциал природных экосистем. В недавних исследованиях показано [Zhaozhong Feng et al., 2021], что в Азии вблизи поверхности суши растет концентрация озона, в то время как в Европе и Северной Америке она снижается или остается на прежнем уровне.

Озон является распространенным промышленным загрязнителем воздуха, негативно влияющим на растительность, и его повышенные концентрации представляют серьезную угрозу для ассимиляционного потенциала и других экосистемных услуг [Farley, 2012]. Климатические изменения усиливают это воздействие [Saurabh et al., 2022], и таким образом запускается механизм «отрицательной обратной связи».

Все эти факторы и их значимость для регионов востока России предстоит оценить в последующих исследованиях. Однако в любом случае есть основания для вывода о том, что климатическая политика должна быть направлена на стимулирование экологической модернизации экономики, нацеленной не только на сокращение эмиссии парниковых газов, но и на снижение выбросов других опасных загрязнителей.

Литература

Антонов Е.В., Беляев Ю.Р., Битюкова В.Р. [и др.]. Интегральная оценка антропогенного воздействия на Байкальской природной территории: методические подходы и типология муниципальных районов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 3. С. 430–447. DOI: 10.31857/S2587556623030032. EDN QQTYOU.

Брезгин В.С., Алексеев А.М., Носкова Е.В., Вахнина И.Л. Экономика приграничной Даурии и новые риски в условиях климатических изменений // ЭКО. 2023. № 3(585). С. 93–109. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-93-109. EDN LTWUYO.

Ваганов Е.А., Пыжев А.И., Курбатова М.В. [и др.]. Перспективы реализации лесоклиматических проектов: потенциал регионов Енисейской Сибири: флагманский аналитический доклад / Е.А. Ваганов, А.И. Пыжев, М.В. Курбатова [и др.]; науч. ред. Е.А. Ваганов, А.И. Пыжев, М.В. Курбатова; Сиб. фед. ун-т. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 160 с.

Глазырина И.П., Гурова О.Н. «Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке России // ЭКО. 2020. № 8. С. 125–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-125-140

Забелина И.А., Делюга А.В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке в условиях институциональных изменений / ЭКО. 2019. № 5 (539). С. 66–88. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-66-88

Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Кирушина, О.В. Кудрявцевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. Ломоносова, 2019. 284 с.

Исаев А.С., Коровин Г.Н., Сухих В.И., Титов С.П., Уткин А.И., Голуб А.А., Замолотчиков Д.Г., Пряжников А.А. Экологические проблемы поглощения углекислого газа посредством лесовосстановления и лесоразведения в России. М.: Центр экологической политики России, 1995.

Константиноиди Х.А., Яковлева Е.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Оценка устойчивости развития и перспектив ESG-трансформации субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. 2023. № 1(53). С. 176–180. DOI: 10.37124/20799136_2023_1_53_176. EDN YZOGAQ

Порфирьев Б.Н., Данилов-Данильян В.И., Катцов В.М. [и др.]. Изменение климата и экономика России: тенденции, сценарии, прогнозы / Под ред. акад. РАН Б.Н. Порфирьева и чл.-корр. РАН В.И. Данилова-Данильяна. Российская академия наук, Институт народнохозяйственного прогнозирования. М.: ООО «Научный консультант», 2022. 514 с. ISBN 978–5–907477–31–5. EDN HZAYQY

Пыжева Ю.И., Пыжев А.И., Зандер Е.В. Перспективы решения проблемы загрязнения атмосферного воздуха регионов России // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 3 (486). С. 496–513. DOI: 10.24891/ea.18.3.496

Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, РЭФИА, 2005. 306 с.

Farley J. Ecosystem services: The economic debate. 2012. Ecosystem services, 1: 40–49.

Saurabh S. et al. Air pollution and climate change impact on forest ecosystems in Asian region – a review// Ecosystem health and sustainability/- 2022, Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.1080/20964129.2022.2090448>

Zabelina I.A. Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation / I.A. Zabelina // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12, No. 1. Pp. 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15

Zhaozhong Feng et al. Emerging challenges of ozone impacts on asian plants: actions are needed to protect ecosystem health // Ecosystem health and sustainability. 2021. Vol. 7. No. 1. 1911602 DOI: 10.1080/20964129.2021.1911602

Статья поступила 02.09.2023

Статья принята к публикации 08.09.2023

Для цитирования: Брезгин В.С., Глазырина И.П. Углеродный баланс региона и климатическая политика // ЭКО. 2023. № 11. С. 25–42. DOI: 10.30680/ESCO0131-7652-2023-11-25-42

Информация об авторах

Брезгин Вячеслав Сергеевич (Чита) – кандидат экономических наук. Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН.

E-mail: monmanage@bk.ru; ORCID: 0000–0001–9008–4540

Глазырина Ирина Петровна (Чита) – доктор экономических наук. Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН.

E-mail: iglazyrina@bk.ru; ORCID: 0000–0001–6774–9284

Summary

V.S. Brezgin, I.P. Glazyrina

Regional Carbon Balance and Climate Policy

Abstract. According to the analysis of the structure of carbon dioxide emissions caused by the specific socio-economic and natural conditions of the Zabaikalsky Krai, it was concluded that forest fires are the dominant factor of these emissions in the region. The next most important factor, which, nevertheless, is not reflected in the Russian state statistics, is emissions from heating of the private sector with coal and firewood. Their share in the total volume exceeds the contribution of industrial enterprises and transportation by an order of magnitude. It has been established that over the last 10 years the assimilative potential of greenhouse gas absorption by forests in the region has decreased by 4.2%. This means that if the current trend is consolidated, there is a risk of losing half of the assimilative potential over a horizon of about 50 years. Recommendations for adjusting regional climate policy are proposed. The authors prove that it is not advisable to develop unified approaches and strategies in this sphere with common indicators and target indicators for the whole country.

Keywords: *CO₂; carbon dioxide; carbon dioxide emissions; greenhouse gas absorption; assimilation potential; Zabaykalsky Krai; climate policy*

References

Antonov, E.V., Belyaev, Yu.R., Bityukova, V.R. [et al.]. (2023). Integrated assessment of anthropogenic impact on the Baikal natural territory: methodological approaches and typology of municipal districts. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya*. Vol. 87. No. 3. Pp. 430–447. (In Russ.). DOI 10.31857/S2587556623030032. EDN QQTYOU

Brezgin, V.S., Alexeev, A.M., Noskova, E.V., Vakhnina, I.L. (2023). Economy of the transboundary Dauria and new risks under climate change conditions. *ECO*. No. 3(585). Pp. 93–109. (In Russ.). DOI 10.30680/ECO0131–7652–2023–3–93–109. EDN LTWUYO.

Glazyrina, I.P., Potravny, I.M. Ed. (2005). Ecological indicators of regional economic growth quality. Moscow. NIA-Priroda, REPHIA. 306 p. (In Russ.).

Farley, J. (2012.). *Ecosystem services: The economic debate*. Ecosystem services, 1: 40–49. (in English).

Glazyrina, I.P., Gurova, O.N. (2020). “Housing issue” for geostrategic territories in eastern Russia. *ECO*. No. 8. Pp. 125–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–8–125–140

Boylev, S.N., Kiryushin, P.A., Kudryavtseva, O.V. Ed. (2019). *Green economy and sustainable development goals for Russia*. Moscow: Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University. 284 p. (In Russ.).

Isaev, A.S., Korovin, G.N., Sukhikh, V.I., Titov, S.P., Utkin, A.I., Golub, A.A., Zamolodchikov, D.G., Pryazhnikov, A.A. (1995). *Ecological issues of carbon dioxide absorption through afforestation and reforestation in Russia*. Moscow: Center for Environmental Policy of Russia. (In Russ.).

Konstantinidi, Kh.A., Yakovleva, E. Yu., Bobylev, S.N., Solovyeva S.V. (2023). Assessment of development sustainability and prospects for ESG transformation of Russian Federation subjects. *Economics of Sustainable Development*. No. 1(53). Pp. 176–180. (In Russ.). DOI 10.37124/20799136_2023_1_53_176. EDN YZOGAQ.

Porfiriyev, B.N., Danilov-Daniyan, V.I., Katsov, V.M. [et al.]. (2022). *Climate change and the economy of Russia: trends, scenarios, forecasts*: Edited by RAS Academician B.N. Porfiriyev and RAS Corresponding Member V.I. Danilov-Daniyan / Russian Academy of Sciences, Institute of Economic Forecasting. Moscow: Limited Liability Company “Scientific Consultant”. 514 p. (In Russ.). ISBN978–5–907477–31–5. EDN HZAYQY

Pyzheva, Yu.I., Pyzhev, A.I., Zander, E.V. (2019). Prospects for solving the problem of atmospheric air pollution in Russian regions. *Economic Analysis: Theory and Practice*. Vol. 18. No. 3 (486). Pp. 496–513. (In Russ.). DOI: 10.24891/ea.18.3.496

Saurabh, S. et al. (2022). Air pollution and climate change impact on forest ecosystems in Asian region – a review. *Ecosystem health and sustainability*/. Vol. 8. No. 1. (In English.). <https://doi.org/10.1080/20964129.2022.2090448>

Vaganov, E.A., Pyzhev, A.I., Kurbatova, M.V. [et al.]. (2023). Prospects for the implementation of forest-climate projects: the potential of the regions of Yenisei Siberia: flagship analytical report; edited by E.A. Vaganov, A.I. Pyzhev, M.V. Kurbatova; Siberian Federal University. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 160 p. (In Russ.).

Zabelina, I.A., Delyuga, A.V. (2019). Ecological-economic trends in the Baikal region and the Far East under institutional changes. *ECO*. No. 5 (539). Pp. 66–88. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–5–66–88

Zabelina, I.A. (2019). Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 1. Pp. 241–255. (In English). DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15

Zhaozhong, Feng et al. (2021). Emerging challenges of ozone impacts on asian plants: actions are needed to protect ecosystem health// *Ecosystem health and sustainability*. Vol. 7. No. 1. 1911602 (in English). DOI: 10.1080/20964129.2021.1911602

For citation: Brezgin, V.S., Glazyrina, I.P. (2023). Regional Carbon Balance and Climate Policy. *ECO*. No. 11. Pp. 25–42. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-25-42

Information about the authors

Brezgin, Vyacheslav Sergeevich (Chita) – Candidate of Economic Sciences. Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS.

E-mail: monmanager@bk.ru; ORCID: 0000–0001–9008–4540

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita) – Doctor of Economic Sciences. Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS.

E-mail: iglazyrina@bk.ru; ORCID: 0000–0001–6774–9284

А.В. Верхотуров, А.И. Пыжев

Варианты газификации Красноярского края: поиск эколого-экономического баланса¹

УДК 332.145

Аннотация. В статье изучаются социально-экологические эффекты проектов газификации регионов Сибири и Дальнего Востока на примере Красноярского края, где остро стоит проблема загрязнения атмосферного воздуха в результате сжигания угольного топлива, особенно для районов с большим количеством малоэтажных домовладений. Проведенные расчеты показывают, что, несмотря на высокие капитальные затраты, варианты газификации региона на основе расширения существующей магистральной газотранспортной инфраструктуры топлива могут быть рентабельны даже в стоимостном выражении. Если же дополнить данные оценки результатами анализа потерь здоровья и жизни населения из-за токсического воздействия продуктов сгорания угля, необходимость практической реализации рассматриваемых инициатив становится еще более очевидной.

Ключевые слова: газификация; Сила Сибири; эколого-экономический анализ; экологическая политика; загрязнение атмосферного воздуха; Красноярск

Предпосылки газификации Востока России: внешние ограничения и внутренние стимулы

Благодаря запущенному в 2018 г. национальному проекту «Экология»² и входящему в его состав федеральному проекту «Чистый воздух», в стране реализуются фактически первые системные государственные инициативы по решению экологических проблем крупных городов, в которых наблюдается наиболее сложная ситуация с загрязнением атмосферного воздуха.

Одна из основных причин визуально заметного и создающего дискомфорт при дыхании загрязнения воздуха в мегаполисах – использование угольного тепло- и электроснабжения,

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (шифр научной темы FSRZ-2021–0011).

² Паспорт Национального проекта «Экология». Официальное интернет-представительство Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России). URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения: 14.05.2023).

сопровождающегося значительными выбросами угарного газа, сажи, формальдегида, бенз(а)пирена и других веществ. В отсутствие достаточной продуваемости местности происходит накопление этих веществ в воздухе, что формирует условия для высокотоксичного воздействия на здоровье населения и в конечном счете приводит к ухудшению качества и сокращению продолжительности жизни.

Очевидным решением проблемы является переход на более экологичные виды генерации, например, основанные на сжигании природного газа при условии укрупнения и централизации систем теплоснабжения. Дискуссия об этом ведется давно, однако в настоящий момент соответствующие инициативы находятся на стадии даже не проектирования, а лишь предварительных оценок. Между тем усложнившаяся геополитическая обстановка придает дополнительный импульс идеям газификации регионов, поскольку такие проекты могут создавать дополнительный внутренний спрос на данный вид топлива на фоне перестройки потоков поставок российского газа за рубеж.

Существенные ограничения на импорт российских энергоносителей со стороны большинства европейских стран, выразившиеся в политически мотивированном резком снижении потребления российского газа и разрушении газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» можно рассматривать как дополнительный импульс не только для переориентации рынков сбыта на азиатское и ближневосточное направление, но и для догазификации регионов страны в рамках программы строительства локальных распределительных сетей в газифицированных регионах.

Экспортные поставки газа в 2022 г. снизились на 75,6 млрд м³ (или на 30,7% по сравнению с предыдущим годом)³. Данный объем частично может быть перенаправлен на азиатские рынки по газопроводу «Сила Сибири» с мощностью 38 млрд м³ и перспективному газопроводу «Сила Сибири – 2»⁴, проектная мощность которого составляет 50 млрд м³. Образующийся избыток

³ В Минэнерго сообщили, что Россия в 2022 г. снизила экспорт газа на 30,7% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17270415> (дата обращения: 18.03.2023).

⁴ Новак назвал «Силу Сибири-2» заменой «Северному потоку-2». РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2022/632367759a794712fb482150> (дата обращения: 10.03.2023).

голубого топлива имеет смысл потреблять внутри страны, в частности – для газификации ее восточных регионов.

Успешная газификация европейской части РФ в прошлые годы⁵ никак не затронула регионы, лежащие по другую сторону Урала. Так, например, Алтайский край в 2021 г. был газифицирован лишь на 13,1%, а средний уровень газификации по Сибирскому федеральному округу не достигает даже 17%, тогда как среднероссийский⁶ показатель составляет 71%.

Причины отставания регионов Азиатской России по переводу электро- и теплогенерации на газ – это 1) низкие показатели экономической эффективности (более 83% проектов фактически нерентабельны)⁷; 2) изобилие угля как дешевого альтернативного энергетического сырья [Крюков, 2014; Гайворонская, 2020; Семикашев, Гайворонская, 2022]. Разумеется, при таких вводных ситуация лишь усугубляется: «Газпром» в этой части страны крайне редко и скупо инвестирует в проекты, не связанные с экспортными поставками, и в целом ориентируется на строительство магистральных газопроводов, а не распределительных сетей.

Отмеченная диспропорция в газификации восточных и западных регионов страны напоминает эффект экологически неравноценного обмена, проявляющегося на уровне отдельных стран [Глазырина, 2021].

В случае положительного решения о масштабной газификации территорий Сибири и Дальнего Востока⁸ запуск газопровода «Сила Сибири-2» не только обеспечит сбыт освободившихся объемов топлива на азиатские рынки, но и внесет вклад в решение задач экологического развития восточных регионов страны.

⁵ Ее результаты проанализированы на примере отдельных регионов: Курской области [Михайлова, 2018; Третьяков, 2015], Тамбовской области [Кондраков, 2012], Вологодской области [Патракова, 2021], Республики Адыгея [Папикянц, 2019], Ростовской области [Иванов, Мощенко, 2005], Республики Коми [Носенко, 2016], Краснодарского края, Воронежской области, Белгородской области [Леденева, Шамрай-Курбатова, 2017].

⁶ *Кравцов В.* Уровень газификации России остается низким // Ведомости. 27.10.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/27/893155-uroven-gazifikatsii> (дата обращения: 11.05.2023).

⁷ Заседание рабочей группы по подготовке президиума Госсовета по вопросам газоснабжения и газификации. Официальный сайт Президента России. URL: <https://kremlin.ru/events/administration/65078> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ Президент России. Совещание по вопросам социально-экономического развития Красноярского края. 31 авг. 2023. <http://kremlin.ru/events/president/news/72161> (дата обращения: 31.08.2023).

В статье на примере Красноярского края проводится эколого-экономический анализ возможных вариантов газификации тепло- и электроснабжения крупных городов региона в контексте решения давно назревшей проблемы масштабного загрязнения воздуха, а также – обеспечения национальной энергетической безопасности и поддержания устойчивой внешней торговли российскими энергоносителями.

Экологическая проблема экономически благополучного города

Красноярский край являет собой характерный для России пример ресурсного региона [Курбатова и др., 2019], где вопросам загрязнения воздуха еще несколько десятилетий назад не придавалось важного значения. Новые поколения предъявляют гораздо более высокие требования к качеству окружающей среды, что требует от власти и бизнеса конкретных действий по улучшению экологической обстановки [Пыжев и др., 2021].

Высокая концентрация объектов промышленности в городах региона отрицательно сказалась на состоянии окружающей среды, что регулярно подчеркивается их «лидирующими» позициями в антирейтингах по показателям загрязнения окружающего воздуха⁹. Кроме того, вторая по мощности в стране Красноярская ГЭС в основном осуществляет энергоснабжение алюминиевого завода (входит в структуру ОК «РУСАЛ»), в то время как города и районы края отапливаются и освещаются преимущественно за счет угольных ТЭЦ и котельных. В Красноярске котловинный ландшафт и постепенно уменьшающаяся среднегодовая скорость ветра способствуют накоплению загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы. Перечисленные обстоятельства являются причиной высокого уровня загрязнения воздуха в крупных городах региона и прежде всего – краевой столицы [Пыжев и др., 2021; Romanov et al., 2020; Shaparev et al., 2022].

⁹ Красноярск попал в пятерку городов с самым грязным воздухом в мире // Коммерсантъ. 11.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4450082> (дата обращения: 10.05.2023);

В Красноярском крае выявили больше всего нарушений в области загрязнения воздуха // ТАСС. 10.02.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13666783> (дата обращения: 10.05.2023);

Чистый воздух без посредников // Коммерсантъ. 24.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5681276> (дата обращения: 10.05.2023).

Одно из возможных решений проблемы – газификация региона. Однако этому препятствует отсутствие единой внутренней системы магистральных газопроводов. Ранее предполагалось обойти это ограничение путем присоединения к газотранспортной инфраструктуре Кемеровской области¹⁰. В контексте запуска магистрального газопровода «Сила Сибири» и перспектив развития проекта «Сила Сибири-2», а также наличия в регионе центров нефтегазовой добычи, теперь рассматривается и ряд альтернативных путей решения этой масштабной инфраструктурной задачи.

На наш взгляд, вопрос газификации должен стать одним из ключевых в повестке социально-экономического развития Красноярского края, поскольку отказ от сжигания угля на густонаселенных территориях необходим, прежде всего в контексте улучшения экологической обстановки, непосредственно влияющей на здоровье и продолжительность жизни населения [Рюмина, 2018; Рюмина, 2020].

Высокая цена газификации

Инструментарий нашего исследования опирается на стандартные методы инвестиционного анализа, нашедшие широкое применение в литературе и на практике [Лимитовский, 2019; Спектор, 2019; Attwood et al., 2003; Karmaker et al., 2018; Saługa et al., 2020]. Внешние эффекты действующей угольной генерации анализируются с помощью оценок потери жизни и здоровья населения в результате воздействия загрязняющих веществ на основе концепции оценки стоимости человеческой жизни [Аганбегян, 2019; Аганбегян, 2020]. Оценка потребности в замещении генерирующих мощностей проводится с использованием данных по г. Красноярску, пересчитанных на потребности региона исходя из пропорций численности населения.

В настоящее время тепло- и электроснабжение г. Красноярска осуществляется тремя ТЭЦ, входящими в структуру ООО «Сибирская генерирующая компания», а также 19 котельными.

¹⁰ Газ тронулся // Коммерсантъ. 22.09.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570363> (дата обращения: 28.05.2023).

По данным схемы теплоснабжения города¹¹, суммарное годовое потребление бурых углей и мазутов данными объектами генерации в 2022 г. составило 3,35 млн т.у.т. Если заложить в оценку резерв на уровне 15%¹², то необходимая к замещению мощность составит 3,86 млн т.у.т. при условии сохранения текущего спроса на энергию.

С учетом коэффициента 1,3, рекомендуемого регулятором при пересчете расхода топлива с угля на попутный нефтяной газ¹³, потребный годовой объем газа для бесперебойного обеспечения ТЭЦ и котельных города составит 2,97 млрд м³. Исходя из численности населения Красноярска на 1 января 2023 г., удельное потребление энергии теплоснабжения в городе составляет 2,48 тыс. м³/чел. Следовательно, на оставшиеся населенные пункты края (без г. Красноярска и г. Норильска¹⁴) требуется 3,7 млрд м³, а совокупно – 6,6 млрд м³ газа¹⁵.

В работе принимается допущение, что возможный прирост теплотребления при увеличении объемов производимой продукции промышленными предприятиями будет компенсироваться внедрением современных энергосберегающих технологий [Пыжев и др., 2015]. Таким образом, уровень текущего теплотребления для промышленных предприятий принимается неизменным на период до 2033 г. Исключение составляют предприятия, находящиеся в границах производственных зон, подлежащих перепрофилированию.

¹¹ Схема теплоснабжения города Красноярска до 2033 г. (актуализация на 2022 г.). Официальный портал администрации г. Красноярска. URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/building/teplo/Pages/default.aspx> (дата обращения: 14.04.2023).

¹² Величина резерва оценена экспертно с учетом стадии разработки проекта. Формализованных нормативов на этот счет нет.

¹³ Постановление Госкомстата от 23 июня 1999 г. № 46 «Об утверждении „Методологических положений по расчету топливно-энергетического баланса Российской Федерации в соответствии с международной практикой“».

¹⁴ В силу географического расположения исторически имеет изолированную энергосистему, не имеющую связи с «материковой» частью Красноярского края.

¹⁵ Расчет выполнен непосредственным делением: удельное потребление (2,48 тыс. м³/чел.) x численность населения региона, за исключением г. Красноярска и г. Норильска (1,47 млн чел.).

Вторая цифра: потребность в газе г. Красноярска (2,97 млрд м³) + потребность в газе для населенных пунктов Красноярского края за исключением г. Красноярска и г. Норильска (3,7 млрд м³).

Рассматриваются четыре варианта маршрутов газификации, пространственное размещение которых представлено на рисунке, а их основные параметры обобщены в таблице 1.

Источник. Разработано авторами.

Варианты трассировки газопроводов для четырех рассмотренных сценариев газификации Красноярского края

Для оценки экономической эффективности реализации рассматриваемых проектов используются показатели удельных операционных и капитальных затрат в расчете на километр газопровода. Диаметр трубы газопровода принят равным 1420 мм при пропускной способности 30–35 млрд м³ в год, исходя из данных по необходимому давлению¹⁶ и суточному потреблению газа.

¹⁶ Свод правил СП 36.13330.2012 «СНиП 2.05.06–85*. Магистральные трубопроводы»: Актуализированная редакция СНиП 2.05.06–85* (утв. приказом Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству от 25 декабря 2012 г. № 108/ГС/Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70510496/> (дата обращения: 10.05.2023).

Величина пикового часового потребления для г. Красноярска равняется 338,8 тыс. м³/ч с учетом средних давления и температуры газа.

Таблица 1. Сводные характеристики рассматриваемых маршрутов газификации Красноярского края

Направление	Источник газа	Трассировка	Протяженность, км	Оператор
Западное	Уренгойское газовое месторождение	с. Просково → Ачинск → Красноярск → Канск / Абакан, Минусинск	1160	ПАО «Газпром»
Восточное	Ковыктинское газоконденсатное месторождение («Сила Сибири»)	Ковыктинское месторождение → Иркутск → Братск → Тайшет → Канск → Красноярск	1520	ПАО «Газпром»
Северное	Юрубчено-Тохомское и Куломбинское месторождения	Эвенкийский район → Канск → Красноярск → Ачинск	1070	АО «Восточно-Сибирская нефтегазовая компания» (ПАО «НК «Роснефть»»), ООО «Славнефть-Красноярскнефтегаз» (ПАО «НК «Роснефть»», ПАО «Газпром нефть»)
Ямал	Месторождения Ямало-Ненецкого автономного округа	Уренгой → Ачинск → Красноярск	1500	ПАО «Газпром»

Источник. Составлено авторами на основе открытых источников и экспертных предположений.

Для оценки удельных капитальных затрат на строительство газопровода использованы исторические данные по газопроводу «Сила Сибири»¹⁷. Общая итоговая протяженность данного объекта составила 2158 км (первый этап до запуска участка, соединяющего Ковыктинское и Чайандинское месторождения). Стоимость проекта первого этапа по итогам строительства оценивалась в 1,1 трлн руб.,¹⁸ то есть 509,7 млн руб. за 1 км трубы. Сделав поправку на среднегодовую инфляцию в 2018–2023 гг.,

¹⁷ Газопровод «Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России. Портал ПАО «Газпром». Раздел «Проекты». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁸ Актуальная стоимость «Силы Сибири» перевалила за триллион рублей // Интерфакс. 27.08.2014. URL: <https://www.interfax.ru/business/610594> (дата обращения: 10.05.2023).

получим 712,1 млн руб. Данную величину можно использовать в качестве ориентира для расчета стоимости строительства газопровода в рамках рассматриваемых сценариев. При этом мы вынужденно абстрагируемся от ряда обстоятельств:

а) особенности ландшафта размещения газопроводов, наличие производственных мощностей, занятости и ресурсов подрядных организаций на той или иной территории;

б) конкретные ценовые параметры работы нефтегазовых компаний и их подрядных организаций, в том числе с учетом макроэкономических шоков 2022 г.;

в) различная доля участия ведущих нефтегазовых компаний и государства в каждом из сценариев газификации в связи с различным уровнем присутствия на той или иной территории прокладки газопровода.

Средняя скорость прокладки трубы магистрального газопровода «Сила Сибири» составляла 1,5 км/сут¹⁹. Однако нужно иметь в виду, что тогда речь шла о масштабном международном проекте с привлечением большого объема ресурсов, в том числе трудовых. Разумно предположить, что при реализации федерального и регионального проекта газификации скорость строительства будет ниже, например, на уровне 0,6 км/сут. (40% от скорости прокладки для эталонного проекта). Для маршрута «Ямал» на этапе прохождения через Красноярский край скорость прокладки принимается равной 1,1 км/сут. (70% от «эталона»), поскольку данное направление рассматривается как основное в рамках строительства магистрального трубопровода в Китай.

Оценка экономической эффективности производится без учета необходимости модернизации оборудования ТЭЦ. Также в расчетах не учитывается прохождение «последней мили», то есть конечная газификация каждой конкретной квартиры или домовладения. Недавно вступил в силу закон о компенсации затрат домовладениям, находящимся в газифицированных регионах²⁰, его действие, по нашему мнению, можно распространить

¹⁹ «Газпром» построил 1/4 газопровода «Сила Сибири-1» – средняя скорость укладки труб составила 1,5 км/сутки. А сколько стоит 1 км газопровода? // Neftegaz.ru. 28.02.2017. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/212382-gazprom-postroil-1-4-gazoprovoda-sila-sibiri-1-srednyaya-skorost-ukladki-trub-sostavila-1-5-km-sutki/> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁰ Федеральный закон от 11.06.2021 № 184-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О газоснабжении в Российской Федерации”».

и на те территории, которые получают газификацию в будущем с одновременным увеличением целевых категорий населения²¹. В мае 2022 г. Правительство России анонсировало выделение дополнительных 13 млрд руб. из федерального бюджета на перевод частных домовладений с печного отопления на альтернативные виды топлива в четырех сибирских городах: Омске, Красноярске, Чите и Новокузнецке²².

Выбор дисконтной ставки для расчетов эффективности рассматриваемых проектов определяется возросшим уровнем макроэкономических и отраслевых рисков, что требует пересмотра подходов к их оценкам. Например, для одного из недавних расчетов ущерба от остановки газопроводов «Северный поток» использовалась ставка дисконтирования в размере 7,8% при ожидаемой доходности 6%, страновом риске 1,5% и коэффициенте «бета» газовой промышленности 1,25²³. Такой подход дает консервативную оценку, исходя из обстоятельств до событий начала 2022 г. В настоящее время, когда вслед за ростом ключевой ставки Банка России ставка бескупонной доходности по 10-летним государственным облигациям стала двузначной²⁴, дисконтная ставка должна быть существенно выше. Ее величина для консервативного сценария принята равной 16,2%, что сопоставимо с расчетами коллег [Палей и др., 2020].

Отпускные цены на газ для внутреннего и внешнего рынка различаются: внутренние сформированы на базе действующей цены реализации сетевого газа на внутренний рынок с учетом инфляции²⁵, экспортная цена (18475 руб. / тыс. м³)²⁶

²¹ В России компенсируют расходы жителей на газификацию. Что это значит // РБК Недвижимость. 10.08.2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/61111c0e9a794732be13eef0> (дата обращения: 10.05.2023).

²² Правительство выделит почти 13 млрд руб. на замену отопления в Сибири // РБК. 05.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6273627e9a79475e3d9d20ae> (дата обращения: 10.05.2023).

²³ Горбачева Е., Огородников Е., Скоробогатый П. Теракт ценой в полтора триллиона долларов // Эксперт. 2023. № 21 (1262). С. 50–55.

²⁴ Кривая бескупонной доходности государственных облигаций. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/zcyc_params/zcyc/ (дата обращения: 12.05.2023).

²⁵ Приказ Федеральной антимонопольной службы РФ от 16.11.2022 № 819/22 «Об утверждении оптовых цен на газ, добываемый ПАО „Газпром“ и его аффилированными лицами, предназначенный для последующей реализации населению».

²⁶ В расчетах используется средний курс доллара за период с января 2020 по август 2023 гг., составивший 73,9 руб. Цена газа принимается равной 250 долл. США за тыс. м³ в соответствии с экспертной оценкой авторов.

соответствует усредненной динамике фактических экспортных цен в 2020–2023 гг.

Оценки доступности сырья базируются на прогнозных показателях добычи нефтегазовых месторождений Эвенкийского района Красноярского края. Предполагается, что в каждом сценарии на начальной точке существует месторождение с усредненными показателями добычи и затратами. Суммарные текущие извлекаемые запасы нефти Куюмбинского и Юрубчено-Тохомского месторождений по категориям А+В1+В2 составляют более 650 млн т²⁷. По состоянию на начало 2023 г. на месторождениях добыто более 15 млн т нефти, имеется большой запас попутного нефтяного газа. В консервативном сценарии предел поставок газа установлен на уровне 18 млрд м³, из которых 11,4 млрд м³ будут направлены на экспорт, а остальное – на нужды Красноярского края.

Дополнительно проведен расчет в благоприятных предположениях. Для условного нефтегазоконденсатного месторождения объем добычи увеличен до 23 млрд м³ (в том числе 15,4 млрд м³ на экспорт), исходя из статистики экспорта по «Силе Сибири» в 2022 г. [Новак, 2023].

Прогноз по перспективной инфляции сформирован на основе доклада Банка России²⁸ в рамках сценариев «Усиление фрагментации» и «Рисковый», предполагающих существенный рост инфляции в 2024 г. и возврат к целевому уровню начиная с 2025 г.: для консервативного сценария целевое значение в 2023 г. составит 6,5%, в 2024 г. – 7%, в 2025–2026 гг. – 6% и далее 4%; для благоприятного сценария в 2024 г. – 5%, возврат с 2025 г. к 4%.

Темпы роста экспортных цен с учетом эффектов изменения курса рубля рассчитаны экспертно на основе ретроспективных данных за 2022–2023 гг. Все расчеты выполнены для периода 2025–2050 гг. (табл. 2).

²⁷ ВСНК добыла юбилейную 10-миллионную тонну нефти. Официальный сайт ПАО «НК «РОСНЕФТЬ». URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/202975/> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁸ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. Банк России. URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения: 27.08.2023).

Таблица 2. Предпосылки консервативного (благоприятного) сценариев газификации Красноярского края в 2023–2050 гг.

Показатель	2023	2024	2025	2026	2027	...	2030	...	2034	...	2050
Ставка дисконтирования, %	16,2 (14,2)										
Стоимость прокладки газопровода, млн руб./км	712,1 (605,3)										
Темп инфляции, %	6,5 (6,5)	7,0 (5,0)	6,0 (4,0)	6,0 (4,0)	4,0 (4,0)	...	4,0 (4,0)	...	4,0 (4,0)	...	4,0 (4,0)
Стоимость прокладки 1 км газопровода, млн руб.	712,1 (605,3)	761,9 (635,5)	807,6 (661,0)	856,1 (687,4)	890,3 (714,9)	...	1002 (804,2)	...	1172 (940,7)	...	2195 (1762)
Цена газа для Красноярска и Красноярского края, руб./тыс. м ³	6 055	6 481	6 870	7 282	7 575	...	8 527	...	9 986	...	18 780
Объем реализации газа в год, млрд м ³	18,0 (23,0)	18,0 (23,0)	18,0 (23,0)	18,0 (23,0)	18,0 (23,0)	...	18,0 (23,0)	...	18,0 (23,0)	...	18,0 (23,0)
Курс рубля, руб./долл. США	73,9 (73,9)	90,0 (92,4)	90,9 (97,0)	91,8 (101,8)	92,7 (103,9)	...	95,5 (109,2)	...	99,4 (113,6)	...	116,6 (133,2)
Экспортная цена газа, руб./тыс. м ³	18 475 (22 170)	23 175 (28 544)	24 109 (30 870)	25 081 (33 386)	26 091 (35 075)	...	29 375 (40 275)	...	34 404 (47 171)	...	64 736 (88 758)

Источник. Ретроспективные данные по инфляции – Росстат (Индекс потребительских цен, измеренный декабрь-к-декабрю), перспективные – прогноз авторов на основе данных Банка России, экспертные предположения авторов.

Выполненные оценки (табл. 3) показывают, что вариант газификации по Западному направлению имеет наилучшие показатели эффективности за счет сбалансированного срока строительства и начала реализации проекта. Несколько меньший, но сопоставимый потенциал эффективности имеет и вариант «самогазификации» Красноярского края по Северному направлению.

Таблица 3. Оценки капитальных затрат и дисконтированного денежного потока проектов газификации Красноярского края, млрд руб.

Направление	Общие параметры газопровода			Консервативный сценарий		Благоприятный сценарий	
	длина, км	скорость прокладки, лет	год начала подачи газа	капитальные затраты	NPV	капитальные затраты	NPV
Западное	1 160	6	2030	1 245,6	+7,0	998,6	+481,8
Восточное	1 520	7	2034	1 846,7	-384,4	1 479,6	+1,8
Северное	1 070	5	2032	1 192,8	-96,6	956,1	+324,7
Ямал	1 500	4	2031	1 565,7	-217,5	1 255,2	+254,9

Источник. Рассчитано авторами.

Выше подчеркивалось, что проект газификации азиатской части России нельзя рассматривать как исключительно коммерческий, поэтому оценка его реализуемости должна учитывать социально-экологический контекст. Так, решение проблемы загрязнения атмосферного воздуха следует рассматривать в качестве ключевого положительного эффекта газификации.

Экологические инвестиции – вложения в качественную будущую жизнь населения

По официальным данным, сохранение текущих темпов загрязнения атмосферного воздуха увеличивает риски повышенного уровня онкозаболеваний в ключевых городах Красноярского края в течение предстоящих 70 лет²⁹. Кроме того, накопление в воздухе таких примесей, как оксид углерода, ксилол, толуол, бензол, марганец, свинец, окислы азота, аммиак, формальдегид,

²⁹ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Красноярском крае в 2016 году». Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю.

URL: <https://24.rospotrebnadzor.ru/s/24/files/documents/regional/GosDoklad/150494.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).

бенз(а)пирен, серная кислота и др. напрямую влияют на рост заболеваемости и смертности населения по причинам сердечно-сосудистых заболеваний, а также болезней органов дыхания.

Загрязнение атмосферного воздуха в Красноярске может служить причиной 2 563,3 дополнительных случаев заболеваний всего населения в расчете на 100 тыс. человек³⁰. При этом накопление мелкодисперсных фракций пыли РМ 2.5 приводит к увеличению показателей дополнительной смертности населения в г. Красноярске – 2,4 случая на тыс. человек. Используя данные о стоимости человеческой жизни [Аганбегян, 2019; Аганбегян, 2020], можно рассчитать, что совокупные ежегодные потери от загрязнения воздуха для жителей Красноярска оцениваются в диапазоне от 61 до 395 млрд руб. (табл. 4).

Таблица 4. Оценка социально-экономического ущерба от загрязнения воздуха в г. Красноярске, млрд руб.

Методика	Удельная стоимость затрат* на 1 чел.	Затраты по уровню дополнительной		Итоговая оценка социально-экологических потерь в год
		заболеваемости	смертности	
Уровень страховых выплат в случаях гибели при авиакатастрофе (<i>внутренний рейс</i>)	2,0	56,1	5,2	61,3
Уровень страховых выплат в случаях гибели при авиакатастрофе (<i>международный рейс – 150 тыс. долл. США</i>)	11,1	310,8	28,9	339,7
Национальный проект «Здравоохранение»: Обобщенная оценка стоимости жизни Росстата	4,8	134,6	12,5	147,1
Национальный проект «Здравоохранение»: Цена сокращения смертности от онкологических заболеваний на одного больного за 2019–2024 гг.	12,9	361,7	33,6	395,3
Исследование страховой компании «Сбербанк страхование жизни»: Стоимость жизни в опросе населения 2019 г.	5,8	162,6	15,1	177,7

Примечание. * В расчетах использован средний курс доллара за период с января 2020 по август 2023 гг. (73,9 руб.)

Источник. Рассчитано авторами на основе [Аганбегян, 2019; Аганбегян, 2020].

³⁰ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ в 2020 году». Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/5fa/gd-seb_02.06-_s-podpisyu_.pdf (дата обращения 11.06.2023).

Несмотря на произвольность любых оценок стоимости человеческой жизни и неутрахающие споры об этичности самой возможности их выполнять и обсуждать, можно исходить из того, что они все же полезны в качестве косвенных данных о потерях общества. Разумеется, даже максимальная из представленных оценок явно занижена, тем не менее ее впечатляющие размеры подчеркивают необходимость учета данного фактора при принятии решений о реализации столь крупных и столь важных для социально-экономического развития страны проектов, как газификация регионов.

Именно экологические внешние эффекты являются крупнейшим недостатком политики использования в топливно-энергетическом балансе относительно более дешевого и доступного в изобилии угольного топлива. Тем не менее, несмотря на определенный дрейф политики российского руководства в сторону большей экологизации, успехи на этом направлении пока скромны [Бобылев, 2021].

Заключение

Резкое сокращение спроса на российский газ со стороны европейских стран после февральских событий 2022 г. актуализировало задачу диверсификации экспортных поставок данного вида топлива. Неизбежный теперь «разворот на Восток» подразумевает строительство новой инфраструктуры транспортировки топлива, прежде всего, в направлении Китая.

Помимо решения данной задачи, развитие проекта «Сила Сибири-2» может послужить импульсом для газификации восточной части страны. Проект может быть реализован через территорию Красноярского края, поскольку для этого требуется значительно меньше инвестиций в силу меньшей протяженности маршрута и возможности его трассировки параллельно Транссибирской магистрали, что косвенно соответствует сценариям газификации, рассмотренным в рамках данной статьи.

Проведенные расчеты показали, что проект газификации Красноярского края может стать основой для поддержки внутреннего спроса на топливо, занятости населения и устойчивого социально-экономического развития территорий Азиатской России. Принятие же во внимание оценок социально-экологического ущерба от сжигания угля вблизи крупных городов региона и сопутствующих потерь жизни и здоровья населения еще более ярко

свидетельствует в пользу необходимости реализации инициатив по сокращению использования данного топлива и газификации региона.

Литература

Аганбегян А.Г. Негативный демографический тренд в России – возможности преодоления или смягчения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 1(60). С. 5–16.

Аганбегян А.Г. Онкозаболевания – главная угроза жизни людей в перспективе // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 5. № 4(18). С. 43–54. DOI: 10.24411/2411–8621–2019–14003

Бобылев С.Н. В поисках экологической устойчивости // Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование: Материалы XVI Международной научно-практической конференции Российской общества экологической экономики, Красноярск, 5–10 июля 2021 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2021. С. 19–20.

Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Астапович М. Качество воздуха как приоритет для новой экономики // Мир новой экономики. 2022. № 16 (2). С. 76–88. DOI: 10.26794/2220–6469–2022–16–2–76–88

Гайворонская М.С. Оценка потребности в газификации домохозяйств России и возможности для ее ускорения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 274–295. DOI: 10.47711/2076–318–2020–274–295

Глазырина И.П. Проблемы экологически неравноценного обмена в XXI веке // ЭКО. 2021. № 9 (567). С. 94–124. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2021–9–94–124

Земнухова Е.А. Направления газификации регионов Сибири как ключевое направление улучшения экологической обстановки в регионе // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. Т. 2. С. 216–221. DOI 10.18303/2618–981X–2018–2–216–221

Зимаков А.В. Европейские стратегии экологизации теплоснабжения // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 39–46. DOI: 10.20542/0131–2222–2019–63–8–39–46

Зиязов Д.С., Пыжжев А.И., Пыжжева Ю.И. Экономические механизмы борьбы с загрязнением атмосферного воздуха крупных российских городов // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 10(469). С. 1991–2008. DOI: 10.24891/ге.17.10.1991

Иванов Г.И., Моценко И.К. Перспективы развития топливно-энергетического комплекса Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2005. № 2(130). С. 119–122.

Кондраков О.В. Анализ состояния топливно-энергетического комплекса региона с позиции энергетической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12(46). С. 153–158.

Крюков В.А. Энергетика России: дело – труба? // ЭКО. 2014. № 3. С. 2–4.

Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 89–106. DOI: 10.23683/2073–6606–2019–17–3–89–106

Леденева М.В., Шамрай-Курбатова Л.В. Положительный опыт регионов РФ по развитию и совершенствованию основных элементов регионального национального богатства и возможности его использования в Волгоградской области //

Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2017: Труды десятой международной конференции в двух томах, Москва, 2–4 октября 2017 года. 2017. Т. II. С. 122–130.

Лимитовский М.А. Инвестиционные проекты и реальные опционы на развивающихся рынках. Учеб. пособие. М.: ЮРАЙТ, 2019. 486 с.

Михайлова Е.В. Общая характеристика состояния жилищно-коммунальной сферы Курской области // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 6. С. 48–60.

Новак А.В. Российский ТЭК 2022: вызовы, итоги и перспективы // Энергетическая политика. 2023. № 2 (180). С. 4–11. DOI: 10.46920/2409–5516_2023_2180_4

Носенко А.В. Оценка эффективности социально-экономической программы «Газификация населенных пунктов Республики Коми» // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: сборник научных трудов: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ухта, 26–27 ноября 2015 года. 2016. Т. 1. С. 103–109.

Палей Т.Ф., Лотфуллина Д.Р., Павлова Х.А. Оценка синергетического эффекта путем дисконтирования денежных потоков компаний «Роснефть» и «Татнефть» // Казанский экономический вестник. 2020. № 6(50). С. 16–21.

Патисянц Т.А. Анализ состояния газовой отрасли в Республике Адыгея // Экономика и управление в современных условиях: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (заочной) с международным участием, Майкоп, 22 мая 2019 года. Майкоп. 2019. С. 171–175.

Патракова С.С. Газификация сельских территорий Вологодской области: история и перспективы // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 3. С. 52–71. DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.4

Пыжев А.И., Сырцова Е.А., Пыжова Ю.И., Зандер Е.В. Устойчивое развитие Красноярского края: новые оценки // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 11. С. 2590–2595. DOI: 10.17516/1997–1370–2015–8–11–2590–2595

Пыжев А.И., Шарафутдинов Р.А., Зандер Е.В. Экологические последствия развития крупных промышленных городов в ресурсных регионах (на примере Красноярска) // ЭКО. 2021. № 7(565). С. 40–55. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2021–7–40

Рюмина Е.В. Влияние экологической обстановки на человеческий потенциал: аспект здоровья // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9–1 (48). С. 152–160. DOI: 10.24411/2500–1000–2020–11002

Рюмина Е.В. Специфика отдельных показателей качества жизни и качества населения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 10 (116). С. 24.

Семикашев В.В., Гайворонская М.С. Анализ текущего состояния и перспективы газификации России на период до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1(190). С. 91–100. DOI: 10.47711/0868–6351–190–91–100

Спектор Н.Ю. Методика проведения экономического анализа проектов газификации сельских населенных пунктов // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 5(173). С. 21–26. DOI: 10.33285/1999–6942–2019–5(173)-21–26

Третьяков А.В. Газификация курского села во второй половине XX – начале XXI века // Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2(34). С. 40–50.

Attwood T., Fung V., Clark W.W. Market opportunities for coal gasification in China // *Journal of Cleaner Production*. 2003. Vol. 11. Pp. 473–479.

Karmaker A.K., Ahmed M.R., Hossain M.A., Sikder M.M. Feasibility Assessment and Design of Hybrid Renewable Energy Based Electric Vehicle Charging Station in Bangladesh // *Sustainable Cities and Society*. 2018. Vol. 39. Pp. 189–202. DOI: 10.1016/j.scs.2018.02.035

Romanov A., Gusev B., Leonenko E., Tamarovskaya A., Vasiliev A., Zaytcev N., Philippov I. Graz Lagrangian Model (GRAL) for Pollutants Tracking and Estimating Sources Partial Contributions to Atmospheric Pollution in Highly Urbanized Areas // *Atmosphere*. 2020. Vol. 11, No. 1375. Pp. 1–26. DOI:10.3390/atmos11121375

Saluga P.W., Grzesiak P., Kaminski J. Valuation of Decision Flexibility and Strategic Value in Coal Gasification Projects with the Option-To-Switch between Different Outputs // *Energies*. 2020. Vol. 13 (11). Pp. 2826. DOI: <https://doi.org/10.3390/en13112826>

Shaparev N., Tokarev A., Yakubailik O. Fogs on the Yenisei River (Krasnoyarsk, Russia) // *Thermal Science*. 2022. Vol. 26, No. 5B. Pp. 4447–4458. DOI: 10.2298/TSCI220402099S

Статья поступила 18.08.2023

Статья принята к публикации 13.09.2023

Для цитирования: *Верхотуров А.В., Пыжнев А.И.* Варианты газификации Красноярского края: поиск эколого-экономического баланса // *ЭКО*. 2023. № 11. С. 43–63. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-43-63

Информация об авторах

Верхотуров Андрей Витальевич (Красноярск) – инженер-исследователь лаборатории экономики климатических изменений и экологического развития Сибирского федерального университета.

E-mail: turov777@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–8978–0725

Пыжнев Антон Игоревич (Красноярск) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией экономики климатических изменений и экологического развития Сибирского федерального университета; заведующий отделом прогнозирования экономического развития Красноярского края ИЭОПП СО РАН.

E-mail: apyzhev@sfu-kras.ru; ORCID: 0000–0001–7909–3227

Summary

A.V. Verkhoturov, A.I. Pyzhev

Options for Gasification in Krasnoyarsk Krai: The Search for Environmental and Economic Balance³¹

Abstract. The paper studies the socio-environmental effects of gasification projects in Siberia and the Far East on the example of Krasnoyarsk Krai, where the

³¹ The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FSRZ-2021–0011).

problem of air pollution caused by coal combustion is acute, especially for areas with a large number of low-rise houses. The calculations show that despite the high capital costs, the options of gasification of the region based on the expansion of the existing main infrastructure of fuel transportation can be profitable even in value terms. If we supplement these estimates with the results of the analysis of health and life losses of the population due to the toxic effects of coal combustion products, the need for practical implementation of the initiatives under consideration becomes even more obvious.

Keywords: *gasification; Sila Sibiri; environmental and economic analysis; environmental policy; air pollution; Krasnoyarsk*

References

- Aganbegyan, A.G. (2019). Oncologic diseases – the main threat to human life in perspective. *ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the HSEHOUSE*. Vol. 5. No. 4(18). Pp. 43–54. (In Russ.). DOI: 10.24411/2411–8621–2019–14003
- Aganbegyan, A.G. (2020). Negative demographic trend in Russia – opportunities for overcoming or mitigation. *North-West Economy: Problems and Development Prospects*. No. 1(60). Pp. 5–16. (In Russ.).
- Attwood, T., Fung, V., Clark, W.W. (2003). Market opportunities for coal gasification in China. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 11. Pp. 473–479.
- Bobylev, S.N. (2021). In search of environmental sustainability. *Resource economy, climate change and rational nature management: Proceedings of XVI International Scientific and Practical Conference of the Russian Society of Ecological Economics*, Krasnoyarsk, July, 5–10. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. Pp. 19–20. (In Russ.).
- Bobylev, S.N., Solovyova, S.V., Astapkovich, M. (2022). Air quality as a priority for the new economy. *The world of the new economy*. No. 16 (2). Pp. 76–88. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2022–16–2–76–88
- Gavoronskaya, M.S. (2020). Estimation of the need for gasification of Russian households and opportunities for its acceleration. *Scientific Proceedings: Institute of National Economy Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. No. 18. Pp. 274–295. (In Russ.). DOI: 10.47711/2076–318–2020–274–295
- Glazyrina, I.P. (2021). Problems of environmentally unequal exchange in the 21st century. *ECO*. No. 9 (567). Pp. 94–124. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–9–94–124
- Ivanov, G.I., Moshchenko, I.K. (2005). Prospects for the development of the fuel and energy complex of the Rostov Oblast. *Proceedings of Higher Educational Institutions. North-Caucasian region. Series: Natural Sciences*. No. 2(130). Pp. 119–122. (In Russ.).
- Karmaker, A.K., Ahmed, M.R., Hossain, M.A., Sikder, M.M. (2018). Feasibility Assessment and Design of Hybrid Renewable Energy Based Electric Vehicle Charging Station in Bangladesh. *Sustainable Cities and Society*. Vol. 39. Pp. 189–202. DOI: 10.1016/j.scs.2018.02.035
- Kondrakov, O.V. (2012). Analysis of the state of the fuel and energy complex of the region from the position of energy security. *Socio-economic phenomena and processes*. No. 12(46). Pp. 153–158. (In Russ.).
- Kryukov, V.A. (2014). Russia's Energy Industry: Is the Case a Pipe? *ECO*. No. 3. Pp. 2–4. (In Russ.).

Kurbatova, M.V., Levin, S.N., Kagan, E.S., Kislytsyn, D.V. (2019). Resource-type regions in Russia: definition and classification. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3. Pp. 89–106. (In Russ.). DOI: 10.23683/2073–6

Ledeneva, M.V., Shamray-Kurbatova, L.V. (2017). Positive experience of Russian regions in the development and improvement of the main elements of regional national wealth and the possibilities of its use in the Volgograd region. *Management of Large-Scale Systems Development MLSD'2017: Proceedings of the Tenth International Conference in two volumes, Moscow, October 2–4, 2017*. Vol. II. Pp. 122–130. (In Russ.).

Limitovsky, M.A. (2019). Investment projects and real options in emerging markets. Moscow, Yurait. 486 p. (In Russ.).

Mikhailova, E.V. (2018). General characteristics of the state of the housing and communal sphere of Kursk region. *State and society: yesterday, today, tomorrow*. No. 6. Pp. 48–60. (In Russ.).

Nosenko, A.V. (2016). Assessing the effectiveness of the socio-economic program “Gasification of settlements of the Komi Republic”. *Science, education and spirituality in the context of the concept of sustainable development: a collection of scientific papers: materials of the All-Russian scientific-practical conference, Ukhta, November 26–27, 2015*. Vol. 1. Pp. 103–109. (In Russ.).

Novak, A.V. (2023). Russian Fuel and Energy Complex 2022: Challenges, Results and Prospects. *Energy Policy*. No. 2 (180). Pp. 4–11. (In Russ.). DOI: 10.46920/2409–5516_2023_2180_4

Paley, T.F., Lotfullina, D.R., Pavlova, Kh.A. (2020). Estimation of synergistic effect by discounting cash flows of Rosneft and Tatneft. *Kazan Economic Bulletin*. No. 6(50). Pp. 16–21. (In Russ.).

Papikyants, T.A. (2019). Analysis of the state of the gas industry in the Republic of Adygeya. *Economics and management in modern conditions: problems and prospects: a collection of scientific papers on the materials of the VI All-Russian scientific-practical conference with international participation, Maykop, May 22, 2019*. Pp. 171–175. (In Russ.).

Pratkova, S.S. (2021). Gasification of rural territories of the Vologda Oblast: history and prospects. *Problems of territorial development*. Vol. 25. No. 3. Pp. 52–71. (In Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.4

Pyzhev, A.I., Sharafutdinov, R.A., Zander, E.V. (2021). Ecological consequences of the development of large industrial cities in resource regions (on the example of Krasnoyarsk). *ECO*. No. 7(565). Pp. 40–55. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–7–40

Pyzhev, A.I., Syrtsova, E.A., Pyzheva, Yu.I., Zander, E.V. (2015). Sustainable development of the Krasnoyarsk Territory: new estimates. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No. 11. Pp. 2590–2595. (In Russ.). DOI: 10.17516/1997–1370–2015–8–11–2590–2595

Romanov, A., Gusev, B., Leonenko, E., Tamarovskaya, A., Vasiliev, A., Zaytcev, N., Philippov, I. (2020). Graz Lagrangian Model (GRAL) for Pollutants Tracking and Estimating Sources Partial Contributions to Atmospheric Pollution in Highly Urbanized Areas. *Atmosphere*. Vol. 11. No. 1375. Pp. 1–26. DOI: 10.3390/atmos11121375

Ryumina, E.V. (2018). Specificity of individual indicators of the quality of life and quality of the population. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. No. 10(116). Pp. 24. (In Russ.).

Ryumina, E.V. (2020). Influence of ecological conditions on human potential: the health aspect. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. No. 9–1(48). Pp. 152–160. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500–1000–2020–11002

Safuga, P.W., Grzesiak, P., Kaminski, J. (2020). Valuation of Decision Flexibility and Strategic Value in Coal Gasification Projects with the Option-To-Switch between Different Outputs. *Energies*. Vol. 13 (11). No. 2826. DOI: 10.3390/en13112826

Semikashv, V.V., Gaivoronskaya, M.S. (2022). Analysis of the current state and prospects of Russia's gasification for the period up to 2030. *Problems of Forecasting*. No. 1(190). Pp. 91–100. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868–6351–190–91–100

Shaparev, N., Tokarev, A., Yakubailik, O. (2022). Fogs on the Yenisei River (Krasnoyarsk, Russia). *Thermal Science*. Vol. 26, No. 5B. Pp. 4447–4458. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.2298/TSCI220402099S>

Spector, N. Yu. (2019). Methodology of economic analysis of gasification projects of rural settlements. *Problems of economy and management of the oil and gas complex*. No. 5(173). Pp. 21–26. (In Russ.). DOI: 10.33285/1999–6942–2019–5(173)-21–26

Tretyakov, A.V. (2015). Gasification of the Kursk village in the second half of the XX – the beginning of the XXI century. *Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. No. 2(34). Pp. 40–50. (In Russ.).

Zemnukhova, E.A. (2018). Directions of gasification of Siberian regions as a key direction of improving the ecological situation in the region. *Interexpo Geo-Siberia*. Vol. 2. Pp. 216–221. (In Russ.). DOI 10.18303/2618–981X-2018–2–216–221

Zimakov, A.V. (2019). European strategies of greening heat supply. *World economy and international relations*. Vol. 63. No. 8. Pp. 39–46. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–8–39–46

Ziyazov, D.S., Pyzhev, A.I., Pyzheva, Yu.I. (2019). Economic mechanisms of combating atmospheric air pollution in large Russian cities. *Regional economics: theory and practice*. Vol. 17. No. 10(469). Pp. 1991–2008. (In Russ.). DOI: 10.24891/re.17.10.1991

For citation: Verkhoturov, A.V., Pyzhev, A.I. (2023). Options for Gasification in Krasnoyarsk Krai: The Search for Environmental and Economic Balance. *ECO*. No. 11. Pp. 43–63. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-43-63

Information about the authors

Verkhoturov, Andrey Vitalevich (Krasnoyarsk) – a research engineer at the Laboratory of Economics of Climate Change and Environmental Development of the Siberian Federal University.

E-mail: turov777@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–8978–0725

Pyzhev, Anton Igorevich (Krasnoyarsk) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Economics of Climate Change and Environmental Development of the Siberian Federal University; Head of the Department of Forecasting of Economic Development of the Krasnoyarsk Territory of the IEPP SB RAS.

E-mail: apyzhev@sfu-kras.ru; ORCID: 0000–0001–7909–3227

Н.Е. Антонова

Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития

УДК 339. 5+332.14:330.15

Аннотация. Исследованы последствия реакции лесного комплекса Хабаровского края на регуляторные и санкционные ограничения, возникшие в 2022 г. Рассмотрены предлагаемые государственные меры поддержки комплекса, направленные на его краткосрочное (выход из кризиса и адаптация к изменившейся рыночной конъюнктуре) и долгосрочное (формирование внутреннего рынка сбыта продукции) развитие. На примере расширения использования биотоплива для муниципальных котельных в Хабаровском крае показаны возможности и ограничения данного направления развития внутреннего спроса на продукцию лесного комплекса.

Ключевые слова: регуляторная политика; санкции; лесной комплекс; спрос на лесопромышленную продукцию; Дальний Восток; Хабаровский край

Введение

На протяжении многих лет параметры структурно-экономической динамики лесного комплекса (ЛК) России во многом определялись внешним спросом на продукцию, поскольку в условиях стационарной экономики и благоприятной конъюнктуры именно экспорт обеспечивал стабильный рынок сбыта. Существенное влияние также оказывала волатильность курса национальной валюты, девальвация которой даже в кризисных условиях играет, как правило, положительную роль в росте доходов ЛК, позволяя компенсировать валютной выручкой растущие издержки.

Воздействие этих факторов изменилось в 2022 г., когда российский лесной комплекс сначала подвергся существенному внутреннему регулирующему воздействию, а затем введенные санкционные ограничения обострили ситуацию. При одновременном влиянии внутренних экспортных запретов и внешних санкций российские лесопромышленные компании оказались в беспрецедентной ситуации, когда одновременно сработали все возможные риски, которые ранее возникали по отдельности¹.

¹ Катастрофа, апокалипсис и другие оценки ситуации в лесопромышленной отрасли. Обобщение. Интерфакс <https://www.interfax.ru/business/847503> (дата обращения: 10.08.2023).

Предприятия пытаются найти способы выхода из кризиса, в том числе обращаются за помощью к государству, а оно предлагает направления развития ЛК с учетом своих интересов, обещая при этом ряд мер поддержки, но избирательно.

В силу пространственного разнообразия и экономико-географических особенностей лесные комплексы в российских регионах по-разному реагируют на возникшие вызовы и пытаются выстраивать свои пути выживания и дальнейшего развития в новых предлагаемых условиях.

Есть своя специфика и у региональных комплексов Дальнего Востока России, оказавшихся в «эпицентре» происходящего маневра отечественной экономики на восток. Среди них выделяется лесной комплекс Хабаровского края, который представляет собой «главное звено» природно-экономической системы «Лесной комплекс Дальнего Востока», сочетая относительно богатую сырьевую базу, с одной стороны, и ориентированную на внешний рынок развитую экономическую деятельность по ее использованию – с другой.

На Хабаровский край приходится 15,2% покрытой лесом площади ДФО, 20,0% запаса древесины (относительно России эти показатели составляют 6,6 и 6,2%² соответственно). На Дальнем Востоке только Республика Саха (Якутия) опережает Хабаровский край по размерам лесопокрытой площади и запасам древесины, но по развитию лесопромышленной активности край является безусловным лидером округа, обеспечивая более 50% лесопромышленного производства и лесного экспорта (очевидно, во многом благодаря своему приграничному положению, близости к рынкам Северо-Восточной Азии и налаживанию устойчивых внешнеторговых связей в этом регионе). Поэтому, с определенными допущениями можно считать, что реакции ЛК Хабаровского края на происходящие в экономике процессы отражают дальневосточную специфику в сфере лесопользования.

Целью статьи является исследование реакции лесного комплекса Хабаровского края на внутренние и внешние процессы и шоки, а также рассмотрение возможных направлений его дальнейшего развития в новых экономико-политических координатах.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022.

Последствия шоков 2022 г. в лесном комплексе страны и региона

Первыми в череде шоков 2022 г. для отечественных лесопромышленников стали полный запрет на экспорт из России необработанной древесины хвойных и ценных лиственных пород и повышение таможенных тарифов на экспорт пиломатериалов естественной влажности (22% и выше). Обсуждались эти меры с осени 2020 г., но поправки в Таможенный кодекс были приняты в конце ноября 2021 г. и вступили в силу с 1 января 2022 г. Для лесного комплекса Хабаровского края, традиционно ориентированного на торговлю со странами Северо-Восточной Азии и специализировавшегося на экспорте в основном хвойной необработанной древесины (ель аянская, пихта белокорая, лиственница даурская), эти регуляторные новации имели шоковый характер.

Последовавшие вскоре санкционные ограничения обострили ситуацию. Введенные «евроатлантическими партнерами» санкции блокировали внешнеторговые операции и всю их инфраструктуру (страхование, транспортную логистику, систему платежей, трансферт технологий и капиталов) [Минакир, 2023]. В ходе разрушения производственных, торговых, финансовых и прочих связей на прежде относительно стабильных международных рынках российская экономика стала выходить из стационарного режима.

Исследования последствий внешних санкций в разных странах показывают, что отрасли, которые активно включены в мировой рынок, подвержены им в большей мере – экономический спад в них сильнее. В Иране, Югославии отрасли, которые более других зависели от импорта и экспорта, после введения санкций испытывали серьезные финансовые трудности и были вынуждены либо уйти с рынка, либо сократить объёмы выпуска [Зубаревич, 2022; Ситкевич, Стародубровская, 2022].

В России большинство региональных лесных комплексов, особенно на многолесных территориях, являются экспортоориентированными. При этом, как показывают исследования [Гнидченко, Сальников, 2022], лесная промышленность относится к тем видам экономической деятельности, для которых характерны концентрация экспорта на небольшом числе внешних рынков и относительно невысокие экспортные цены. Основные виды наиболее массово экспортируемой российской продукции – необработанная

древесина, пиломатериалы, фанера, целлюлоза, картон, то есть продукция невысоких переделов и полуфабрикаты, находящиеся в относительно низком ценовом сегменте. Риски для производителей в рамках такой модели максимальны, особенно в условиях нестабильной конъюнктуры на рынках из-за санкций.

Резкое изменение внешнеэкономической ситуации в 2022 г. негативно повлияло на параметры лесного комплекса Хабаровского края. Особенно это заметно на контрасте с предыдущим 2021 г. Тогда в мире резко выросли цены на лесопромышленную продукцию в результате роста спроса на пиломатериалы, вызванного бумом на рынке недвижимости в США, на фоне ограничения предложения на рынке из-за пандемии и вынужденной самоизоляции работников, в итоге в 2021 г. в Хабаровском крае цена на пиломатериалы выросла на 40,6%, стоимостной объем экспорта увеличился на 48,3%, тогда как физический – лишь на 5,4%³. Однако продержалась такая конъюнктура недолго, цены на лесных рынках начали снижаться уже в следующем году.

Но главной причиной сокращения экспортных доходов хабаровских лесопромышленников в 2022 г. стал запрет на экспорт одной из ключевых товарных позиций ЛК – необработанной древесины. Его объем сжался в 4,3 раза по сравнению с предыдущим годом (табл. 1), составив лишь 0,5 млн м³.

Таблица 1. Индексы экспорта физических объемов лесопродукции из Хабаровского края (2019–2022 гг.), % к предыдущему году

Продукция	2019	2020	2021	2022
Древесина необработанная	67,8	88,9	86,4	23,3
Пиломатериалы	112,5	95,9	107,2	125,2
Шпон лущеный	84,3	75,4	103,9	100,2
Гранулы топливные	103,8	174,4	106,4	140,4

Источник. Рассчитано по данным Министерства лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края. URL: <https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlennyj-kompleks/> (дата обращения: 10.08.2023).

³ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147036> (дата обращения: 10.08.2023).

При этом объем экспорта пиломатериалов не только не снизился, а даже вырос на 25,2% по сравнению с 2021 г., несмотря на повышение пошлин, что может свидетельствовать об адаптации ЛК края к регуляторным ограничениям. О предстоящих новациях Таможенного кодекса было объявлено еще осенью 2020 г., и у бизнеса был год, чтобы подготовиться к ним. Предприятия активно наращивали мощности по переработке древесины и утилизации ее отходов – в крае выросло производство пиломатериалов (на 117,6% за 2020–2021 гг.), пеллет (на 135,0%), лущеного шпона (на 126,4%). Некоторые лесопромышленные предприятия стали приобретать сушильные камеры, чтобы в 2022 г. перейти на производство и экспорт сухих пиломатериалов, таможенный тариф на которые остался прежним (10 евро/м³). Однако создать за год мощности по переработке всего заготавливаемого объема древесины не удалось, что привело к сокращению масштабов рубок в 2022 г., когда новации Таможенного кодекса вступили в силу.

Что касается влияния внешних санкций, то от них сильнее всего «пострадало» производство относительно нового для края вида лесопромышленной продукции – лущеного шпона. Запрет Россией⁴ в марте 2022 г. поставок шпона в Японию вызвал встречный запрет Японии⁵ на его импорт. Между тем именно в эту страну экспортировалась львиная доля шпона, производимого в Хабаровском крае (55% в 2021 г.), под японские параметры компания «РФП Групп» построила в 2012 г. шпоновый завод в г. Амурске. В результате встречных эмбарго объемы производства этой продукции резко упали. К осени 2022 г. российская сторона сняла ограничения на экспорт, но Япония этого не сделала, поэтому хабаровским производителям пришлось переориентироваться на другие рынки. Сейчас главным импортером выступает Китай. Однако цена на шпон на внешнем рынке упала на 53%, на пиломатериалы – на 21%⁶.

⁴ О мерах по реализации Указа Президента РФ от 8 марта 2022 г. № 100: Постановление правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 313.

⁵ Цена на импортный шпон в Японии в апреле взлетела до небес после прекращения поставок из России. URL: <https://www.lesprom.com/ru/news/103337/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁶ Дальэкспортлес предлагает отменить экспортную пошлину на пиломатериалы естественной влажности // «ЛПК Сибири». 08.11.2022. URL: <https://lpk-sibiri.ru/news/daleksportles-predlagaet-otmenit-eksportnyuyu-poshlinu-na-pilomaterialy-estestvennoy-vlazhnosti/?ysclid=1kjgkpw7hw770285152> (дата обращения: 10.08.2023).

Относительно благополучно обстоит дело лишь в производстве и экспорте пеллет. Основные их потребители – Республика Корея и Япония – вывели их из-под санкций, и поставки этой продукции из Хабаровского края в последние два года осуществлялись с достаточной регулярностью. Это, можно сказать, большая удача, так как других рынков сбыта поблизости нет – Китай не импортирует пеллеты, поскольку с 2020 г. запретил ввоз любых видов отходов (а пеллеты производятся из отходов лесопиления) по экологическим соображениям⁷.

Помимо спросовых ограничений, на параметры лесного комплекса края оказали негативное влияние еще некоторые факторы.

- На традиционных для дальневосточников рынках появились новые конкуренты – экспортеры из западных регионов России [Вардомский, 2023]. Последним из-за ухудшения геополитической обстановки и закрытия европейских рынков пришлось перенаправить свои товары, в том числе лесные, на рынки стран Северо-Восточной Азии, в основном в Китай. В результате переизбытка предложения, совпавшего с замедлившейся из-за пандемии экономической активностью в КНР (в частности, продажи недвижимости в 2022 г. сократились на 24,3%, что привело к кризису в строительной отрасли), цены на пиломатериалы упали. По итогам 2022 г. суммарные объемы импорта в Китай пиломатериалов сократились на 7% относительно 2021 г.⁸

- Появление новых участников ВЭД и в целом резкий рост деловой активности на восточном направлении породили проблемы в транспортном обеспечении грузопотоков и соответствующий рост издержек. На дальневосточном участке Транссиба объемы заявок на перевозку многократно превышали существующие возможности, что привело к двукратному увеличению цен на доставку товара до потребителя. Помимо этого, на погранпереходах между Россией и Китаем были введены лимиты суточных объемов пересечения границы по номенклатуре грузов⁹. В этих условиях увеличение объемов лесоматериалов из других

⁷ Опилки идут в горы // Коммерсантъ. 13.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6042441?ysclid=lkeyu4jsqz652328275> (дата обращения: 13.06.2023).

⁸ Экспорт леса в 2023: новые направления // Лесной комплекс. 2023. № 2. URL: <https://forestcomplex.ru/logistics/eksport-lesa-v-2023-novye-napravleniya/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁹ Лесные итоги ВЭФ: санкции не фатальны, ЛПК будет наращивать переработку. URL: <https://roslesinfor.ru/news/all/7237/> (дата обращения: 10.08.2023).

регионов России нередко приводило к возникновению заторов на границе, сужая возможности местных лесоэкспортеров на традиционных маршрутах.

• Укрепление рубля в 2022 г. негативно сказалось на доходности экспортных поставок ЛПК: валютная выручка у лесопромышленных компаний сократилась, а внутренние издержки выросли – из-за роста железнодорожных тарифов, стоимости горюче-смазочных материалов, цен на импортные запчасти для оборудования и т.д. [Антонова, 2022]. В целом по России начиная со 2-го квартала 2022 г. финансовые показатели лесопромышленных компаний в России ежеквартально падали на 13–16%, суммарная выручка предприятий по итогам 2022 г. сократилась на 8–10%¹⁰.

На фоне турбулентности геополитических условий, нестабильности рынков, разрушения устоявшихся связей показатели региональных ЛК повсеместно демонстрируют спад.

Поддержка государством внутреннего спроса – краткосрочные и долгосрочные аспекты

В начале 2023 г. российское руководство предложило ряд мер для поддержки ЛПК страны¹¹. Среди них были как оперативные, так и носящие долгосрочный характер.

В частности, в качестве оперативных мер для нивелирования последствий кризиса в отрасли были выделены субсидии на компенсацию транспортных затрат при экспорте лесных грузов; установлена приоритетность перевозок лесных грузов железнодорожным транспортом (для предприятий, имеющих сырьевую базу и мощности по переработке); введена отсрочка до конца года по арендным платежам в связи с уменьшением объема заготовки древесины (последняя мера – только для территорий Северо-Западного федерального округа).

Помимо этого, в рамках поддержки отдельных регионов Дальнего Востока властями Хабаровского и Приморского краев совместно с Правительством РФ были разработаны меры

¹⁰ Экспорт леса в 2023: новые направления // Лесной комплекс. 2023. № 2. URL: <https://forestcomplex.ru/logistics/eksport-lesa-v-2023-novye-napravleniya/> (дата обращения: 10.08.2023).

¹¹ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. 22 марта 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения: 13.08.2023).

поддержки стратегических лесопромышленных предприятий. Условия получения господдержки: повышение уровня переработки древесины, увеличение выпуска продукции с высокой долей добавленной стоимости и сохранение численности работников.

В качестве долгосрочных мер предусмотрена активизация внутреннего спроса по двум основным направлениям: использование биотоплива (в том числе пеллет) в муниципальных котельных и развитие деревянного домостроения. Собственно, это те направления, которые фигурируют в последней версии Стратегии развития лесного комплекса России до 2030 года¹² (Стратегия), как наиболее перспективные с точки зрения наращивания внутреннего спроса на лесную продукцию.

В отношении деревянного домостроения в Стратегии говорится, что при должной государственной поддержке в этом сегменте возможен рост к 2030 г., сопоставимый с темпами ввода всех типов новых зданий (4,8% в год). В отношении использования пеллет ее прогнозы не так оптимистичны – из-за дешевизны традиционного топлива (газа и дров) экономических оснований для роста потребления пеллет на внутреннем рынке не ожидается, если не будет стимулирования со стороны государства. Возможен лишь перевод на биотопливо отдельных муниципальных котельных, работающих на мазуте и угле. Вплоть до 2030 г. Стратегия считает наиболее перспективным экспорт пеллет в европейские страны и Японию.

В целом авторы Стратегии продвигают экспортоориентированный подход к ведению бизнеса, включая поставки продукции на внешние рынки, сертификацию продукции по зарубежным критериям (FSC), приобретение импортного оборудования с использованием льготных кредитов [Гордеев, Пыжев, 2023].

В числе рисков при реализации такого подхода названы возможность введения со стороны других государств ограничений на поставки в Россию технологий и оборудования, повышение импортных пошлин на ключевых зарубежных рынках. Преодолевать эти риски предлагается путем привлечения в российские проекты инвесторов из стран – импортеров продукции, развития внутреннего спроса, а также локализации иностранных производителей

¹² Стратегия развития лесного комплекса России до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р).

оборудования. Судя по этим мерам, данные риски не рассматривались авторами документа в качестве серьезной проблемы. В целом, похоже, что российское руководство в последние двадцать лет не считало вероятным столь катастрофическое обрушение структуры торгово-финансовых потоков на евроатлантическом направлении [Минакир, 2023].

С вводом тотальных санкций и реализацией одновременно всех рисков предлагаемые в Стратегии меры по их нивелированию стали неактуальны. Поэтому, исходя из новых реалий, среди поручений Президента по развитию лесопромышленного комплекса¹³ намечено обеспечить актуализацию Стратегии развития лесного комплекса, уточнив параметры развития лесной промышленности в долгосрочной перспективе. Соответственно, на перспективу меняются приоритеты в рынках сбыта, идет поиск новых подходов к развитию внутреннего спроса. В этом русле был обновлен и перечень мер по поддержке развития рынков деревянного домостроения и биотоплива.

В рамках развития деревянного домостроения предусмотрено выделение из федерального бюджета в 2023–2024 гг. 10 млрд руб. на строительство малоэтажных жилых зданий из отечественных деревянных домокомплектов заводского изготовления по программе переселения граждан из аварийных жилых домов. Разрабатываются меры по льготному кредитованию населения в рамках индивидуального жилищного строительства (ИЖС). В частности, банкам и АО «ДОМ.РФ» будут компенсированы недополученные доходы по выданным льготным ипотечным кредитам. Для организаций – строителей деревянного ИЖС вводятся такие же льготные условия, как и для застройщиков многоквартирных домов из традиционных материалов (использование эскроу счетов при расчетах организаций, предоставление поручительства по привлекаемым подрядными организациями кредитам и т.д.).

В целях стимулирования использования биотоплива предусмотрено выделение в 2023–2024 гг. специальных казначейских кредитов на общую сумму в 15 млрд руб. на модернизацию работающих на угле и мазуте котельных с переводом их на биотопливо (в том числе пеллеты) и строительство новых котельных

¹³ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. 22 марта 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения: 13.08.2023).

на биотопливе. Приоритетными территориями для реализации этих мер выбраны регионы Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов. Рассматривается возможность компенсации из федерального бюджета недополученных доходов производителям котельного оборудования, реализующим его со скидками.

Как быстро будут претворены в жизнь эти меры, удастся ли с их помощью заметно повысить спрос на лесопромышленную продукцию в целом в стране и по регионам, пока судить сложно – процесс только идет. Необходимо учитывать, что регионы и их лесные комплексы могут по-разному откликаться на предлагаемые государством инструменты. В развитии внутреннего спроса большую роль играют экономико-географические, социально-демографические факторы, исторический контекст развития того или иного региона, существующая политика регионального развития и т.д. Рассмотрим эти факторы на примере Хабаровского края.

Возможности развития лесного комплекса Хабаровского края за счет внутреннего спроса

Для того чтобы определить, способны ли предлагаемые меры поддержки повлиять на параметры лесного комплекса Хабаровского края, нужно рассматривать их в краткосрочном и долгосрочном аспектах развития. Исходя из специфики сложившейся ситуации, к краткосрочным целям (в течение года) следует отнести выход комплекса из кризиса и адаптацию к изменившейся рыночной конъюнктуре. К долгосрочным (в течение 3–5 лет, поскольку на фоне высокой турбулентности экономики и геополитики на более длительный срок трудно загадывать) можно отнести развитие альтернативного (внутреннего) рынка сбыта продукции.

Для выхода из кризиса лесопромышленным предприятиям края предоставлена рассрочка платежей по договорам аренды лесных участков на срок от одного до шести месяцев с уплатой не позднее 22 декабря 2023 г.¹⁴ Эта мера принята в рамках

¹⁴ Об установлении меры государственной поддержки субъектам лесной промышленности в Хабаровском крае в виде отсрочки (рассрочки) по внесению арендной платы за использование лесов для заготовки древесины в части, превышающей минимальный размер арендной платы, в 2023 г.: постановление Правительства Хабаровского края от 16.06.2023 № 285-пр.

содействия устойчивому развитию лесопромышленных предприятий, имеющих стратегическое значение, как было поручено Президентом РФ в феврале 2023 г. При этом условия предоставления отсрочки довольно жесткие: отсутствие задолженностей по всем видам платежей, сохранение 90% численности работников, падение объема заготовки не менее чем на 21% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Если объем заготовки сократился от 21 до 40%, то отсрочка предоставляется на три месяца, если больше – на шесть. То есть эта мера, по сути, аналогична той, что была введена на территориях СЗФО¹⁵, разве что резидентам последних никаких условий не выдвигается.

Для лесопромышленных предприятий, у которых есть сырьевая база и мощности по переработке, установлена приоритетность перевозок продукции на экспорт. Реализуется она через региональные органы власти¹⁶.

Других мер поддержки лесопромышленных предприятий края по выходу из кризиса пока не предусмотрено, хотя региональные органы власти подавали свои предложения федеральному правительству.

Предлагаемые государством меры стимулирования внутреннего спроса можно отнести к долгосрочным целям ЛК, поскольку они требуют значительных ресурсов – технологических, инвестиционных, институциональных, временных.

Развитие внутреннего спроса зависит от многих факторов, включая экономико-географические и социально-демографические. Хабаровский край, будучи приграничным регионом, всегда был ориентирован на внешний спрос. Кроме того, социально-демографическая ситуация в крае, как и во всем Дальневосточном макрорегионе, далека от благополучной. На его территории проживает 1,3 млн человек, в том числе 82% городского и 18% сельского населения¹⁷. За 2010–2022 г. численность населения сократилась на 3,7%, наиболее заметно в сельской местности (на 6,1%). Происходят обезлюдение

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 15 июня 2023 г. № 987.

¹⁶ Установлен приоритет для перевозки лесных грузов по железной дороге. URL: <https://les.khabkrai.ru/Important/4086?ysclid=lm37sx125n936693280> (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁷ Хабаровский край: стат. ежегодник. 2022. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения: 13.08.2023).

северных районов и «сжатие» освоенного пространства из-за миграционного оттока и естественной убыли населения. При средней плотности населения края 1,6 чел./км², в трех северных районах, занимающих половину его территории, она составляет 0,01–0,04, в одиннадцати многолесных районах – от 0,1 до 3,7¹⁸. То есть большая часть территории края малолюдная.

Два направления развития внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию – деревянное домостроение и использование биотоплива – в первую очередь столкнутся именно с этой проблемой. Но есть и еще ряд вопросов, на которые нужно найти ответы. Рассмотрим их детальнее на примере предлагаемого перехода на использование биотоплива в муниципальных котельных.

Подчеркнем, что использование возобновляемых источников энергии, в том числе древесного биотоплива, которое считается условно CO₂-нейтральным, становится общемировым трендом, поэтому перевод котельных на биотопливо можно считать актуальным вне зависимости от геополитической и внешнеэкономической конъюнктуры. Считается, что его использование [Вукович, Мехренцев, 2023] позволяет реализовать такие цели устойчивого развития (ЦУР), как получение доступной и дешевой энергии (ЦУР 7), депонирование диоксида углерода (снижение выбросов парниковых газов) (ЦУР 13). Кроме того, это может способствовать сохранению экосистем суши (ЦУР 15), поскольку избавляет их от огромных «залежей» низкотемпературной тонкомерной древесины и отходов лесопиления. Для Хабаровского края утилизация древесных отходов весьма актуальна, поскольку они являются источником вредных выбросов в водную среду и атмосферу, создают пожарную опасность в лесах и населенных пунктах.

Она целесообразна и с экономической точки зрения. Только при лесопилении до 40% древесины уходит в опилки, щепу, кору. По оценкам на 2016 г., в Хабаровском крае отходы при лесозаготовке составили 1,3 млн м³, сортировке и отбраковке – 0,4 млн м³, лесопиления – 1,3 млн м³, что в сумме приблизительно

¹⁸ URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028> (дата обращения: 13.08.2023).

составило около 3 млн м³ древесины¹⁹. Это только за один год, а ведь есть еще отходы прошлых лет, накопленные на предприятиях, на лесных делянках. Лишь небольшая их часть утилизируется в процессе производства основной продукции (для отопления, сушки), причем, как правило, – в виде самого дешевого сырья – щепы и опилок. Львиная доля отходов в лучшем случае складывается или просто выбрасывается, что повышает себестоимость основной продукции и снижает ее конкурентоспособность по сравнению с зарубежными и даже российскими компаниями из европейской части страны, которые реализуют отходы либо используют на собственных перерабатывающих предприятиях (целлюлозно-бумажных, гидролизных, плитных) [Развитие экономики Дальнего Востока..., 2021].

С середины 2010-х гг. в рамках реализации приоритетных инвестиционных проектов в Хабаровском крае начало активно развиваться ориентированное на экспорт производство пеллет, где в качестве сырья используется часть наиболее «качественных» отходов лесопиления. К настоящему времени созданы мощности по производству около 400–450 тыс. т пеллет в год. Самые крупные из них принадлежат компании New Forest Pro (240 тыс. т)²⁰ и АО «Дальлеспроект» (100 тыс. т)²¹.

Но что касается использования пеллет для отопления, то в существующих российских реалиях и органы власти, и предприниматели, и население исходят из экономической целесообразности применения того или иного вида топлива, включая капитальные затраты на котельное оборудование, цены на топливо (с учетом теплоотдачи и расходов на доставку), текущие расходы на использование.

В регионах России есть отдельные примеры использования в муниципальных котельных разных видов биотоплива (щепа, опилки, торф, топливные гранулы), но масштабирование этой практики сдерживается высокими затратами. По оценкам экспертов, на начало 2021 г. инвестиции на возведение

¹⁹ Производство топливных гранул. Инвестиционный портал Хабаровского края. URL: https://invest.khv.gov.ru/documents/235/Fuel_pellets.pdf (дата обращения: 13.08.2023).

²⁰ Сайт компании NewForestPro. URL: <https://newforestpro.ru/ru/syrjo/toplivnye-pellety/> (дата обращения: 13.08.2023).

²¹ Сайт компании RFP Group. URL: <https://www.rfpgroup.ru/wood-pellets> (дата обращения: 13.08.2023).

стационарной биотопливной котельной мощностью 1 МВт составляли примерно 25 млн руб.²²

В отношении возможного перевода на биотопливо муниципальных котельных в Хабаровском крае, использующих дизельное топливо, нужно отметить ряд ограничений.

С одной стороны, расчеты²³ показывают, что для замены 66,2 тыс. т дизельного топлива, потребленного в 2022 г. в котельных края, потребуется 266,6 тыс. т биотоплива (в виде пеллет, древесных обрезков, стружки, опилок). То есть потенциально спрос на биотопливо сравним с объемом производства пеллет в крае (213,7 тыс. т в 2021 г., 344,2 тыс. т в 2023 г.).

С другой стороны, дизельное топливо используется в основном на изолированных и труднодоступных с точки зрения обеспечения генерацией территориях²⁴. В Хабаровском крае к таковым относятся 92 населенных пункта в 13 муниципальных районах (из 17). По данным краевого Министерства ЖКХ, в 2020 г. в поселениях, не имеющих систем централизованного электроснабжения, работало 59 котельных на дизельном и мазутном топливе²⁵.

Всего в крае насчитывается 444 котельных, из которых 293 (66%) используют в качестве топлива уголь, 32 (7%) – газ. На древесных видах топлива работает 60 котельных (13,5% от их общего числа). Топливом для них служат дрова, опилки, щепа, но не относительно более дорогие пеллеты; и находятся они в поселках, расположенных в зонах действия лесозаготовок или деревообрабатывающих предприятий. Как правило, численность населения в таких поселках незначительна, спрос на биотопливо невелик. Кроме того, собственники древесных отходов используют их

²² Перевод котельных на биотопливо: экономично, дешево, эффективно? // Лесной комплекс. 21.01.2021. URL: <https://forestcomplex.ru/unikalno/perevod-kotelnyh-na-biotoplivo-ekonomichno-djoshevo-effektivno/?ysclid=1khwz9prd0682712516> (дата обращения: 13.08.2023).

²³ Расчет потребности в биотопливе проведен на основе данных государственной статистики о расходе дизельного топлива в котельных и калорийных эквивалентов отдельных видов топлива.

²⁴ Объекты генерации в изолированных и труднодоступных территориях в России. Аналитический доклад. Март 2020. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_%D0%98%D0%A2%D0%A2.pdf?ysclid=1lxid89wwr836548615 (дата обращения: 13.08.2023).

²⁵ В Хабаровском крае 2,2 млрд руб. направят на замену неэффективных жидкотопливных котельных. Агентство ТАСС. 11.01.2020. URL: <https://tass.ru/v-strane/7491241?ysclid=lkglz1a3w5723780973> (дата обращения: 13.08.2023).

для своих энергетических нужд: отопления производственных участков, обеспечения технологических процессов.

Для сравнения отметим, что, например, в Архангельской области на биотопливе работают в шесть раз больше котельных, чем в Хабаровском крае – 369, которые закрывают 46% топливно-энергетического баланса региона²⁶, то есть биоэнергетика в этом регионе представляет собой достаточно развитый сегмент. Но и там в основном используются дрова и древесные отходы, лишь восемь котельных (2%) топятся пеллетами²⁷. При этом инвестиции в строительство котельной на пеллетах в условиях Архангельской области составляют 30–40 млн руб., а выработанный ею 1 МВт почти вдвое дороже стоимости энергии, полученной из угля или природного газа. Поэтому без государственной поддержки рассчитывать на развитие этого вида генерации сложно.

В Хабаровском крае часть поселений, относящихся к изолированным и труднодоступным, расположена в зоне северного завоза, куда грузы доставляются морем в ограниченный период навигации (с июня до середины октября). На них приходится более 30% завозимых нефтепродуктов²⁸, в основном дизтоплива. Экономически эффективные границы поставки того или иного вида топлива зависят от его энергетической плотности, цены и транспортной инфраструктуры местности (доступные виды транспорта, расстояние и др.) [Майсюк, Губий, 2023]. Биотопливо отличается относительно невысокой энергетической плотностью, поэтому его перевозка на большие расстояния значительно повышает конечную цену тепловой энергии. А пеллеты помимо этого отличаются легковесностью и объемом, что делает их непригодными для северного завоза.

Необходимо также учитывать, что проект перевода котельных на биотопливо должен будет конкурировать с уже реализуемой

²⁶ Переход на древесное топливо: вопросов больше, чем ответов // Лесной комплекс. 21.06.2023. URL: https://forestcomplex.ru/unikalno/perehod-na-drevesnoe-toplivo-voprosov-bolshe-chem-otvetov/?utm_source=sendpulse&utm_medium=email&utm_campaign=digestfc&spush=YW50b25vdmFAZWNyaW4ucnU= (дата обращения: 01.09.2023).

²⁷ Биотопливо в коммунальной энергетике: проблемы, перспективы и возможности использования. URL: <https://alestech.ru/news/677-biotoplivo-v-kommunalnoj-energetike-problemy-perspektivy-i-vozmozhnosti-ispolzovania?ysclid=1m5rl67xd4345060214> (дата обращения: 02.09.2023)

²⁸ Юрий Трутнев поручил ускорить принятие закона о северном завозе. 16 декабря 2022. URL: <https://gkh.khabkrai.ru/events/Novosti/2004> (дата обращения: 13.08.2023)

в Хабаровском крае программой модернизации котельных с использованием других видов топлива. В последние три года в 11 поселениях активно ведется реконструкция или замена котельных, работающих на дорогом топочном мазуте и дизельном топливе, на автоматизированные блочно-модульные газовые и угольные котельные. Затраты на модернизацию теплоэнергетического хозяйства составят около 2,2 млрд руб. с 2020 г. по 2024 г.²⁹

В крае также реализуется программа газификации ЖКХ с использованием газа шельфовых месторождений острова Сахалин³⁰, к настоящему времени газифицировано 213 коммунально-бытовых и жилищно-коммунальных объектов, в том числе котельные. Этот фактор также влияет на выбор топлива не в пользу пеллет.

Сравнительный анализ себестоимости производства теплоэнергии котельными Хабаровского края показал, что годовые расходы на приобретение древесного топлива (дров) и щепы больше, чем угля, в 1,8 и 6,8 раза соответственно. Максимальная экономическая эффективность достигается при переводе котельных с жидкого топлива на природный газ и уголь³¹.

То есть при существующих ценах переход на биотопливо без серьезной поддержки со стороны государства вряд ли возможен. Впрочем, это относится ко всем видам возобновляемых источников энергии на Дальнем Востоке, что отмечал академик П.А. Минакир. «Наличие больших ресурсов традиционных энергоносителей в регионе фактически блокирует в перспективе до 2050 г. реальное использование возобновляемых источников энергии» [Синтез..., 2011. С. 310].

Одна из местных лесопромышленных компаний (холдинг VM group) несколько лет назад выходила с предложением использовать щепу и опилки для отопления небольших поселков края вдоль БАМа в зоне лесозаготовок, где до сих пор работают

²⁹В Хабаровском крае 2,2 млрд руб. направят на замену неэффективных жидкотопливных котельных. Агентство ТАСС. 11.01.2020. URL: <https://tass.ru/v-strane/7491241?ysclid=lkglz1a3w5723780973> (дата обращения: 13.08.2023).

³⁰ Об утверждении региональной программы «Газификация жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций Хабаровского края на 2022–2031 годы»: распоряжение Правительства Хабаровского края от 30 декабря 2017 г. N944-рп (с изменениями на 16 марта 2023 г.).

³¹ Выработка энергии из ископаемых видов топлива эффективнее биоэнергетики в Хабаровском крае. URL: <https://www.infobio.ru/news/4593.html?ysclid=lk0y6ncnfb951769759> (дата обращения: 13.08.2023).

советские угольные котельные. Был даже проведен эксперимент в одном из поселков по использованию смешанного топлива (угля и щепы), что дало экономию угля при том же количестве вырабатываемой энергии. Но для полной модернизации котельных требуются инвестиции, возможный источник которых пока неясен. Компания предложила разработать краевую программу по переводу котельных на биотопливо в поселениях рядом с крупными лесоперерабатывающими предприятиями³². Но пока о практических шагах в этом направлении ничего не слышно.

Заключение

Отрасли российской экономики проходят процесс адаптации к новой экономической ситуации, для многих из них, особенно ориентированных на экспорт своей продукции, ухудшились условия деятельности. Как в целом лесной комплекс России, так и большинство его региональных сегментов находятся в зависимости от внешних рынков, конъюнктура на которых во многом определяет параметры их структурно-экономической динамики.

В условиях изменения внутренних отраслевых институциональных правил, геополитической турбулентности и нестабильности внешних рынков, повлекших разрушение устоявшихся связей, параметры деятельности региональных лесных комплексов повсеместно «провалились». И хотя степень этих провалов различается по регионам, у всех экономических агентов в лесной сфере возникла необходимость поиска новых ниш, в том числе внутри страны. Государство пытается помочь в этом поиске, преследуя при этом интересы, выходящие за рамки отрасли.

На данный момент просматриваются два направления на внутреннем рынке, предлагаемые к стимулированию со стороны государства: развитие деревянного домостроения и наращивание использования биотоплива в муниципальных котельных. Мы рассмотрели второе направление применительно к условиям Хабаровского края. На наш взгляд, стимулирование использования биотоплива в муниципальных котельных края требует четкого ответа на главный вопрос: с какой целью нужно это делать?

³² Официальный канал лесопромышленного холдинга BM group. URL: https://t.me/BM_group_official_khv (дата обращения: 13.08.2023).

Можно дать несколько ответов, но все они неоднозначны в своей трактовке.

1. Если ключевой задачей является обеспечение теплом и энергией населения, необходимо чтобы переход на биотопливо был «экономически обоснованным и целесообразным»³³. По всей видимости, в условиях Хабаровского края этот принцип соблюдается лишь в зонах лесопромышленной деятельности, при минимальных затратах на логистику, и только в случае государственной поддержки.

Такая поддержка была обещана федеральным центром в начале 2023 г. В первую очередь – регионам СЗФО и ДФО, и лишь к осени было анонсировано ее выделение Архангельской области. Последняя получит из федерального бюджета 2 млрд руб. на строительство новых котельных и модернизацию и перевод на биотопливо (включая пеллеты) старых, работающих на угле и мазуте³⁴. При этом регион уже сейчас является национальным лидером по использованию биотоплива в котельных.

Органы власти Хабаровского края в ожидании федеральной помощи также рассматривают возможности использования биотоплива. В частности, предлагается перевод на пеллеты действующих котельных в двух поселках в районе основных лесозаготовок. Однако пока неясно, насколько условия края позволят обеспечить целесообразность и экономическую обоснованность использования пеллет для отопления.

2. Акцент может быть сделан на экологии – утилизации древесных отходов и снижении выбросов парниковых газов. Для реализации этих, безусловно, важных задач тоже необходима государственная поддержка реконструкции котельных для перевода на другой вид топлива. Однако проще и дешевле использовать для этих целей щепу и опилки, а не пеллеты. Кроме того, в России политика в области ограничения выбросов парниковых газов осуществляется пока лишь на уровне создания

³³ Совещание по развитию лесопромышленного комплекса 10 февраля 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70494> (дата обращения: 13.08.2023).

³⁴ Архангельская область получит дополнительные два миллиарда рублей: на что именно. URL: <https://29.ru/text/economics/2023/09/01/72660338/?ysclid=lm5130ltuw519571344> (дата обращения: 01.09.2023).

общих институциональных основ³⁵ с ориентацией на долгосрочную перспективу до 2050 г. Реальных стимулирующих инструментов еще нет.

3. Ключевой целью может быть и развитие внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию. С этой точки зрения перспективы Хабаровского края видятся не слишком обнадеживающими. Поселков, расположенных в местах лесозаготовок, где возможно использование древесных видов топлива, в крае немного, поэтому объем потребления биотоплива, тем более дорогих пеллет, вряд ли будет значительным, проблема расширения сбыта для лесопромышленников этим не решится.

На наш взгляд, в современных условиях стоит все же ориентироваться на экспорт пеллет как наиболее реальный рынок сбыта продукции. В частности, Республика Корея последовательно наращивает импорт топливных гранул из России: если в 2021 г. туда было поставлено 66 тыс. т пеллет, то в 2022 г. – уже 590 тыс. т, то есть в девять раз больше³⁶. Вероятно, следует искать способы вывода этой продукции на китайский рынок. В 2023 г. российские лесопромышленники обращались к руководству страны с просьбой оказать содействие в снятии Китаем запрета на поставку пеллет³⁷. Возможно, в условиях интенсификации сотрудничества какой-то компромисс будет найден.

В целом, на наш взгляд, в отечественном лесном комплексе пока идет «нащупывание» дальнейших путей развития – как в краткосрочном, так и в долгосрочном аспектах. Последствия от влияния санкций будут проявляться постепенно, в течение длительного времени. Выйти на стабильную траекторию удастся еще не скоро. На перспективу меняются приоритеты в рынках сбыта, идет поиск подходов к развитию внутреннего спроса. Важная роль в регулировании этих процессов принадлежит государству. Нужно учитывать, что для пространственно разнообразной экономики России подходы к развитию ЛПК не могут быть

³⁵ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1912-р).

³⁶ Экспорт леса в 2023: новые направления // Лесной комплекс. 2023. № 2. URL: <https://forestcomplex.ru/logistics/eksport-lesa-v-2023-novye-napravleniya> (дата обращения: 13.06.2023).

³⁷ Опилки идут в гору // Коммерсант. 13.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6042441?ysclid=lkeyu4jsqz652328275> (дата обращения: 13.06.2023).

одинаковы для всех. Поэтому поиск альтернатив для сохранения лесного комплекса как страны в целом, так и ее регионов требует обсуждения на различных экспертных площадках.

Литература

Антонова Н.Е. Особенности проявления новых внутренних и внешних шоков в лесном комплексе ДФО и их возможные последствия // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 5. С. 17–31. DOI: 10.14530/reg.2022.5.17

Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148. (С. 147) DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142

Вукович Н.А., Мехренцев А.В. Состояние и перспективы развития рынка древесных пеллет в России // ЭКО. 2023. № 6. С. 122–136. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-6-122-136

Гидиченко А.А., Сальников В.А. Модели присутствия России на экспортных рынках //Тринадцать тезисов об экономике. Тетрадь 7. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Мон_13/2022/ТТ15main.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

Гордеев Р.В., Пыжев А.И. Перепутье российской лесной промышленности // ЭКО. 2023. № 5. С. 169–191. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-5-169-191

Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15

Майсюк Е.П., Губий Е.В. Эффективность использования древесного топлива на Байкале // ЭКО. 2023. № 3. С. 110–123. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-3-110-123

Минакир П.А. Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 1. С. 7–19. DOI: 10.14530/se.2023.1.007-019

Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / Отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.

Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.

Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 77–98 DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98

Статья поступила 25.09.2023

Статья принята к публикации 20.10.2023

Для цитирования: Антонова Н.Е. Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития // ЭКО. 2023. № 11. С. 64–85. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-64-85

Информация об авторе

Антонова Наталья Евгеньевна (Хабаровск) – доктор экономических наук.
Институт экономических исследований ДВО РАН.
E-mail: antonova@ecrin.ru; ORCID: 0000-0003-0317-0817

Summary

N.E. Antonova

Forestry Complex of Khabarovsk Krai in Search of Development Paths

Abstract. The consequences of the reaction of the forestry complex of Khabarovsk Krai to the regulatory and sanctions restrictions that arose in 2022 are studied. The proposed government measures to support the complex, aimed at its short-term (recovery from the crisis and adaptation to the changed market conditions) and long-term (formation of the domestic market for products) development are considered. On the example of expanding the use of biofuels for municipal boiler houses in Khabarovsk Krai the opportunities and limitations of this direction of development of domestic demand for forest products are shown.

Keywords: *regulatory policy; sanctions; timber complex; demand for timber products; Far East; Khabarovsk Krai*

References

Antonova, N.E. (2022). Features of the manifestation of new internal and external shocks in the forest complex of the Far Eastern Federal District and their possible consequences. *Regionalistics*. Vol. 9. No. 5. Pp. 17–31. (In Russ.) DOI: 10.14530/reg.2022.5.17

Development of the economy of the Russian Far East: the effects of the state policy (2021). Khabarovsk. ERI FEB RAS. 208 p. (In Russ.).

Gnidchenko, A.A., Salnikov, V.A. Models of Russia's presence in export markets. *Thirteen theses on the economy*. Book 7. Center for macroeconomic analysis and short-term forecasting. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/TT15main.pdf (In Russ.).

Gordeev, R.V., Pyzhev, A.I. (2023). The Crossroads of the Russian Timber Industry. *ECO*. No. 5. Pp. 169–191. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-5-169-191

Maysyuk, E.P., Gubiy, E.V. (2023). Efficiency of the use of wood fuel on the lake Baikal. *ECO*. No. 3. Pp. 110–123. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-110-123

Minakir, P.A. (2023). The Foreign Trade Factor of the Force Majeure Economy: A Spatial Manoeuvre. *Spatial Economics*. Vol. 19. No. 1. Pp. 7–19. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2023.1.007-019

Sitkevich, D.A., Starodubrovskaya, I.V. (2022). Short- and long-term effects of sanctions: evidence from Iran and Yugoslavia. *Issues of Economic Theory*. No. 3. Pp. 77–98. (In Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98

Minakir, P.A., Sergienko, V.I. *The synthesis of scientific-technological and economic forecasts: Pacific Russia – 2050* (2011). Vladivostok. Dal'nauka. 912 p. (In Russ.).

Vardomsky, L.B. (2023). Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions. *Journal of the New Economic*. Vol. 58. No. 1. Pp. 142–148. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142

Vukovich, N.A., Mehrentsev, A.V. (2023). The state and development prospects of the wood pellet market in Russia. *ECO*. No. 6. Pp. 122–136. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-122-136

Zubarevich, N.V. (2022). Regions of Russia in the new economic realities. *Journal of the New Economic Association*. No. 3 (55). Pp. 226–234. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15

For citation: Antonova, N.E. (2023). Forestry Complex of Khabarovsk Krai in Search of Development Paths. *ECO*. No. 11. Pp. 64–85. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85

Information about the author

Antonova, Natalya Evgenyevna (Khabarovsk) – Doctor of Economic Sciences. Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the RAS.

E-mail: antonova@ecrin.ru; ORCID: 0000-0003-0317-0817

И.Д. Котляров

Альтернативные модели организации продовольственной розницы в удаленных и труднодоступных регионах

УДК 339.37

Аннотация. В статье показано, что традиционная продовольственная розница не в полной мере справляется с задачей обеспечения населения России продуктами питания, что связано прежде всего с особенностями географии страны и с текущей геополитической ситуацией. Эта проблема может быть частично решена на основе альтернативных моделей организации продовольственной торговли. Приведен обзор последних, описаны их достоинства и недостатки, сформулированы общие рекомендации по их применению. По мнению автора, стратегия развития розничной торговли продуктами питания в России (как элемент стратегии продовольственной безопасности), наряду с созданием условий для охвата традиционной розничной торговлей тех регионов, в которых она пока отсутствует, должна включать в себя и продвижение альтернативных форм продовольственной розницы.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; розничная торговля продуктами питания; удаленные и труднодоступные регионы; мобильная торговля; военная торговля; корпоративные магазины; государственно-частное партнерство

Введение

Большинство исследований по проблемам продовольственной безопасности (как и практических мероприятий по ее обеспечению) посвящены либо наращиванию производства продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности (чтобы добиться независимости от иностранных поставок и обеспечить физическое наличие продовольствия на уровне национальной экономики [Крамаренко, Фоменко, 2021; Курбанов, 2015; Шарыпова, 2022]), либо вопросам экономической доступности продуктов питания [Калугина, 2021] (обеспечиваемой прежде всего путем регулирования цен¹).

¹ В Херсонской области ввели регулирование цен на социально значимые товары // Прайм. 24.05.2023. URL: https://lprime.ru/state_regulation/20230524/840677559.html (дата обращения: 17.07.2023).

При этом такой важный аспект, как физическая доступность продовольствия для конечного потребителя [Plotnikov et al., 2021] (т.е., по сути, наличие продовольственной розницы в месте его проживания [Капустина, Семенова, 2020]) практически не рассматривается. Очевидно, что ни наращивание производства продуктов питания в масштабах страны, ни контроль цен на них не позволят достичь продовольственной безопасности, если у потребителя нет возможности приобретения необходимых ему продуктов неподалеку от места жительства.

Это означает, что для обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации необходимо добиться максимально полного охвата нашей страны розничной торговлей продуктами питания (что предусматривается рядом программ регионального развития²). К сожалению, в настоящее время эта проблема пока далека от решения.

Операторы продовольственной розницы – это преимущественно коммерческие структуры, ориентированные на получение прибыли. Если доход от магазина в определенном районе недостаточен или риски ведения торговой деятельности слишком велики, данная торговая точка будет закрыта, а местное население лишится возможности покупать продукты питания.

Особенности экономического и пространственного развития России, специфика ее географии и сложившаяся геополитическая ситуация делают ряд регионов непривлекательными для коммерческих розничных операторов:

– продолжающаяся депопуляция сельской местности ведет к сокращению локального платежеспособного спроса и уходу торговых предприятий, что снижает доступ оставшегося населения к продуктам питания, ухудшает качество его жизни и тем самым способствует дальнейшей депопуляции [Воронов, Баранова, 2023];

– в нашей стране есть значительное количество удаленных и труднодоступных населенных пунктов, которые не имеют устойчивой и/или экономически эффективной транспортной связи с другими районами (эта проблема особенно характерна для Сибири, Дальнего Востока и Арктической зоны РФ)

² Указ Президента РФ от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 17.07.2023).

[Кириллова, 2021]. Отсутствие такой связи существенно усложняет (и делает невозможной) деятельность торговых предприятий в этих поселениях, ограничивает товарное предложение в них и ведет к росту цен для конечного потребителя [Делахова, 2018; Полешкина, 2018];

– осенью 2022 г. в состав Российской Федерации вошли четыре новых региона, где в настоящее время ведутся боевые действия. В силу объективных военных, политических, правовых и экономических рисков охват розничными торговыми сетями этих регионов не является полным (в особенности это справедливо для зоны боевых действий, а также для населенных пунктов, пострадавших в ходе военных столкновений), что значительно ухудшает доступ местного населения к продуктам питания с точки зрения как физической, так и экономической доступности³. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в контролируемой Россией части Херсонской области, где фактически произошло замещение современных торговых форматов мелкими торговыми точками и рынками⁴.

Таким образом, организованная стационарная коммерческая розничная торговля не способна обеспечить полный охват нашей страны точками продаж продуктов питания, из-за чего в ряде регионов России у населения отсутствует устойчивый доступ к продовольствию. По этой причине необходимо использовать альтернативные модели организации торговли продовольствием. Подчеркнем, что следует применять именно альтернативные формы торговли, а не другие формы снабжения, поскольку именно покупка в магазине – это для населения наиболее комфортный способ получения необходимых продуктов (в отличие от, например, потребительских кооперативов, фудшеринга, распределения по карточкам, самообеспечения продовольствием и пр.) [Митяшин, 2022a; 2022b].

³ Гаврилюк С., Дубровина Е., Мосолкина Д., Полухин А. В ДНР и ЛНР появятся крупные распределительные центры для снабжения товарами местных магазинов // Ведомости. 29.03.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/29/968524-v-dnr-i-lnr-poyavyatsya-krupnie-raspre-delitelnie-tsentr-dlya-snabzheniya-tovarami-magazinov> (дата обращения: 17.07.2023).

⁴ Денис Мантуров посетил Геническ в Херсонской области // Правительство России. 09.07.2023. URL: <http://government.ru/news/48721/> (дата обращения: 17.07.2023); Ярмарки в Херсонщине как залог ценовой стабильности // Херсон. 16.07.2023. URL: <https://kherson-news.ru/society/2023/07/16/167316.html> (дата обращения: 17.07.2023).

Организованными формы продовольственной розницы считаются альтернативными, если соответствуют хотя бы одному из следующих критериев:

- 1) торговля продуктами питания не относится к профильным видам деятельности для осуществляющей ее организации;
- 2) она не ориентирована на массовую аудиторию;
- 3) продажа продовольствия не ведется в стационарных торговых точках или онлайн.

При этом данная торговля является организованной и ведется на постоянной основе (что исключает из рассмотрения рынки, ярмарки и т.д.).

В предлагаемой статье мы дадим краткий обзор альтернативных форм организации розничной торговли (АФРТ) и возможностей их использования для обеспечения доступа населения к продуктам питания. Отметим, что эти формы не являются инновационными. Они довольно хорошо известны и активно используются на практике. Тем не менее до сих пор не был предложен их комплексный анализ как потенциальных элементов единой стратегии обеспечения розничной торговли продуктами питания. Цель данной работы заключается в обобщении информации об альтернативных формах и оценке их перспектив как инструментов компенсации провалов коммерческой розницы в обеспечении физической доступности продуктов питания.

Требования к операторам альтернативных форм розничной торговли

Причинами отсутствия коммерческой розничной торговли в том или ином районе, населенном пункте могут быть:

– недостаточный уровень дохода от ведения торговой деятельности при существующем уровне издержек и платежеспособного спроса; источниками этой проблемы могут быть небольшая численность населения, его низкая плотность, низкий уровень его реальных доходов, высокие издержки хозяйственной деятельности (в частности, из-за высокой стоимости логистики и нехватки инфраструктуры) и т.д.;

– высокий уровень рисков, которые торговое предприятие не желает на себя принимать; к ним относятся неблагоприятные климатические условия (влияющие на устойчивость транспортного сообщения, способные нарушать функционирование торговых

точек и препятствовать доступу потребителей к ним); в текущей ситуации для отдельных регионов особое значение приобрели военные риски.

Для ведения розничной торговли продуктами питания в таких условиях у операторов альтернативных форм розницы должны быть выполнены следующие требования:

- возможность финансирования расходов, связанных с ведением торговой деятельности, из других источников;
- текущее присутствие организации в данном регионе;
- наличие компетенций в сфере организации хозяйственной деятельности в регионе присутствия (включая ее логистическое обеспечение);
- наличие компетенций в сфере торговой деятельности.

Рассмотрим основные виды АФРТ, которые соответствуют этим требованиям.

Мобильная торговля

Первый очевидный вариант организации розничной торговли продовольствием в удаленных регионах заключается в расширении масштабов мобильной торговли. Наиболее известная ее разновидность – автолавки [Белозерова, Еремина, 2022], однако в качестве мобильной торговой точки могут выступать и иные транспортные средства – железнодорожные вагоны и даже самолеты [Охапкин и др., 2020]).

Мобильная торговля обладает рядом преимуществ:

- отсутствует необходимость в поддержании постоянной торговой инфраструктуры; продолжительность присутствия торговой точки в определенном населенном пункте привязана к совокупной величине платежеспособного спроса в нем;
- возможность при помощи одной торговой точки обеспечить обслуживание нескольких населенных пунктов;
- сокращение расходов на персонал (продавцы могут одновременно быть и водителями транспортных средств).

Однако мобильной торговле присущ и ряд недостатков:

- автолавки используются в качестве магазинов только часть времени, что ведет к высоким удельным издержкам операторов и росту цен на товары для компенсации этих издержек (поскольку выручка от продаж обычно является основным или единственным источником доходов для операторов мобильной торговли).

При этом чем больше расстояние до населенного пункта, тем выше затраты операторов и цены на продукты. Для снижения издержек операторы могут оптимизировать маршруты автолавок таким образом, чтобы реже посещать удаленные места (или даже полностью отказываются от их посещения). При этом нередко в удаленных населенных пунктах покупательная способность потребителей ниже, а альтернативные способы приобретения продовольствия отсутствуют. В результате возникает парадокс – чем выше потребность людей в физической и экономической доступности продовольствия, тем ниже уровень ее обеспечения из-за высоких цен в автолавках и редкого графика посещений;

- автолавки часто функционируют в виде небольших предприятий, не имеющих возможности закупать продукцию оптом с соответствующими скидками, что является еще одной причиной сравнительно высоких цен на их товары;

- зона охвата региона мобильной торговлей ограничена техническими и экономическими возможностями используемых транспортных средств (что, в частности, делает практически невозможной ее использование в ряде регионов Арктической зоны РФ). Фактически мобильная торговля представляет собой своеобразную промежуточную форму между стационарной торговлей (поскольку во время остановки мобильная торговая точка функционирует как стационарный магазин) и доставкой товара на дом (так как мобильная торговля привязана к фиксированной торговой и складской инфраструктуре и обеспечивает транспортировку товаров до места проживания потребителей).

Мобильная торговля не соответствует первому из требований к АФРТ, поскольку у нее отсутствуют дополнительные источники дохода помимо выручки от продаж.

По нашему мнению, частично устранить этот недостаток помогут следующие меры:

- выделение государственной поддержки операторам мобильной торговли, которая позволила бы им компенсировать часть издержек; в настоящее время такая поддержка оказывается на уровне отдельных регионов, однако она не носит системного и долгосрочного характера;

- объединение операторов мобильной торговли в региональные или даже федеральные структуры, которые могли бы обладать большей переговорной силой (в частности, имели бы

возможность получать существенные скидки при покупке товара, пользоваться более льготными условиями финансирования и пр.) и более высоким потенциалом для развития (к примеру, для совместного инвестирования в собственную инфраструктуру).

На практике оптимальным вариантом могло бы стать учреждение государственно-частного партнерства (ГЧП) для организации единого федерального оператора мобильной торговли. Со стороны бизнеса участником такого ГЧП мог бы стать один из представителей федеральной сетевой розницы, который бы предоставил оператору мобильной торговли доступ к своей логистической инфраструктуре, обеспечил возможностью пользоваться едиными закупочными ценами и предоставил бы компетенции в сфере эффективной организации торгового бизнеса (теоретически допустима трансформация независимых операторов мобильной торговли во франчайзи такого ГЧП). Такая ресурсная и инфраструктурная поддержка имеет большое значение для мобильной торговли. Государство, в свою очередь, могло бы предоставлять необходимое для деятельности ГЧП финансирование, компенсируя низкий уровень доходов от собственно торговли [Курбанов, Плотников, 2013; Семенова, Новиков, 2021; Семенова и др., 2022].

Создание такого федерального оператора мобильной торговли в партнерстве с сетевой продовольственной розницей может представлять собой своеобразную форму выхода традиционной розницы на рынки удаленных и труднодоступных регионов в адаптированном к их специфике формате. Как следствие, население этих регионов получит доступ к услугам организованной торговли.

Эта рекомендация показывает, что не следует жестко противопоставлять традиционную продовольственную розницу и АФРТ, поскольку альтернативные формы могут использоваться и в деятельности операторов розничной торговли на рынках отдельных регионов.

Наша рекомендация подкрепляется тем фактом, что федеральные розничные операторы в последние годы активно практикуют новые организационные модели торговли. В частности, X5 Retail Group (оператор сетей «Перекресток», «Пятерочка» и «Чижик») применяет модель «обратного франчайзинга» для открытия новых магазинов, и в партнерстве с Центросоюзом РФ развивает

проект «КООП-Пятерочка» (в рамках которого на объектах потребительских кооперативов Центросоюза открываются универсамы под совместным брендом «КООП-Пятерочка»⁵), а в сотрудничестве с АО «Военторг» – универсамы «Пятерочка-Военторг» (на объектах, принадлежащих Министерству обороны РФ)⁶.

Интересно, что проект «КООП-Пятерочка» направлен на то, чтобы усилить присутствие X5 Retail Group в том числе в сельской местности⁷, т.е. будет способствовать улучшению доступа жителей небольших и удаленных населенных пунктов к современным форматам торговли продуктами питания [Воронов, Баранова, 2023]), а проект «Пятерочка-Военторг» – на повышение качества торгового обслуживания военных городков⁸.

Это показывает, что федеральные розничные операторы готовы внедрять новые модели организации деятельности и способны при наличии поддержки⁹ содействовать повышению качества торгового обслуживания в удаленных и малонаселенных местах (в том числе замещая устаревшие и неэффективные форматы, такие как военная и кооперативная торговля) и улучшению качества продовольственного обеспечения населения.

Еще одним направлением совершенствования мобильной торговли может стать внедрение передовых технологических средств доставки, например, использование беспилотной авиации (в частности, в Арктической зоне РФ) [Охапкин и др., 2020]. Однако использованию данных технологий препятствуют неразвитость наземной инфраструктуры (включая инфраструктуру регулирования движения), нехватка операторов, необходимость разработки экономически эффективных моделей беспилотников соответствующего назначения (в условиях

⁵ Дуленкова А. «Пятерочка» за кооператив // Коммерсантъ. 13.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3269265> (дата обращения: 17.07.2023).

⁶ Зетилов И. «Военторг-Пятерочка» продолжает наступление // Комсомольская правда. 23.05.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26532.5/3549529/> (дата обращения: 17.07.2023).

⁷ Дуленкова А. «Пятерочка» за кооператив // Коммерсантъ. 13.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3269265> (дата обращения: 17.07.2023).

⁸ Зетилов И. «Военторг-Пятерочка» продолжает наступление // Комсомольская правда. 23.05.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26532.5/3549529/> (дата обращения: 17.07.2023).

⁹ В частности, в рамках проекта «Пятерочка-Военторг» формой такой поддержки со стороны Министерства обороны РФ стало предоставление доступа к объектам торговой недвижимости.

технологических ограничений) и отсутствие проработанной нормативно-правовой базы [Охупкин и др., 2020].

Мобильная торговля обладает существенным потенциалом для обеспечения доступа населения к продуктам питания при отсутствии или низком уровне развития традиционной торговли, однако для реализации этого потенциала необходимы реорганизация модели ее функционирования, предоставление государственной поддержки, а также, возможно, технологическое перевооружение.

Корпоративная торговля

Она предполагает организацию торгового обслуживания вахтовых работников компаниями-работодателями (как правило, занимающимися добычей природных ресурсов)¹⁰ и по своей природе соответствует модели фабричных лавок или *company store*, хорошо известной в российской и мировой практике [Fishback, 1986]. В корпоративных магазинах сотрудники могут приобрести определенный набор товаров и услуг (нередко – по сниженным или субсидируемым ценам), и тем самым разнообразить свое потребление во время вахты. Работодатели создают эти магазины по причине отсутствия традиционной торговли в регионе ведения своей хозяйственной деятельности (из-за удаленности и высоких рисков). Фактически такие магазины представляют собой одну из форм социального обеспечения сотрудников, и, как правило, обслуживают только их.

Корпоративная торговля соответствует всем четырем требованиям к АФРТ. По нашему мнению, ее функции могли бы быть расширены для организации торговли продовольствием в интересах сторонних потребителей, однако этому могут препятствовать следующие затруднения.

1. Вахтовые поселки, в которых организована корпоративная торговля, как правило, расположены на значительном удалении от мест проживания постоянного населения, в силу чего локальные потребители не имеют физического доступа к данным магазинам. Теоретически эту проблему можно было бы решить путем использования корпоративной торговли как опорной инфраструктуры

¹⁰ Подцероб М., Смертина П. Как вахтовики воюют с работодателями // Ведомости. 21.11.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/11/21/787121-vahtoviki-voyuyut-s-rabotodatelayami> (дата обращения: 15.07.2023).

для организации локальной сети стационарных и/или мобильных торговых точек, обслуживающих местное население, а также для службы доставки товаров (в том числе при помощи беспилотных транспортных средств). Однако такое расширение задач корпоративной торговли может потребовать финансовой поддержки со стороны государства или региональных властей.

2. Зоны ведения деятельности таких компаний (включая и расположенные в них магазины для сотрудников) часто являются режимными объектами, доступ к которым посторонних лиц ограничен или запрещен. Решением этой проблемы может быть создание дополнительных торговых точек за пределами данных зон.

3. Инфраструктура корпоративной торговли, ориентированная только на обслуживание сотрудников компании, имеет ограниченные мощности. Включение в число клиентов сторонних потребителей потребует ее расширения, и как следствие – дополнительных инвестиций, которые компания-владелец не планировала. По этой причине при переходе корпоративных магазинов к обслуживанию местного населения может возникнуть потребность в поддержке государства для развития их инфраструктуры (возможно, в форме ГЧП).

4. Корпоративная торговля как форма социального обеспечения работников компании может сопровождаться субсидированием цен. В этом случае при открытии доступа к корпоративным магазинам для сторонних потребителей возникает необходимость либо продажи им товаров по рыночным ценам (что может значительно снизить их привлекательность для местного населения), либо поиска источника субсидирования цен для них (прежде всего, вероятно, за счет поддержки со стороны государства или региональных властей).

Фактически наши рекомендации означают, что компании, занимающиеся корпоративной торговлей в интересах своих сотрудников, при открытии доступа к своим магазинам для местного населения (например, в рамках соответствующей законодательной инициативы или в соответствии с собственной политикой корпоративной социальной ответственности) возьмут на себя социальные функции по организации торгового обслуживания для локальных потребителей.

Примером использования корпоративной торговли для обслуживания сторонних потребителей могут служить торговые предприятия в зоне российского присутствия на Шпицбергене [Порцель, 2017]. Эти магазины организованы трестом «Арктикуголь» (ведущим добычу каменного угля) и входят в его структуру, при этом обслуживаются в них как сотрудники компании, так и сторонние клиенты¹¹. Однако, во-первых, сторонними потребителями являются прежде всего туристы, посещающие Шпицберген, т.е. их торговое обслуживание носит не социальный, а коммерческий характер; во-вторых, трест «Арктикуголь» принадлежит государству, что предполагает наличие явных и неявных обязательств по созданию комфортной среды обитания в регионе его присутствия; в-третьих, трест действует на Шпицбергене со времен СССР и представляет собой не только экономический, но и политический проект, призванный укрепить российское присутствие в Арктике, и опирающийся на финансовые субсидии государства [Евдокимов и др., 2018], и по этой причине «Арктикуголь» в течение всего периода своего существования достаточно активно инвестировал объекты социальной инфраструктуры на Шпицбергене и получал государственную поддержку для этих целей.

Тем не менее принципиальная возможность использования корпоративной торговли для организации розничной торговли продовольствием в удаленных регионах существует, и, по нашему мнению, государству и региональным властям целесообразно включать эту модель продовольственной розницы в стратегии развития региональной розничной торговли продуктами питания для повышения их физической доступности в удаленных и труднодоступных местах.

Федеральные неторговые организации

Торговля продуктами питания в удаленных и малодоступных местах может быть организована через локальные представительства компаний, которые в силу специфики своей

¹¹ Автор благодарен администраторам группы треста «Арктикуголь» в социальной сети V Kontakte (URL: <https://vk.com/public217606098>), любезно предоставившим информацию о работе корпоративных магазинов компании. Интересно отметить, что в системе корпоративной торговли треста «Арктикуголь» субсидирование цен для сотрудников отсутствует.

деятельности представлены в большинстве российских регионов, и, следовательно, обладают необходимыми логистическими ресурсами и компетенциями. Такими компаниями могут быть «Почта России», ПАО «РЖД», с определенными оговорками – сетевые операторы автозаправочных станций (их потенциал как участников системы продовольственной безопасности не слишком велик из-за традиционно высоких цен и недостаточного географического охвата). Все эти компании уже ведут в той или иной форме торговлю продуктами питания.

Например, в ряде отделений «Почты России» (как в городах, так и в сельской местности) с 2010 г. ведется торговля продуктами питания, что подтверждает практическую реализуемость наших рекомендаций¹². По отзывам менеджеров компании и по оценкам специалистов¹³, включение продуктов питания в список товаров, предлагаемых в почтовых отделениях, связано со следующими причинами.

1. Торговля продуктами питания, наряду с традиционными почтовыми услугами, в отделениях, расположенных в небольших и удаленных населенных пунктах, может значительно повысить выручку и, как следствие, экономическую эффективность этих отделений (поскольку те нередко являются единственными коммерческими организациями в этих местах, где люди могут приобрести то, что им нужно)¹⁴. Кроме того, продовольственный ассортимент «Почты России» (консервы, макароны, пакетированный чай, молотый кофе и др. продукты длительного хранения, не нуждающиеся в особых условиях¹⁵) не требует значительных затрат. Таким образом, снижается ее потребность в инвестициях для организации торговли продовольствием, напротив, его продажа является источником дохода.

¹² Какие продукты можно купить на «Почте России» и почему вообще они там продаются? // Губерния Daily. 18.02.2019. URL: <https://gubdaily.ru/lifestyle/interesnoe/kakie-produkty-mozhno-kupit-na-pochte-rossii-i-pochemu-voobshhe-oni-tam-prodayutsya/> (дата обращения: 17.07.2023); *Богданшова Д.* «Почта России» начала торговать продуктами питания // RB.ru. 15.10.2010. URL: <https://rb.ru/article/pochta-rossii-nachala-torgovat-produktami-pitaniya/6559367.html> (дата обращения: 17.07.2023).

¹³ Какие продукты можно купить на «Почте России» и почему вообще они там продаются? // Губерния Daily. 18.02.2019. URL: <https://gubdaily.ru/lifestyle/interesnoe/kakie-produkty-mozhno-kupit-na-pochte-rossii-i-pochemu-voobshhe-oni-tam-prodayutsya/> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

2. Уровень физической доступности продовольствия в удаленных населенных пунктах невысок¹⁶. Даже если в них ведется розничная торговля продуктами питания, обычно она недостаточно развита ни с точки зрения количества магазинов, ни с точки зрения ассортимента. Выход «Почты России» на рынок продовольственной розницы расширяет потребительский выбор и улучшает качество доступа населения к продуктам питания.

3. Упрощается приобретение продуктов питания маломобильными группами населения (которые приходят в почтовые отделения за пенсией и т.д., и могут купить продукты на месте, без затраты дополнительных усилий на посещение продовольственного магазина)¹⁷.

Таким образом, для «Почты России» организация торговли продуктами питания стала эффективным инструментом достижения как экономических, так и социальных целей.

Недостатки, присущие данной модели:

– ограниченный ассортимент, который не позволяет потребителям получить сбалансированный набор продовольствия (в частности, полное отсутствие свежих и скоропортящихся продуктов). Этот недостаток сложно устранить, поскольку для этого потребуются значительные инвестиции в создание полноценной торговой инфраструктуры, что отрицательно скажется на эффективности компании, повысит ее риски (поскольку ей придется конкурировать с продовольственной розницей), и приведет к слишком сильному отклонению от ее профильной деятельности. Таким образом, в рамках выбранной модели «Почта России» обеспечивает только частичный доступ населения к продуктам питания (важность которого, однако, не следует недооценивать). Если тем не менее решение о создании

¹⁶ Какие продукты можно купить на «Почте России» и почему вообще они там продаются? // Губерния Daily. 18.02.2019. URL: <https://gubdaily.ru/lifestyle/interesnoe/kakie-produkty-mozhno-kupit-na-pochte-rossii-i-pochemu-voobshhe-oni-tam-prodayutsya/> (дата обращения: 17.07.2023); *Смирнова О.* И письмо отправил, и тушенку купил: почему «Почта России» превратилась в магазин // Толк. 10.02.2020. URL: <https://tolknews.ru/news/30014-zacem-v-pochtovyh-otdeleniya-prodaut-produkty> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁷ Какие продукты можно купить на «Почте России» и почему вообще они там продаются? // Губерния Daily. 18.02.2019. URL: <https://gubdaily.ru/lifestyle/interesnoe/kakie-produkty-mozhno-kupit-na-pochte-rossii-i-pochemu-voobshhe-oni-tam-prodayutsya/> (дата обращения: 17.07.2023).

«Почтой России» специализированной торговой инфраструктуры будет принято (возможно, для тех районов, где альтернативная продовольственная розница отсутствует), то источником инвестиций для нее может стать государственная поддержка или механизм ГЧП;

– отдельные потребители (главным образом – в городах, где есть более удобные каналы приобретения продуктов питания) неодобрительно относятся к неоправданному, с их точки зрения, расширению ассортимента «Почты России» и утрате ею своей специализации¹⁸. Вероятно, эту проблему можно решить путем более тщательного выбора отделений, в которых будет вестись торговля продовольствием;

– для «Почты России» продажи продуктов питания являются источником дополнительного дохода, из-за чего некоторые сотрудники пытаются навязывать клиентам эти товары (особенно при посещении на дому)¹⁹. Для устранения этой проблемы руководству компании достаточно отказаться от требований к сотрудникам по продвижению продуктов питания среди населения.

Таким образом, недостатки данной модели связаны скорее с ее неэффективной организацией, чем с объективными проблемами, присущими ей по природе. Руководству компании следует учесть мнение потребителей и устранить эти недостатки, особенно с учетом того, что, как можно предположить, для самой «Почты России» торговля продуктами питания является одним из стратегических направлений деятельности (это подтверждает, в частности, проект сотрудничества с розничной сетью «Магнит» по открытию ее точек продаж в почтовых отделениях²⁰).

Отметим, что технологические и логистические компетенции «Почты России» позволяют ей организовать и мобильную

¹⁸ Смирнова О. И письмо отправил, и тушенку купил: почему «Почта России» превратилась в магазин // Толк. 10.02.2020. URL: <https://tolknews.ru/news/30014-zasem-v-pochtovyh-otdeleniya-prodaut-produkty> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁹ Запретить «Почте России» торговлю непрофильными товарами // Российская общественная инициатива. 02.02.2021. URL: <https://www.roi.ru/61396/> (дата обращения: 18.07.2023).

²⁰ «Магнит» откроет 2000 магазинов в отделениях «Почты России» // Ведомости. 29.11.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/11/29/787878-magnit-otkroet> (дата обращения: 04.06.2023).

торговлю, что может стать следующим шагом по повышению физической доступности продуктов питания для населения.

«Почта России» благодаря ее присутствию во всех районах нашей страны может стать значимым игроком на рынке продовольственной розницы (не по объему продаж, а по созданию условий для приобретения продуктов питания в удаленных и труднодоступных населенных пунктах, т.е. не с коммерческой, а с социальной точки зрения). По этой причине ее потенциал (как и других компаний с федеральным присутствием) необходимо принимать во внимание при разработке инструментов обеспечения продовольственной безопасности страны.

Такие компании, помимо (или вместо) самостоятельной торговли, могли бы открывать доступ к своей транспортно-складской инфраструктуре локальным торговым предприятиям из удаленных и труднодоступных районов, тем самым повысив эффективность их логистики. Более того, эти компании могли бы разработать свой бренд розничной торговли и развивать на его основе франчайзинговые торговые сети из местных магазинов, обеспечивая их логистической поддержкой и, возможно, предоставляя излишки своих площадей им в аренду. Такая стратегия соответствует модели экосистемного развития, выступающей в настоящее время в качестве магистрального направления эволюции организаций.

Военная торговля

Вооруженные силы многих государств, включая Россию, имеют собственные внутренние структуры, отвечающие за торговое обслуживание военнослужащих в местах их постоянной дислокации (в России этой деятельностью занимается ОАО «Военторг») [Коновалов, Порвадов, 2022; Курбанов, Попов, 2017]. Необходимость в создании независимой от гражданских торговых организаций системы военной торговли обусловлена следующими причинами:

– гражданские торговые операторы не могут вести свою деятельность в ряде мест дислокации войск из-за их удаленности от общенациональной транспортно-логистической сети, сложности привлечения торгового персонала, нехватки

собственной торговой инфраструктуры и пр. (эти факторы во многом сближают военную торговлю с описанной выше корпоративной) [Коновалов, Порвадов, 2022];

- уровень рисков в месте дислокации войск (в частности, в зоне боевых действий) может быть неприемлем для гражданских торговых операторов;

- места дислокации войск являются режимными объектами, что сильно усложняет создание гражданских магазинов;

- военная торговля выступает в качестве инструмента социальной поддержки военнослужащих (в том числе за счет возможности приобретения необходимых товаров по сниженным ценам, что также сближает ее с корпоративной торговлей). Такой частично нерыночный характер деятельности невыгоден для гражданских розничных операторов, которые ориентированы на получение прибыли.

При этом полностью противопоставлять военную и гражданскую торговлю некорректно, поскольку магазины военной торговли, расположенные в крупных городах, по организации своей деятельности не отличаются от обычных гражданских торговых точек (и даже могут не иметь ограничений на доступ в них невоенных потребителей).

В настоящее время система военной торговли нашей страны активно сотрудничает с гражданскими торговыми предприятиями, чтобы повысить эффективность использования объектов, находящихся в ведении Министерства обороны РФ, и улучшить качество торгового обслуживания военнослужащих [Курбанов, Попов, 2017].

С учетом текущей геополитической ситуации (и, в частности, необходимости организации торгового обслуживания населения Запорожской и Херсонской областей в составе Российской Федерации, где продолжаются боевые действия, и современные торговые форматы фактически отсутствуют²¹) мы предлагаем использовать потенциал сотрудничества между военными и гражданскими торговыми структурами, пересмотрев модель их

²¹ Денис Мантуров посетил Генчическ в Херсонской области // Правительство России. 09.07.2023. URL: <http://government.ru/news/48721/> (дата обращения: 17.07.2023); Ярмарки в Херсонщине как залог ценовой стабильности // Херсон. 16.07.2023. URL: <https://kherson-news.ru/society/2023/07/16/167316.html> (дата обращения: 17.07.2023).

партнерства: вместо привлечения гражданских предприятий для торгового обслуживания военнослужащих перейти к использованию ресурсной базы военной торговли для организации продажи продуктов питания гражданским лицам.

По нашему мнению, ОАО «Военторг» могло бы развернуть сеть торговых точек (возможно, временных) в Запорожской и Херсонской областях, чтобы обеспечить доступ местного населения к необходимым товарам по приемлемым ценам (сейчас, по имеющейся в открытых источниках информации, цены на продукты в этих регионах завышаются из-за сложности логистики, высоких рисков и низкого уровня конкуренции²²). В рамках этой модели возможно также использование мобильной торговли, потребность в которой в этих регионах довольно велика²³.

Благодаря упоминавшемуся выше партнерству военной торговли с «Пятерочкой»²⁴ такая временная сеть торговых точек могла бы иметь возможность получать товары по сравнительно низким закупочным ценам, а использование совместных логистических мощностей «Пятерочки» и «Военторга» позволило бы снизить издержки и повысить как экономическую, так и физическую доступность продовольствия. Через эту же сеть можно было бы распределять и гуманитарную помощь. Возможно, к развертыванию такой сети можно было бы привлечь Министерство по чрезвычайным ситуациям как организацию, обладающую большим опытом по налаживанию жизни в регионах, пострадавших от природных и техногенных катастроф.

После 2014 г. в России накоплен большой опыт использования ресурсов Вооруженных сил в интересах гражданских потребителей в регионах, вошедших в состав нашей страны (из свежих примеров можно упомянуть применение десантных кораблей для обслуживания Керченской переправы). Это позволяет говорить

²² Гаврилюк С., Дубровина Е., Мосолкина Д., Полухин А. В ДНР и ЛНР появятся крупные распределительные центры для снабжения товарами местных магазинов // Ведомости. 29.03.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/29/968524-v-dnr-i-lnr-poyavyatsya-krupnie-raspre-delitelnie-tsentr-dlya-snabzheniya-tovarami-magazinov> (дата обращения: 17.07.2023).

²³ Денис Мантуров посетил Генчиск в Херсонской области // Правительство России. 09.07.2023. URL: <http://government.ru/news/48721/> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁴ Зетилов И. «Военторг-Пятерочка» продолжает наступление // Комсомольская правда. 23.05.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26532.5/3549529/> (дата обращения: 17.07.2023).

о возможности и целесообразности использования организаций военной торговли для обеспечения населения продуктами питания в регионах с высоким уровнем военных рисков²⁵.

Выше мы указывали, что кооперативная и военная торговля в нашей стране являются сравнительно неэффективными моделями организации торговой деятельности (именно поэтому для повышения качества торгового обслуживания военнослужащих «Военторг» выстраивает сотрудничество с «Пятерочкой»). Тем не менее у военной торговли есть и важные преимущества (в частности, компетенции в сфере розничного обслуживания клиентов в зонах с неблагоприятными условиями ведения хозяйственной деятельности и высоким уровнем рисков), которые могут быть использованы для организации розничной торговли продовольствием в прифронтной зоне (где важны не сервис и передовые торговые технологии, а принципиальная способность обеспечить доступ массового потребителя к продуктам питания). Очевидно, что после восстановления мира данная форма торговли должна замещаться традиционной продовольственной розницей.

Обсуждение

Преимущества и недостатки различных видов АФРТ, а также наши рекомендации по их использованию для обеспечения физической доступности продуктов питания в регионах, где традиционная продовольственная розница отсутствует или развита слабо, представлены в таблице.

Подчеркнем, что предлагаемые решения являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Для разных регионов (в зависимости от плотности населения, расстояния между населенными пунктами и т.д.) и разных видов продовольствия (овощи, фрукты, продукты длительного хранения и пр.) целесообразно использовать разные модели АФРТ.

²⁵ Насколько можно судить по информации в открытых источниках, Вооруженные силы РФ (ВС РФ) в настоящее время оказывают логистическую поддержку гуманитарным проектам в новых регионах, направленным на обеспечение продовольственной безопасности населения. См., например, информацию (URL: <https://t.me/olgavyazovskaya2014/554>) о проекте «Социальная столовая» в г. Мариуполь (ДНР). Это подтверждает обоснованность наших рекомендаций об использовании логистического потенциала ВС РФ для организации продовольственного обеспечения населения.

Направления использования альтернативных форм организации торговли продуктами питания

Вид альтернативной торговли	Преимущества	Недостатки	Рекомендации по использованию
Мобильная	<ul style="list-style-type: none"> - Независимость от стационарной торговой инфраструктуры; — возможность охвата большого количества населенных пунктов; — возможность работы со сравнительно невысокими локальным платежеспособным спросом 	<ul style="list-style-type: none"> - Отсутствие экономии на масштабе производства; — низкая производительность торговой деятельности; — зона охвата региона ограничена возможностями транспортного средства 	Создание единого федерального оператора (или группы региональных операторов) мобильной торговли в формате государственно-частного партнерства на основе одной из федеральных торговых розничных компаний
Корпоративная	Присутствие торговых точек в удаленных и труднодоступных регионах	Отсутствие ориентации на обслуживание некорпоративных потребителей	Предоставление государственной поддержки для обеспечения охвата торговыми услугами некорпоративных потребителей
Федеральные компании	<ul style="list-style-type: none"> - Всероссийский масштаб деятельности; — отлаженная логистика 	<ul style="list-style-type: none"> - Узкий ассортимент; — отсутствие активов, необходимых для полноценной продовольственной розницы 	<ul style="list-style-type: none"> - Партнерство с розничными сетями для открытия совместных продовольственных торговых точек; — подключение локальных торговых предприятий к логистической инфраструктуре федеральной компании для поддержки их торговой деятельности; — государственная поддержка для расширения торговой деятельности федеральных компаний (включая дополнительный ассортимент и необходимые для него активы)
Военторг	Наличие компетенций в сфере ведения торговли в удаленных и труднодоступных регионах и зонах боевых действий	Отсутствие ориентации на массового потребителя	<ul style="list-style-type: none"> - Организация временной сети торговых точек для обслуживания населения в регионах с высоким уровнем военных рисков; — допуск массового потребителя к торговым точкам в удаленных и труднодоступных регионах

Необходимо также помнить о том, что отдельные альтернативные формы торговли могут отсутствовать в регионе (например, корпоративная торговля). Это означает, что система продовольственного обеспечения районов с недостаточно развитой традиционной продовольственной розницей должна строиться на специфическом для каждого конкретного региона сочетании АФРТ.

Кроме того, применение альтернативных моделей розничной торговли представляет собой компенсации провалов традиционной продовольственной розницы в отдельных населенных пунктах, а не полный отказ от нее. Государству и региональным властям необходимо уделять пристальное внимание созданию условий для развития традиционной торговли и постепенного вытеснения ею альтернативных форм (на тех рынках, где для этого существуют экономические предпосылки), поскольку именно традиционная розница способна обеспечить максимальный комфорт потребителей с точки зрения разнообразия предложения, удобства совершения покупки и т.д. Примерами такого вытеснения являются проекты «КООП-Пятерочка»²⁶ и «Пятерочка-Военторг»²⁷.

Создание условий для развития традиционной торговли в удаленных и труднодоступных районах может включать в себя и содействие освоению традиционными розничными операторами новых форматов работы, характерных для АФРТ (например, мобильной торговли), а также инновационных торговых и логистических технологий (использование беспилотной авиации [Охапкин и др., 2020]).

Отметим, что в данной работе перечислены не все возможные решения. Мы ограничились рассмотрением тех моделей, которые уже используются для создания АФРТ, и оценкой целесообразности расширения их использования.

Выводы

Стратегия обеспечения физической доступности продовольствия для населения Российской Федерации должна включать в себя использование потенциала АФРТ. При этом альтернативная и традиционная розница должны не замещать, а дополнять друг друга,

²⁶ Дуленкова А. «Пятерочка» за кооператив // Коммерсантъ. 13.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3269265> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁷ Зетилов И. «Военторг-Пятерочка» продолжает наступление // Комсомольская правда. 23.05.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26532.5/3549529/> (дата обращения: 17.07.2023).

обслуживая те рынки, специфике которых они соответствуют. Кроме того, они могут развивать различные формы партнерства. Традиционная продовольственная розница может включать альтернативные модели в свою сферу деятельности, тогда как АФРТ могут опираться на инфраструктуру и компетенции традиционной розничной торговли продуктами питания.

Литература

Белозерова И.В., Еремина Л.В. Организация доставки продуктов питания и товаров народного потребления в отдаленные районы с помощью автолавки // Перспективы развития технологий транспортных процессов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 01 марта 2022 года / Отв. ред. В.А. Зеликов. Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2022. С. 14–19. DOI: 10.34220/PDTPRT2022_14–19

Воронов Н.Д., Баранова О.А. Использование системного анализа в изучении тенденций развития розничной торговли Свердловской области // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29. № 2. С. 147–154. DOI: 10.2109/2227–9245–2023–29–2–147–154

Делахова А.М. Обеспечение населения арктических и северных районов социально значимыми продовольственными товарами // Общество и экономика. 2018. № 6. С. 95–107. DOI: 10.7868/S0207367618060067

Евдокимов А.Н., Сироткин А.Н., Крюков Я.В. Россия на Шпицбергене: история изучения, проблемы освоения недр и перспективы на будущее // ЭКО. 2018. № 4(526). С. 83–101. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-4-83-101

Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. 2021. № 2(560). С. 165–175. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-2-165-175

Капустина И.В., Семенова Е.С. Значение торговли в социально-экономическом развитии России // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сб. трудов всероссийской научной и учебно-практической конференции, в 3 ч., Санкт-Петербург, 27–29 мая 2020 года. Ч. 3. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 130–134.

Кириллова Т.В. Перспективы развития особой экономической зоны в Арктике // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 93–102. DOI: 10.24412/2307–5368–2021–4–93–102

Коновалов В.Б., Порвадов М.Г. Развитие торговой инфраструктуры в местах компактного проживания личного состава как элемент военно-экономической безопасности системы продовольственного обеспечения спецпотребителей // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. 2022. № 4(32). С. 91–99.

Крамаренко А.А., Фоменко А.С. Направления по обеспечению продовольственной безопасности Донецкой Народной Республики: анализ состояния, приоритетные сферы развития // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3(23). С. 10–19.

Курбанов А.Х. Обеспечение продовольственной безопасности мегаполисов: теория и практика // Национальные приоритеты России. 2015. № 2. С. 133–142.

Курбанов А.Х., Плотников В.А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. 2013. № 4(40). С. 33–47.

Курбанов А.Х., Попов А.С. Развитие системы торгового обслуживания военных потребителей в современных условиях // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2017. № 2(42). С. 91–95.

Митяшин Г.Ю. Трансформация продовольственной безопасности в условиях постиндустриальной экономики // Вестник НГИЭИ. 2022а. № 9(136). С. 120–135. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-9-120-135

Митяшин Г.Ю. Кооперация как инструмент повышения продовольственной безопасности // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2022b. № 1. С. 52–56.

Охапкин А.А., Егошин С.Ф., Клочков В.В. Интегрированные авиационные системы комплексного жизнеобеспечения в малонаселенных регионах России: перспективы и принципы построения // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, Курск, 05–06 июня 2020 г. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 903–909.

Полешикина И.О. Оценка эффективности продовольственного обеспечения районов Крайнего Севера России // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 820–835. DOI: 10.17059/2018-3-10

Порцель А.К. Российские шахты на Шпицбергене и поддержка их со стороны государства // Клио. 2017. № 5(125). С. 51–58.

Семенова Е.И., Новиков В.Г. Государственно-частное партнерство как инструмент социального развития сельских территорий России: подходы и ограничения // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 2. С. 89–92. DOI: 10.32651/212-89

Семенова Е.И., Симонов С.Ю., Семенов А.В. Планирование развития социальной инфраструктуры сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2022. № 12. С. 84–89. DOI: 10.33305/2212-84

Шарыпова О.А. Продовольственное самообеспечение Магаданской области в контексте вызовов развития региональной продовольственной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. № 12(507). С. 2295–2316. DOI: 10.24891/re.20.12.2295

Fishback P. Did Coal Miners “Owe Their Souls to the Company Store”? Theory and Evidence from the Early 1900s // The Journal of Economic History. 1986. Vol. 46. No 4. 1011–1029. DOI: 10.1017/S0022050700050695

Plotnikov V., Nikitin Yu., Maramygin M., Ilyasov R. National food security under institutional challenges (Russian experience) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2021. Vol. 41. No. 1/2. P. 139–153. DOI: 10.1108/IJSSP-03-2020-0074

Статья поступила 19.07.2023

Статья принята к публикации 29.09.2023

Для цитирования: *Котляров И.Д.* Альтернативные модели организации продовольственной розницы в удаленных и труднодоступных регионах // ЭКО. 2023. № 11. С. 86–109. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-86-109

Информация об авторе

Котляров Иван Дмитриевич (Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, доцент. Высшая школа сервиса и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0119-9392

Summary

I.D. Kotlyarov

Alternative Models of Food Retail in Remote and Hard-to-reach Regions

Abstract. The paper argues that traditional food retail does not fully cope with the task of providing the Russian population with food products, which is primarily due to the peculiarities of the country's geography and the current geopolitical situation. This problem can be partially solved on the basis of alternative models of food trade organization. An overview of the latter is given, their advantages and disadvantages are described, and general recommendations for their application are formulated. In the author's opinion, the strategy of food retail development in Russia (as an element of the food security strategy), along with creating conditions for the coverage of traditional retail trade in those regions where it is still absent, should include the promotion of alternative forms of food retail.

Keywords: *food security; food retailing; remote and hard-to-reach regions; mobile trade; military trade; corporate stores; public-private partnership*

References

- Belozeroва, I.V., Eremina, L.V. (2022). *Organization of delivery of food and fast moving consumer goods to remote areas by mobile shops*. Prospects of development of transport processes. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Voronezh. Pp. 14–19. (In Russ.). DOI: 10.34220/PDTPT2022_14–19
- Delakhova, A.M. (2018). Supplies of socially important food to the population of Arctic and Northern regions. *Society and Economics*. No 6. Pp. 95–107. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0207367618060067
- Evdokimov, A.N., Sirotkin, A.N., Kryukov, Ya.V. (2018). Russia on Spitsbergen: history of studying, problems of subsoil and prospects for the future. *ECO*. No. 4(526). Pp. 83–101. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-4-83-101
- Fishback, P. (1986). Did Coal Miners “Owe Their Souls to the Company Store”? Theory and Evidence from the Early 1900s. *The Journal of Economic History*. Vol. 46. No. 4. Pp. 1011–1029. DOI:10.1017/S0022050700050695
- Kalugina, Z.I. (2021). Economic accessibility of food: regional and social differences. *ECO*. No. 2(560). Pp. 165–175. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175
- Kapustina, I.V., Semenova, E.S. (2020). *The role of trade in social and economic development of Russia*. Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade. Papers of the All-Russian scientific, educational and practical conference. St. Petersburg. Pp. 130–134. (In Russ.).
- Kirillova, T.V. (2021). Prospects of development of a special economic zone in the Arctic. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*. No. 4. Pp. 93–102. (In Russ.). DOI: 10.24412/2307-5368-2021-4-93-102
- Konovalov, V.B., Porvadov, M.G. (2022). Development of trade infrastructure in the areas of living of military staff as an element of military and economic security of the system of food supplies for special customers. *Vestnik Voennoy akademii materialno-tekhnicheskogo obespecheniya im. generala armii A.V. Khruleva*. No. 4(32). Pp. 91–99. (In Russ.).
- Kramarenko, A.A., Fomenko, A. (2021). Ways to ensure food security of Donetsk People's Republic: analysis of the present situation, priority spheres of development. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*. No. 3(23). Pp. 10–19. (In Russ.).
- Kurbanov, A.Kh. (2015). Ensuring food security of megalopolises: theory and practice. *National priorities of Russia*. No. 2. Pp. 133–142. (In Russ.).

Kurbanov, A. Kh., Plotnikov, V.A. (2013). Public-private partnership and outsourcing: a comparative analysis of the structure and character of relations. *In the world of scientific discoveries*. No. 4(40). Pp. 33–47.

Kurbanov, A. Kh., Popov, A.S. (2017). Development of the system of trade service for military customers in the current situation. *Nauchnyy vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniya: voenno-nauchnyy zhurnal*. No. 2(42). Pp. 91–95. (In Russ.).

Mityashin, G. Yu. (2022a). Transformation of food security in the post-industrial economy. *Vestnik NGIEI*. No. 9(136). Pp. 120–135. (In Russ.). DOI: 10.24412/2227–9407–2022–9–120–135

Mityashin, G. Yu. (2022b). Cooperation as a tool of increase of food security. *Zakonomnosti razvitiya regionalnykh agroproduktovennykh system*. No. 1. Pp. 52–56. (In Russ.).

Okhupkin, A.A., Egoshin, S.F., Klochkov, V.V. (2020). Integrated aviation systems of complex supplies in less-populated areas of Russia: prospects and principles of building. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Moscow. Pp. 903–909. (In Russ.).

Plotnikov, V., Nikitin, Yu., Maramygin, M., Ilyasov, R. (2021). National food security under institutional challenges (Russian experience). *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 41. No. 1/2. Pp. 139–153. DOI: 10.1108/IJSSP-03–2020–0074

Poleshkina, I.O. (2018). Evaluation of effectiveness of food supplies to the regions of Extreme North of Russia. *Economy of Region*. Vol. 14. No. 3. Pp. 820–835. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018–3–10

Portsel, A.K. (2017). Russian mines in Spitsbergen and their state support. *Klio*. No. 5(125). Pp. 51–58. (In Russ.).

Semenova, E.I., Novikov, V.G. (2021). Public-private partnership as a tool of social development of rural territories of Russia: approaches and limitation. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii*. No. 2. Pp. 89–92. (In Russ.). DOI: 10.32651/212–89.

Semenova, E.I., Simonov, S.Yu., Semenov, A.V. (2022). Planning the development of social infrastructure of rural territories. *APK: ekonomika, upravlenie*. No. 12. Pp. 84–89. (In Russ.). DOI: 10.33305/2212–84

Sharypova, O.A. (2022). Food self-sufficiency of Magadan oblast in the context of challenges for the development of the regional food system. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*. Vol. 20. No. 12(507). Pp. 2295–2316. (In Russ.). DOI: 10.24891/re.20.12.2295

Voronov, N.D., Baranova, O.A. (2023). Use of system analysis for study of trends of development of the retail trade in Sverdlovsk oblast. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 29. No. 2. Pp. 147–154. (In Russ.). DOI: 10.2109/2227–9245–2023–29–2–147–154

For citation: Kotlyarov, I.D. (2023). Alternative Models of Food Retail in Remote and Hard-to-reach Regions. *ECO*. No. 11. Pp. 86–109. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-86-109

Information about the author

Kotlyarov, Ivan Dmitrievich (St. Petersburg) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Higher School of Service and Trade; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru; ORCID: 0000–0003–0119–9392

Т. Ю. Черкашина

Личная, частная, приватная – что значит для россиян собственность, которой они владеют?¹

УДК 316.4

Аннотация. В статье с использованием нормативных документов описаны институциональные условия формирования и увеличения личной и частной собственности населения СССР и Российской Федерации, в которой базовый объект владения – жилье; на примере посланий Президента РФ Федеральному Собранию определены характеристики публичного государственного дискурса в отношении такой собственности, а на данных социологических опросов и обследований домохозяйств показано, как относятся к ней сами россияне. Политика государства смещается от стимулирования приобретения гражданами собственности, прежде всего жилой недвижимости, и выведения её в зону формальных (регистрируемых) прав к использованию ее в контролирующих функциях. В публичном дискурсе с начала 2000-х годов акценты сместились от защиты прав собственности граждан к финансовым инструментам, связанным с нею (жилищной ипотеке, налогообложению), собственность начинает ассоциироваться с приватной, семейной сферой. Отношение населения к собственности в целом согласуется с этим дискурсом: доминирующий объект собственности большинства россиян – занимаемое жилье; проблематизируется, скорее, его покупка, но не обладание им.

Ключевые слова: частная собственность; личная собственность; приватность; дискурс; Послание Федеральному Собранию; отношение к собственности

В апреле 2021 г. Министерство труда и социальной защиты РФ существенно изменило критерии отбора малообеспеченных семей, которые могли претендовать на получение ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет. Такие же критерии были введены для претендующих на заключение социального контракта, получение государственной социальной помощи или предоставление субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг, а позднее распространены на другие ежемесячные выплаты малообеспеченным семьям и сохранены при переходе с 2023 г. на единое

¹ Статья отражает результаты исследования, поддержанного РФФИ, проект № 23–28–01171.

детское пособие². По этим правилам нуждаемость претендентов на социальную поддержку государства оценивается не только по низким доходам, но и по имущественной обеспеченности – она должна быть небольшой.

Введение дополнительных имущественных критериев свидетельствует о проблематичности лишь доходных условий доступа к социальной поддержке – данные о доходах могут занижаться, быть неполными и недостоверными, тогда как сведения об имуществе исказить труднее. Это косвенное признание, во-первых, качества «формальных» данных о собственности россиян – усилия государства в течение последних полутора десятилетий по снижению информализации собственности вывели её в «зону видимости». Во-вторых, это *символическое* «подведение черты» под советской моделью жилищной обеспеченности, когда бесплатная раздача жилья приводила к отсутствию прямой связи между его наличием и величиной дохода. Рыночные механизмы, сильнее связывающие текущие доходы и накопленное имущество, стали доминирующими.

Так или иначе государство еще раз обозначило интерес к собственности населения и наделило её «новыми смыслами». Но какое значение придают тому, чем владеют, сами россияне? Несмотря на тридцатилетнюю историю частной собственности, российские социологические исследования в этой области отличаются фрагментарность, а в публичном дискурсе собственность часто отождествляется с (несправедливой) приватизацией, состоянием очень богатых, а не массовых слоев населения. Представляется актуальным установить, *какие смыслы и интерпретации россияне связывают с имущественными активами*. Для этого сначала опишем динамику институциональных условий, норм допустимой собственности граждан, отраженную в государственных документах, а также в публичном государственном дискурсе (в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию). Затем представим частный дискурс собственности, отраженный прежде всего в результатах социологических опросов.

² Министерство труда и социальной защиты. Возможности для малообеспеченных граждан. URL: <https://mintrud.gov.ru/vozmozhnosti/maloobespechennym-grazhdam> (дата обращения: 18.01.2023).

Личная собственность советских граждан

Советская предыстория перераспределения собственности от государства в пользу домашних хозяйств (ее кульминация пришлась на 1990-е гг.) не была однородной с точки зрения институциональных условий существования собственности населения: если до 1990 г. земля предоставлялась гражданам только в пользование, в том числе бессрочное, то в отношении недвижимости (жилья) эти условия были более изменчивы. Хотя в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. частная собственность еще фигурировала как объект правовых отношений, по Конституции СССР, принятой в 1936 г., она уже недопустима: в государственную собственность включен «основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах», граждане обладают правом личной собственности на «трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство»³. Примерно в это же время начинает формироваться «ведомственно-государственная форма собственности», при которой плотно связываются автономные сферы существования человека – его проживание и производственная деятельность; предоставление жилья по месту работы позволяет контролировать работающих, перемещать трудовые ресурсы [Меерович, 2003].

После Второй мировой войны жилищные права вынужденно расширяются: в 1947–1948 гг. сначала работникам совхозов, а затем всем гражданам предоставлено право «купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города». Земля для строительства предоставляется в бессрочное пользование⁴.

Следующий шаг – кардинальная жилищная реформа 1955 г., подразумевающая жилищно-гражданское строительство по «высококачественным типовым проектам», что должно обеспечить «резкое удешевление строительства и улучшение бытовых

³ Конституция (основной закон) СССР (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) / КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» / КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2023).

условий населения»⁵. Но индустриализация жилищного строительства означала и увеличение государственного жилого фонда. Институциональной альтернативой было возрождение в 1958 г. жилищно-строительных кооперативов.

С улучшением жилищных условий росла жилищная дифференциация населения, и в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. появляется ограничительная норма: в личной собственности гражданина или у совместно проживающих супругов может быть только один жилой дом (или часть его), принадлежащий на праве личной собственности одному из них или находящийся в их общей собственности. Аналогично в собственности совместно проживающих супругов могла быть только одна квартира в жилищно-строительном кооперативе⁶.

В целом с 1940 г. по 1988 г. *городской* государственный и кооперативный жилищный фонд вырос со 161 до 1377 млн м², находящийся в личной собственности граждан – с 70 до 254 млн м², но в относительном измерении доля жилья в собственности граждан в общем городском жилищном фонде сократилась с 30,3% до 15,6%⁷. Если говорить о жилищном фонде *всей страны*, жилье в собственности граждан составляло в 1980 г. 33,3%, в 1988 г. – 27,3% (рассчитано по данным статистики)⁸.

Заметим, что при отсутствии частной собственности на жилье, малоэтажные жилые кварталы в городах получили название «частный сектор». Советское государство вынужденно мирилось с «нестратегическим» присутствием в городах индивидуальной застройки, в обозначении которой «сошлись два одинаково неприемлемых для советского проекта смысла. Частный – как категория собственности и частный – в смысле индивидуальный, личный, приватный» [Дятлов, 2021. С. 21].

⁵ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

⁶ Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3>.

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Статистика, 1981. С. 237.; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 146.

⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 251; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 146.

К концу 1980-х произошел частичный отказ от сложившейся жилищной системы: в декабре 1988 г. Совет Министров СССР принял постановление «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда». Оно не предполагало кардинальных изменений и создания рынка жилья, к тому же советские семьи не спешили платить за то, что им *дали* или *могли дать*: в 1989 г. было куплено всего 10 тыс. квартир (0,03% от их общего числа, подлежащего приватизации), в 1990 г. – 44 тыс. (0,1%)⁹. Но хотя «вялотекущий процесс продажи жилья не повлиял на общую экономическую жилищную ситуацию в стране», он «пробил брешь в советской идеологической доктрине о социалистическом, значит, государственном, жилье» [Бессонова, 1993. С. 105].

Основные институциональные вехи в отношении собственности граждан в СССР фактически связаны с регулированием жилищной собственности, так как земля могла находиться лишь в пользовании, а для приобретения дефицитных транспортных средств нужны были не только деньги, но и время (ожидание в очереди). В советском государственном устройстве личная собственность на жилье означала не столько права на нее, сколько способ получения доступа к благу, альтернативный государственной раздаче. Массовая бесплатная приватизация, наделившая советских людей частной собственностью, произошла уже в другой стране.

Частная собственность россиян: институциональные условия формирования

В тридцатилетней политике российского государства по предоставлению возможностей для прироста собственности российских домохозяйств можно выделить три периода. Первый – создание массовой частной собственности и собственников – охватывает 1990-е гг., когда происходила интенсивная *приватизация* общественного жилого фонда и земель сельскохозяйственного назначения. Правда, инструментами развития рынков недвижимости государство озаботилось существенно позднее: так, Агентство ипотечного кредитования было создано только через шесть

⁹ Российская Федерация в 1992 году. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. С. 243.

лет после начала массовой приватизации жилья, в 1997 г., а ряд законов, упрощавших выделение отдельных земельных участков из паев в коллективных наделах, был принят в начале 2000-х гг.

Хронологические границы второго периода – первое десятилетие 2000-х гг. Тогда на смену исчерпавшему себя приватизационному механизму обретения собственности приходит кредитный. Именно развитие ипотечного кредитования считают успешным результатом приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жильё – гражданам России», который стартовал в 2006 г. [Гонтмахер, 2008]. Его реализация позволила сократить ставки по ипотеке, уменьшить размер первоначального взноса, упростить процедуру согласования сделок и пр.

Этот период отмечен также стартом программы материнского (семейного) капитала (2007 г.), позволявшей направить средства, предоставляемые государством при рождении или усыновлении детей, на улучшение жилищных условий. Её можно считать апробацией «стимулирующих» программ, получивших распространение в дальнейшем, а в целом за это десятилетие сформировалась институциональная инфраструктура *приобретения* собственности.

Отличительными чертами третьего периода стали два связанных процесса: более активное государственное *стимулирование* приобретения собственности и *регулирование* налогооблагаемой имущественной базы. Основные инициативы 2010–2021 гг.:

– Федеральный закон № 435-ФЗ (2010 г.), неформально названный «дачной амнистией», должен был снизить информализацию земельной собственности и строений на садовых участках, предоставляя возможность их упрощенной регистрации при условии постановки на кадастровый учет;

– поправки в Налоговый кодекс (2010 г.), с которых начинается систематический рост транспортного налога в привязке к мощности двигателя, стоимости и года выпуска автомобилей и других транспортных средств. Параллельно государство объявляет о программах льготного автокредитования, постепенно делая их более адресными;

– с 2015 г. в ряде «экспериментальных» регионов, а с 2020 г. – во всех субъектах РФ налог на недвижимое имущество рассчитывается не по инвентаризационной, а по кадастровой стоимости объекта, более приближенной к рыночной;

– программы «Дальневосточный гектар» (2016 г.) и «Дальневосточная ипотека» (2019 г.) для приобретения на льготных условиях земельных участков и строительства (приобретения) жилья в отдаленных регионах. Со временем дальневосточные гектары дополнились арктическими;

– в кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, распространение в пакете мер поддержки, аналогичных тем, что ранее действовали лишь в адресных программах льготной жилищной ипотеки, на всех желающих при покупке строящегося или уже готового жилья в новостройках (отметим, что оценки результативности программ льготной ипотеки в 2020–2021 гг. показывают, что они вызвали резкий рост спроса и, как следствие, цен на рынке недвижимости: население покупало жилье не только для проживания, но и в инвестиционных целях [Рощина, Илюнькина, 2021], идентичность инвестора среди покупателей жилья стала более заметной);

– «гаражная амнистия» (2021 г.), предполагающая упрощенную процедуру регистрации гаражей в виде капитальных строений и земельных участков под ними и ориентированная на выведение в правовое поле данных объектов собственности¹⁰.

Эти примеры демонстрируют, что государство готово снижать кредитную нагрузку на бюджеты семей, вызванную приобретением собственности, если семьи будут содействовать достижению «государственных» целей – жить в регионах с высоким миграционным оттоком населения, делать вклад в естественный прирост населения, поддерживать потребительский и жилищный рынок в кризисных условиях и т.п.

Публичный государственный дискурс собственности в 2000–2023 гг.

Реализация государственной политики в отношении собственности граждан подразумевает конструирование и распространение норм не только «проектными» (в виде государственных программ и проектов), но и дискурсивными средствами (политическими заявлениями, манифестами, посланиями и т.п.)

¹⁰ Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050040> (дата обращения: 09.02.2023).

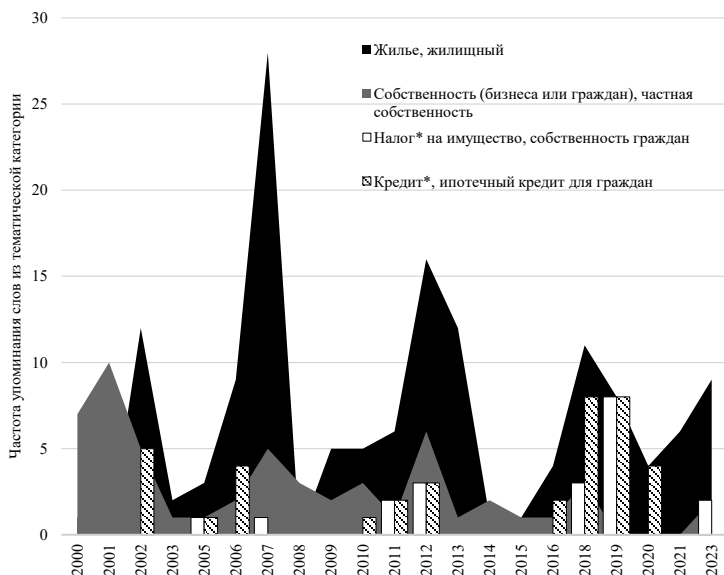
[Kohl, 2020; Arundel, Ronald, 2021]. В российской ситуации один из возможных вариантов идентификации публичного государственного дискурса – анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, отражающих динамику социально-экономической ситуации, значимость социальных проблем и инструментов их решения [Зюзина, 2020]. Предполагается, что «нарратив Посланий, помимо правового и управленческого значения, выполняет аксиологическую функцию, транслируя определенный набор ценностей, закрепляя их в массовом сознании и задавая стандарты социального поведения» [Борщевский, 2022. С. 85]. Ограничение данного источника в том, что послания, формально адресованные Федеральному Собранию, выносятся на «широкое обсуждение» те проблемы и решения, о которых государство готово говорить публично.

В 2000–2023 гг. Президент сделал двадцать одно Послание, тексты которых проанализированы для целей настоящего исследования¹¹. Тема частной собственности в них представлена разными тематическими категориями (сюжетами). Наиболее упоминаемая – *право* частной собственности как объект защиты, незыблемость прав собственности вообще и граждан в частности. С 2000 до 2008 гг. данная тематическая категория присутствует в каждом Послании, за исключением 2007 г. (рисунок), например, «должны быть защищены имущественные права граждан, обеспечены гарантии их собственности на жилье, на земельные участки, банковские вклады, на иное движимое и недвижимое имущество» (2000); «незыблемость права частной собственности. ... Это позволяет гражданам спокойно, без опасений заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам, как, например, приобретение жилья или его приватизация» (2005); «политические свободы граждан и их частная собственность неприкосновенны» (2008).

Позднее упоминания собственности в правовом контексте сокращаются; в 2010-х гг. такой контекст позиционирования частной собственности если не сменяется, то дополняется ценностным: «лучший способ сделать бизнес патриотичным – обеспечить эффективные гарантии защиты собственности» (2012);

¹¹ Анализировались тексты Посланий, доступные на сайте URL: <http://kremlin.ru>
Дата скачивания текстов Посланий за 2000–2021 гг. – 8 октября 2022 г., за 2023 г. – 31 марта 2023 г.

«добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – это такие же базовые консервативные ценности, как патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны» (2014); «в условиях хаоса 90-х страна начала создавать экономику на основе рыночных отношений, частной собственности – в общем, всё и правильно» (2023).

Источник. Рассчитано автором по текстам посланий Президента РФ Федеральному Собранию.

Частота тематических категорий, определенных по ключевым словам, в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (2000–2023 гг.), абсолютные значения

В 2007 г. в дискурсе Посланий к *праву* частной собственности добавляется *ответственность* ее владельца, причем речь идет об ответственности за содержание жилой собственности, «создании объединений эффективных собственников жилья», однако эта тема не развивается в дальнейшем; лишь в 2021 г. упоминается необходимость принятия закона, который «установит финансовую ответственность собственников предприятий за ликвидацию накопленного вреда».

Собственность как *объект контроля и учета* появляется в Посланиях 2008, 2009, 2011 г.: речь о декларировании доходов и имущества государственных и муниципальных служащих, работников правоохранительных органов; в 2018 г. заявляется о необходимости «формировать собственные цифровые платформы ... для учёта прав собственности».

Параллельно с позиционированием собственности Послания транслируют смыслы связанных с ней финансовых инструментов – кредитов на её покупку и налогообложения. В Посланиях кредиты гражданам на приобретение объектов собственности ограничиваются ипотечными, а ипотека определяется как способ решения жилищной проблемы: «низкие доходы населения и высокие процентные ставки на финансовых рынках, неразвитый рынок жилья и огромные цены на строительство – это далеко не полный перечень проблем, которые можно и нужно решать с помощью механизмов ипотеки» (2002). Поэтому семья и индивиды в связке с кредитами поначалу обозначаются как *жильцы*, и только к концу «нулевых» годов становятся *собственниками* с определениями *ответственный* и *эффективный* (2007).

Динамика содержания «кредитной» тематической категории отражает развитие института ипотеки: снижение ставки по ипотечным кредитам обозначается как цель приоритетного проекта «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» (2006); разрешается использовать «материнский капитал» на погашение ипотечных кредитов (2010); анонсируются программы льготной ипотеки для многодетных семей и работающих в бюджетной сфере (2011); доступность жилья уравнивается с доступностью ипотечных кредитов (2012, 2016–2020).

Если из всего, что было сказано в Посланиях о российской налоговой системе, выделить тезисы о налогообложении собственности граждан, увидим, что в них преобладает дискурс заботы и минимизации налоговой нагрузки: предложение отменить налог на имущество, переходящее в порядке наследования (2005); чрезмерность налоговой нагрузки на собственников жилья, что «тормозит создание эффективных механизмов реформирования жилищно-коммунального хозяйства» (2007) и в целом налога на имущество физических лиц, который должен быть «справедливым и посильным для граждан» (2018); льготное налогообложение имущества многодетных семей: «принцип должен быть

очень простой: больше детей – меньше налог» (2019). Линия «донастройки налоговой системы в интересах российских семей» продолжена в 2023 г.: «семьи с двумя и более детьми освобождаются от уплаты налога с продажи жилья, если они решили приобрести новую, более просторную квартиру или дом».

Жилье по сравнению с другими объектами собственности граждан находится на особом положении – только в двух Посланиях Президента нет упоминаний, касающихся каких-либо аспектов жилищных отношений. И конечно же, жилье позиционируется как условие создания и существования семьи, повышения рождаемости. Инструментом заботы, повышающим доступность жилья, являются программы льготной ипотеки, адресованные молодым и многодетным семьям.

Другой наиболее часто упоминаемый объект, который может принадлежать гражданам, – земельный участок – испытывает в Посланиях смысловую трансформацию, в итоге оказываясь также включенным в жилищные отношения: если в начале 2000-х гг. он упоминается как объект прав собственности, то с 2010 г. – как *предоставляемый, выделяемый* под индивидуальное жилищное строительство без уточнения, на правах владения или пользования.

В целом в публичном политическом дискурсе, представленном Посланиями Президента РФ Федеральному Собранию, с 2000 до 2023 гг. интенсивность темы собственности граждан снижается, сжимается до жилья, причем о жилье говорится как об объекте покупки или строительства, но не владения, пользования, распоряжения. Акценты смещаются от защиты и незаблемости прав собственности к финансовым инструментам, связанным с нею (рисунок), и если сначала жилищная ипотека, то затем и налогообложение имущества наделяются смыслом заботы о (многодетной) семье – дискурсивно собственность граждан всё больше ассоциируется с приватной, семейной сферой.

От личной к частной собственности: многослойность приватизации

Какое отношение к частной собственности демонстрировало в течение прошедших тридцати лет население страны? Возможность получить в частную собственность разные объекты воспринималась в начале 1990-х гг. преимущественно позитивно.

В одном из первых всероссийских опросов по этой теме (1991 г.) из «социальных явлений, возникающих в условиях развития новых форм собственности», наиболее положительно оценивалась продажа земли в частную собственность – так ответили 66,7% респондентов, отнеслись к этому отрицательно 18,8%, затруднились ответить 14,5%. Оценки приватизации жилья были уже менее определенными – затруднились проявить свое отношение к ней 24,2%, но отнеслись положительно 49,8%, отрицательно – 26,0%. Наряду с «закрытием неэффективных предприятий» (положительно воспринимали 73,7%) это были три наиболее одобряемые составляющие «развития новых форм собственности»¹². Жилые объекты – квартира и дача – оказались на первом месте по готовности населения их приобрести, земля и финансовые активы менее желанны; о готовности стать собственниками недвижимости бизнес-назначения сообщали не более 6–13% (табл. 1).

Таблица 1. Желание населения приобрести в личную собственность квартиру, земельный участок, предприятия, 1991 г.

Объект собственности	Желание приобрести				Всего
	готовы приобрести в ближайшее время	готовы приобрести, но пока не видят возможности	не хотят приобрести	не думали об этом	
Садовый участок, дача	43,2	31,5	17,0	8,3	100
Квартира	31,3	45,2	14,8	8,7	100
Акции, ценные бумаги	16,8	30,5	33,1	19,6	100
Земля	16,0	22,3	44,3	17,4	100
Магазин, кафе, столовая	2,5	10,8	66,4	20,3	100
Предприятие бытового обслуживания	1,3	6,6	71,3	20,8	100
Школа, детский сад, учреждение здравоохранения	1,1	4,5	74,4	20,0	100

Источник. «По материалам единовременного выборочного обследования 14,5 тыс. человек, проведенного в ноябре 1991 г.; % от опрошенных»¹³.

В следующие десятилетия личный характер частной собственности в представлениях россиян существенно не изменился.

¹² Народное хозяйство Российской Федерации. 1992. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 79.

¹³ Там же. С. 80.

И в начале «нулевых», и в конце «десятих» годов частная собственность ассоциировалась прежде всего с квартирой, домом, дачей, своим участком земли, личным автомобилем; гораздо меньше людей связывали с правами собственности сбережения, бизнес, ценные бумаги, а приватизация начала 1990-х ассоциировалась в большей степени с нечестным переделом крупной собственности и в гораздо меньшей – с приватизацией квартир и возможностями для свободного ведения бизнеса [Собственность..., 2006; Волков, Колесников, 2018].

Собственность населения хотя и стала частной, для большинства оставалась приватной, и в эту зону личного россияне не хотели бы допускать государство. В двух сопоставимых всероссийских опросах, проведенных в 2005 и 2010 гг., лишь 2–4% респондентов считали возможным, чтобы государство ограничивало права собственности на жилую недвижимость, автомобиль, земельный участок, используемый для собственных нужд; по мнению большинства граждан, вмешательство государства допустимо в случае собственности на объекты, имеющие общественное значение (природные объекты и ресурсы, средства производства), хотя за пять лет стало меньше тех, кто допускал ограничение прав собственности на них со стороны государства (табл. 2).

Желание ограничить доступ к собственности проявилось в пространственных практиках «закрытия» жилья через появление массивных дверей с кодовыми замками и домофонами на входе в подъезды, огораживания дворов многоквартирных домов с установкой таких же замков или шлагбаумов. Конечно, заборы и контролируемые «точки входа» в жилые пространства не являются сугубо российской особенностью. Но постсоциалистические страны с массовым «многоквартирным» наследием дали пример поступательного, планомерного и, похоже, необратимого закрытия полуприватных пространств с иной хронологической последовательностью институционализации закрытости, чем в западных странах: движение «машины закрытия входов» (gating machine) в бывших соцстранах в 1990-е – начале 2000-х начинается с фрагментарных личных или коллективных инициатив, девелоперы подключились к созданию закрытых городских и пригородных территорий позднее [Hirt, Petrovic, 2011], тогда

как в «классическом» американском варианте гейтинг инициируется девелоперами [Vesselinov et al., 2007].

Таблица 2. Мнения россиян о том, по каким видам собственности государство может ограничивать права собственников, множественный выбор вариантов при ответе на вопрос (2005–2010 гг.), %

Объект собственности	2005*	2010**
Леса, реки, озера и другие водоемы	86	В источнике вариант не указан
Недра и содержащиеся в них полезные ископаемые	85	68
Побережья морей и водоемов	84	61
Заводы, фабрики, магазины и др. предприятия и организации	66	44
Акции предприятий (2010: акции предприятий, паи в акционерных обществах и малых предприятиях)	37	26
Земельный участок, используемый для производства сельхозпродукции на продажу	9	13
Крупная сумма денег	16	12
Квартира	3	3
Дача, загородный дом	3	
Автомобиль	3	3
Земельный участок, используемый для собственных нужд	4	2
Ни по каким, собственник должен быть полностью свободен в распоряжении своей собственностью	В источнике вариант не указан	22

Источник. * [Собственность..., 2006: 16]; ** [Готово ли..., 2010: 43].

Немногочисленные исследования огораживания и закрытия дворов в крупных российских городах фиксируют, что оно было добровольным, происходило по инициативе самих жителей [Мельников, 2016; Аксенов, 2021]; и в целом исследователи делают в чем-то парадоксальный вывод, что домофоны на двери подъезда и заборы вокруг многоквартирных домов были проявлением «внутридомовой» солидарности [Attwood, 2012], что закрытие внутридомового, придомового и дворового пространств – «самый масштабный пример неполитической гражданской самоорганизации населения со времен перестройки» [Аксенов, 2011. С. 69], приведший к «групповой приватности».

Практика установки домофонов как маркеров «своего» пространства и барьеров для «чужих» распространяется из мегаполисов в малые города. В 2011 г. «домофонизация» многоквартирных домов в городах-«миллионерах» была уже стопроцентной;

среди всех городских домохозяйств из многоквартирных домов имели кодовые замки или домофоны на двери подъезда 82%; к 2022 г. эта величина выросла до 91%, прежде всего – за счет жителей небольших городов¹⁴. Эту массовую установку домофонов и заборов вокруг многоквартирных домов, несмотря на дискурс безопасности, можно интерпретировать как «диффузию» приватизации за двери квартир, в полуприватные пространства.

Жилье – ядро собственности большинства российских домохозяйств, но специфическое из-за своей насущной необходимости и отсутствия иных возможностей, помимо обладания, удовлетворить потребность в нем (во всяком случае – в подобных масштабах). Это проявляется в том числе в целях, с которыми приобретаются дополнительные жилые объекты. Согласно данным Банка России, в 2022 г. 9,3% домохозяйств планировали покупку или строительство жилья¹⁵. Членов домохозяйств, живущих в собственном жилье и намеренных приобрести жилую недвижимость, спросили о целях таких планов. Самый распространенный вариант – «улучшить жилищные условия», его выбрали 52,6% из данной группы респондентов; второй по частоте – «отселить членов домохозяйства», 24,0%; далее – «оставить в наследство», 14,6%. И только 5,6% респондентов рассматривают покупку или строительство дополнительного жилья как инвестицию, 23,5% российских домохозяйств имеют в собственности «второе» жилье, помимо занимаемого – квартиру, комнату в квартире или дом. Из этих семей сдают «второе» жилье в аренду 9,5% (2,2% среди всех домохозяйств); используют его в качестве залога для получения кредитов – 0,3%; 20,9% домохозяйств, имеющих в собственности дополнительную жилую недвижимость (4,9% среди всех домохозяйств), не использовали ее на момент опроса, даже для личных нужд.

Эти данные согласуются как с публичным политическим дискурсом собственности, так и с другими данными: жилье – это

¹⁴ Расчеты автора на микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого в 2011–2022 гг. Росстатом. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁵ Расчеты автора на микроданных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, проведенного в 2022 г. по заказу Банка России по репрезентативной выборке домохозяйств. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitel-skim-finansam (дата обращения: 04.04.2023).

прежде всего семейный актив, и проблематизируется, скорее, покупка жилья, но не обладание им; инвестиционное и рентное использование жилья распространено незначительно.

Заключение

Хотя в 1990-е гг. россияне переживали новый опыт обретения и обладания частной собственностью, «массовизация» собственности в России не была уникальным явлением: благосостояние, основанное на активах (asset-based welfare), экономика активов (asset economy) к тому времени в экономически развитых странах стали идеей и моделью государственной политики. Она подразумевает не только перераспределение денежных средств в виде социальных трансфертов, но и создание индивидами и домохозяйствами «подушки безопасности» в виде активов, владение которыми должно снижать риски, связанные с нестабильностью рынка труда [Вайс, 2021; Ronald et al., 2017; Adkins et al., 2022]. Чтобы противостоять угрозе низкого уровня жизни, системы государственных социальных трансфертов недостаточно: гражданам предлагается инвестировать в нефинансовые и финансовые активы с растущей стоимостью, которые в будущем могут быть проданы с последующей покупкой менее дорогих аналогов, как в случае жилья, или стать ресурсом текущего потребления, как в случае пенсионных накоплений.

Реализация политики благосостояния, основанного на активах, подразумевает конструирование и внедрение в повседневность нормы обладания, а не пользования (аренды), а также финансовализацию повседневной жизни [Вайс, 2021; Hillig, 2019]. Трудно сказать, звучали ли аргументы, связанные с наделением граждан РФ активами для минимизации рисков падения уровня жизни, при принятии решения о бесплатной приватизации жилья и земли и следующих инициатив по увеличению собственности, но по факту доля российских домохозяйств, живущих в своем жилье, по разным источникам, доходит до 85–90% [Богомолова, Черкашина, 2021]. И хотя пенсионная реформа, которая должна была сформировать долгосрочные финансовые активы россиян, фактически свернута, финансовализация так или иначе присутствует в российском варианте государства благосостояния в виде программ льготных кредитов на покупку объектов собственности, льготного налогообложения.

Относительный плюс ситуации, когда для большинства россиян собственность не столько экономический актив, сколько нечто личное, приватное, в том, что низкие доходы населения и, как следствие, малочисленность носителей инвестиционных и рентных стратегий в отношении жилья не обостряют существенно дилемму противоположных интересов «включенных в рынок» и «исключенных из него», когда первые заинтересованы в росте цен на жилье, вторые – в его дешевизне [Doling, Ronald, 2010; Weiss, 2014].

Здесь лишь упоминается, но подробно не рассматривается бизнес-собственность россиян. К массовым представлениям, в которых бизнес слабо ассоциируется с частной собственностью населения, добавим, что по расчетам на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, только среди членов 2–3% домохозяйств есть владельцы или совладельцы предприятий. Но бизнес-собственность – высококонцентрированные активы, обладатели которых не попадают в выборки массовых обследований. Конечно, часть домохозяйств использует имущество – автомобили, гаражи, второе жилье – в предпринимательских целях, для получения дохода, однако эти практики, как и вся постсоветская история бизнес-собственности населения, требуют отдельного рассмотрения.

Что в СССР, что в РФ политика государства в отношении имущества населения проходила периоды от кардинального передела (перераспределения), расширения механизмов доступа к имущественным благам, стимулирования обладания личной или частной (во всех смыслах) собственностью к ее контролю и ограничению. Естественно, конкретное институциональное «наполнение» этих периодов отличалось.

Как бы россияне ни стремились сохранить приватный статус своей собственности, скорее всего, мы наблюдаем начало следующего, уже четвертого периода государственного регулирования этой сферы социально-экономических отношений – собственность становится средством и объектом контроля. В таком ключе ранее рассматривалось имущество политиков, чиновников, руководителей государственных предприятий, но сейчас, во-первых, «имущественной проверке» подвергаются все претенденты на социальную поддержку государства; во-вторых, по нормативному акту, известному как закон «об электронных повестках», при нарушении правил воинского учета предусмотрено наказание

в виде ограничения прав собственности (в пользовании и распоряжении имуществом)¹⁶.

Литература/References

Аксенов К.Э. Куда вас теперь не пускают: как менялась публичная доступность пространства в жилых кварталах Санкт-Петербурга в XXI веке? / Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. Отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 223–239.

Aksenov, K.E. (2021). Where are you not allowed now: how has the public accessibility of space in residential quarters of St. Petersburg changed in the XXI century? *Geourbanistics and Urban planning: theoretical and applied research*. Editor A.G. Makhrova. Moscow: Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Pp. 223–239. (In Russ.).

Аксенов К.Э. Тенденции изменения публичной доступности пространства в постсоветском метрополисе: сжатие или расширение? // Известия Русского географического общества. 2011. Т. 143. № 2. С. 58–70.

Aksenov, K.E. (2011). Tendencies of changes in public accessibility of space in the post-Soviet metropolis: contraction or expansion? *Proceedings of the Russian Geographical Society*. Vol. 143. No. 2. Pp. 58–70. (In Russ.).

Бессонова О.Э. Жилье: Рынок и задача. Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 160 с.

Bessonova, O.E. (1993). *Housing: Market and distribution*. Novosibirsk: «Science». Siberian Publishing Company. 160 p. (In Russ.).

Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 51–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77

Bogomolova, T.Yu., Cherkashina, T.Yu. (2021). Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes. *Mir Rossii*. Vol. 30. No. 3. Pp. 51–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77 (In Russ.).

Борщевский Г. Отражение ценностей российского общества в Посланиях Президента Федеральному Собранию // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 84–103. DOI: 10.17323/1728–192x-2022–3–84–103

Borshchevskiy, G. (2022). References to the Russian Society's Values in the Presidential Addresses to the Federal Assembly. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 21. No. 3. Pp. 84–103. DOI: 10.17323/1728–192x-2022–3–84–103. (In Russ.).

Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение / Пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Weiss, H. (2021). *We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us*. Translated from the English by N. Protsenko; edited by A. Smirnov. Moscow: HSE Publishing House. 200 p. (In Russ.).

¹⁶ Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304140051> (дата обращения: 09.06.2023).

Волков Д., Колесников А. Новая русская мечта: частная собственность для детей / Московский Центр Карнеги. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Volkov, D., Kolesnikov, A. (2018). *New Russian Dream: Private Property for Children*. Carnegie Moscow Center. (In Russ.) Available at: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (accessed: 30.07.2023).

Гонтмахер Е.Ш. Национальные проекты: первые итоги реализации // SPERO. 2008. № 8. Весна–Лето. С. 119–134.

Gontmaher, E. Sh. (2008). National Projects: the First Outcomes. *SPERO*. No. 8. Pp. 119–134. (In Russ.)

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. 344 с.

Gorshkov, M.K., Krumm, R., Tikhonova, N.E. *Is Russian society ready for modernization?* (2010). Moscow. Publishing House «The Whole World». 344 p. (In Russ.)

Дятлов В.И. «Частный сектор» советского города: дома, дворы и люди в словах и образах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 19–29. DOI: 10.24866/1998–6785/2021–1/19–29

Dyatlov, V.I. (2021). «Private sector» of the Soviet city: houses, yards and people in words and images. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 1. Pp. 19–29. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998–6785/2021–1/19–29

Зюзина Е.Б. Послания Президента Российской Федерации: эволюция меседжей (2012–2019 годы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 15–20.

Zuzina, E.B. (2020). The Messages of the President Russian Federation: Evolution of the Messages (2012–2019). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. No. 2. Pp. 15–20. (In Russ.).

Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 5–66.

Meerovich, M.G. (2003). Power and housing (housing policy in the USSR in 1917–1940). *Acta Eurasica*. No. 1. Pp. 5–66. (In Russ.).

Мельников М.В. Отношение новосибирцев к ограждению придомовой территории // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 94–104.

Mel'nikov, M.V. (2016). Attitude of Novosibirsk Inhabitants to Fencing of Areas Adjacent to Residential Houses. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 1. Pp. 94–104. (In Russ.).

Рощина Я., Илюнькина Н. Анализ влияния мер государственной поддержки ипотечного кредитования на доступность жилья в России: региональный разрез // Деньги и кредит. 2021. № 4. С. 98–123. DOI: 10.31477/rjmf.202104.98

Roshchina, Ya., Ilyunkina, N. (2021). Impact of government measures to support mortgage lending on housing affordability in Russia: regional evidence. *Money and Finance*. No. 4. Pp. 98–123. (In Russ.). DOI: 10.31477/rjmf.202104.98

Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян/ Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. 392 с.

Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., Chepurenko A.Yu. *Property and business in the life and perception of Russians* (2006). Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Nauka. 392 p. (In Russ.).

Adkins L., Cooper M., Konings M. The asset economy: conceptualizing new logics of inequality // *Distinktion: Journal of Social Theory*. 2022. Vol. 23. No 1. Pp. 15–32. DOI: 10.1080/1600910X.2021.1904429

Arundel R., Ronald R. The false promise of homeownership: Homeowner societies in an era of declining access and rising inequality // *Urban Studies*. 2021. No. 58 (6). Pp. 1120–1140. DOI: 10.1177/0042098019895227

Attwood L. Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No 5. Pp. 903–928. DOI: 10.1080/09668136.2012.681243

Doling J., Ronald R. Home ownership and asset-based welfare // *Journal of Housing and the Built Environment*. 2010. No. 25. Pp. 165–173. DOI 10.1007/s10901-009-9177-6

Hillig A. Everyday financialization: The case of UK households // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2019. No. 51 (7). Pp. 1460–1478. DOI: 10.1177/0308518X19843920

Hirt S., Petrovic M. The Belgrade Wall: The Proliferation of Gated Housing in the Serbian Capital after Socialism // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35, Issue 4. Pp. 753–777. DOI:10.1111/j.1468-2427.2011.01056.x

Kohl S. The political economy of homeownership: a comparative analysis of homeownership ideology through party manifestos // *Socio-Economic Review*. 2020. Vol. 18, Issue 4. Pp. 913–940. DOI: 10.1093/ser/mwy030

Ronald R., Lennartz C., Kadi J. What ever happened to asset-based welfare? Shifting approaches to housing wealth and welfare security // *Policy & Politics*. 2017. Vol. 45. No. 2. Pp. 173–93. DOI: 10.1332/030557316X14786045239560.

Vesselinov E., Cazessus M., Falk W. Gated Communities and Spatial Inequality // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29, No. 2. Pp. 109–127. DOI: 10.1111/j.1467-9906.2007.00330.x

Weiss H. Homeownership in Israel: The social costs of middle-class debt // *Cultural Anthropology*. 2014. No. 29 (1). Pp. 128–149. DOI: 10.14506/ca29.1.08

Статья поступила 02.07.2023

Статья принята к публикации 13.08.2023

Для цитирования: Черкашина Т.Ю. Личная, частная, приватная – что значит для россиян собственность, которой они владеют? ЭКО. 2023. № 11. С. 110–130. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-110-130

Информация об авторе

Черкашина Татьяна Юрьевна (Новосибирск) – кандидат социологических наук, доцент. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: touch@nsu.ru; ORCID:0000-0002-0994-4388

Summary

T.Yu. Cherkashina

Personal, Private, Proprietary – What does Property they Own Mean to Russians?

Abstract. The paper utilizes normative documents to describe the institutional conditions of formation and increase of personal and private property of the population of the USSR and the Russian Federation, in which the basic object of ownership is housing; the characteristics of the public state discourse in relation to such property are defined on the example of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, and the data of sociological surveys and household surveys show how Russians themselves treat it. The state policy is shifting from encouraging citizens to acquire property, primarily residential real estate, and bringing it into the zone of formal (registrable) rights to the use of property in controlling functions. In the public discourse since the early 2000s, the emphasis has shifted from the protection of citizens' property rights to financial instruments related to it (housing mortgage, property taxation); property is associated with the private, family sphere. The attitude of the population to property is generally consistent with this discourse: the dominant object of ownership of the majority of Russians is occupied housing; its purchase, but not its possession, is problematized.

Keywords: *private property; personal property; privatization; discourse; Address to the Federal Assembly; attitude to property*

For citation: *Cherkashina, T.Yu. (2023). Personal, Private, Proprietary – What does Property they Own Mean to Russians? ECO. No. 11. Pp. 110–130. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-110-130*

Information about the author

Cherkashina, Tatyana Yurievna (Novosibirsk) – Candidate of Sociology Sciences, Leading Researcher. Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk State University.

E-mail: touch@nsu.ru; ORCID: 0000-0002-0994-4388

О.А. Донских, Э.М. Думнова

Социокультурный фронтир российского общества в условиях современной международной миграции

УДК 314.7

Аннотация. Процесс международной миграции к настоящему времени приобрел новые качественные характеристики многомерного социального феномена, что определяет необходимость и новых подходов к его анализу. В статье вводится понятие социокультурного фронтаира, которое позволяет под новым углом зрения исследовать социальные последствия миграционного процесса. Выявляются причины формирования социокультурного фронтаира, а также основные проблемы, характерные для регионов, ставших центрами его возникновения, на примере Новосибирской области.

Ключевые слова: миграция; миграционные процессы; фронтир; социокультурный фронтир; диаспора; трансмигранты; неквалифицированные трудовые мигранты

Постановка задачи

Необходимость осмысления особенностей миграции и связанных с ней демографических, социальных и культурных проблем осознается как представителями административных структур, так и научным сообществом. Цель настоящей статьи – обоснование целесообразности введения в научный оборот термина «социокультурный фронтир» при анализе международных миграционных процессов.

С ростом уровня международной миграции и расширения спектра ее видов на территории страны-реципиента увеличивается число представителей различных этнических групп, являющихся носителями соответствующих культур. Это актуализирует проблему их инкорпорации в социокультурное пространство общества-реципиента.

Процесс такой инкорпорации – двусторонний: мигрантам приходится осваивать язык, новые нормы и образцы поведения, заниматься трудоустройством, а перед обществом встает вопрос о формате взаимодействия с мигрантами в разных сферах.

Появляется дилемма: инкорпорирование мигрантов ставит под угрозу культурную гомогенность общества, что и само по себе непросто, а в случае неудачи возникает проблема обособления вновь прибывших, и в пространстве страны-реципиента формируются разделенные общества, сосуществование которых в близком соседстве чревато межконфессиональными, межэтническими и прочими видами конфликтов, а также глубинным социальным неравенством.

Различные аспекты данной проблемы нашли отражение в зарубежных исследованиях. Так, некоторые авторы рассматривают возникающие в мигрантской среде сетевые структуры, вводят термины вроде «региональная идентичность» применительно к сообществам мигрантов в рамках отдельных стран (см. например [DiCarlo, 2008]) и пр. Другие фокусируются на процессах взаимодействия новых сообществ с местным населением, происходящих внутри и извне юридических и территориальных границ. С этой целью, в частности, рассматриваются разные модели, связанные с такими понятиями, как диаспора, идентичность, фронтир [Safran, 1991; Hennebry, Walton-Roberts, 2014; Каслс и др., 2022].

Современная миграционная теория имеет несколько ветвей, отражающих актуальные направления исследований международной миграции. В контексте нашего исследования наиболее значимыми являются следующие:

- теория диаспор (Cohen P., Safran W., Van Hear N.);
- теория миграционных сетей (Aguilera M., Massey D., Skeidon, Krissman, Castles);
- теории социокультурной адаптации мигрантов, подразделяющиеся на ассимиляционный (Gordon M., Portes A., Zhou M.) и транснациональный подходы [Berry, 1997] (Kim Y.Y., Phinney J.S., Pieterse J.N., Sue S., Sue D.W.).

Российское общество на современном этапе его развития оказалось в полной мере включено в динамичный процесс международной миграции. Так, в 2022 г. количество иностранных граждан, приехавших в Россию только с целью работы, составило 3,47 млн, что на треть, или на 871 тыс. человек, больше, чем в предшествующем году¹. Более 90% прироста иностранной

¹ По данным аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza.

рабочей силы пришлось суммарно на Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Также значительно выросло число трудовых мигрантов из Казахстана, Азербайджана, Вьетнама, Молдовы, Турции, Туркмении и Китая. Вместе с тем следует учитывать и другие виды миграции, предполагающие длительное пребывание иностранных граждан в стране-реципиенте или переезд на ПМЖ. К ним, в частности, относится вынужденная миграция.

В нашем исследовании социокультурные проблемы миграции будут рассматриваться в региональном аспекте, на примере Новосибирской области. Регион – активный участник миграционного процесса, что обусловлено спецификой его экономического развития и наличия на территории третьего по численности города в России. Новосибирск как столица области стал центром концентрации разных видов мигрантов в Сибирском регионе. Так, за шесть месяцев 2022 г. на территорию региона въехало более 163 тыс. иностранных граждан, что в два раза больше, чем за первое полугодие 2021 г. (77,2 тыс.)². По данным Новосибирскстата на январь-февраль 2023 г., миграционный прирост в области составил 35 человек на 10 тысяч населения и опять-таки был выше, чем годом ранее (31,7 на 10 тыс.)³. Особенность миграционного процесса региона (как и страны в целом) – его разнообразие, не укладывающееся в простые схемы; и те социальные напряжения, которые он вызывает, требуют использования новых подходов к его анализу.

Социокультурные последствия миграции

Прирост миграционного потока имеет ряд последствий, в числе которых особое место занимают социокультурные. Международная миграция с конца XX века развивается в контексте глобализации, став одним из ее ключевых направлений. Это обусловило появление у нее новых качественных характеристик многомерного социального феномена. В частности, появились ее новые виды, в странах международной миграции,

² Количество трудовых мигрантов в Новосибирске выросло в два раза. URL: <https://infopro54.ru/news/kolichestvo-trudovyx-migrantov-v-novosibirskе-vyroslo-v-dva-raza/?ysclid=1ma545ihi6954117620>

³ Общие итоги миграции населения Новосибирской области. URL: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_Миграция%20населения%20Новосибирской%20области%20в%20январе-октябре%202022%20года.pdf

одной из которых является Россия, начал формироваться социокультурный фронтир.

Многообразие отношений, складывающихся в связи с растущей миграцией, охватывает различные аспекты жизни не только мигрантов, но и принимающего сообщества. Отмечается целое направление исследований, которое можно обозначить как «домашнюю этнографию» – «Это особенно актуально для исследований миграции, направленных на получение знаний, преодолевающих такие разделения, как “мы” и “они”, “коренной житель” и “иммигрант”, а также “общественное” и “частное” и, что более важно, “хозяин” и “гость”» [Migration and Domestic Space, 2023. P. 1]. Фактически здесь обозначается целая серия разнотипных отношений. И при этом речь идет, конечно, об изменении не только социально-экономического, но и культурного пространства.

В частности, обозначились новые центры притяжения, как и новые причины для конфликтов. Так, празднование Ураза-Байрам в одной из новосибирских мечетей превращается в испытание для живущих рядом жителей⁴. Культурно-религиозные различия могут становиться серьезными проблемами для школ и вузов⁵ (см. также [Елисеева, 2020]). В свою очередь и мигранты испытывают многообразные влияния принимающего сообщества. Они естественным образом пытаются выстроить семейное пространство так, как это было привычно для них в стране исхода (кстати говоря, школьные конфликты чаще всего связаны с особенностями семейных отношений), однако проникающая сюда новая социальная реальность часто вызывает напряжение между поколениями.

Таким образом, наряду с более-менее понятными границами мест преимущественного расселения мигрантов из определенных стран на принимающей территории формируются границы социально-культурные, которые часто воспринимаются острее и переживаются значительно более болезненно. Проблема состоит в способности корректно преодолеть социокультурные барьеры, возникающие в процессе формирования

⁴ «Как праздник, хоть переезжай»: жители домов на Красина оказались взаперти из-за десятков машин. URL: <https://ngs.ru/text/transport/2023/04/21/72238355/>

⁵ Министр образования НСО рассказал, как решать межэтнические конфликты в школах. URL: <https://ngs.ru/text/education/2021/12/21/70331363/>

мировоззренческого диалога между принимающим населением и мигрантами. Для того чтобы мигранты постепенно становились привычной частью городского сообщества, необходимы определенные усилия как со стороны мигрантов (особенно во втором и третьем поколениях), так и со стороны принимающего сообщества. Гости становятся хозяевами, а в определенных обстоятельствах хозяева могут стать гостями, как это произошло, например, в Косово.

Социокультурный фронтр

Представляется плодотворным применить к социально-культурному противостоянию мигрантского и местного сообществ, доходящему порой до реальных столкновений, понятие фронта, известное в исторических исследованиях. Теория фронта была разработана американским ученым Ф. Тернером более века назад [Тёрнер, 2009]. Он определяет это понятие как территорию столкновения разных народов в контексте завоевательных исторических событий. При этом он обращает внимание на то, что при столкновении культур в процессе освоения определенных территорий происходит не просто замещение одной культуры другой, но трансформация обеих культур, находящихся во взаимодействии на этой подвижной границе. То есть «речь идет не о примитивном заимствовании определенных культурных достижений, не об имитации, а об истории эволюции и адаптации институтов в ответ на изменившуюся окружающую среду» [Тёрнер, 2009. С. 177]. Теория фронта заняла прочные позиции в исторической науке, получив в последующем дополнительные интерпретации. Вместе с тем ее методологический потенциал распространился на междисциплинарный уровень исследований.

Одним из показательных примеров развития теории фронта является его применение для анализа процессов индустриализации и урбанизации, что особенно актуально сегодня. Этот подход позволяет, в частности, увидеть необратимость соответствующих процессов и их многоаспектность. «Технологии, наука, богатство и стремление к возбуждению – все это в совокупности порождает новую взрывающуюся городскую границу, и эта граница не за горами. Как ни относиться к стремительному росту городов и как бы ни было больно смотреть на бесформенное расплозание, характерное для многих мегаполисов, нужно признать тот очевидный факт, что ни один из факторов, вызывающих рост городов, не обратим» [The urban-industrial frontier, 1969. P. 6].

В контексте международной миграции особое значение в урбанизированном обществе приобретает появление диаспор и столкновение в одном пространстве разных традиционных культур. В указанной работе, в частности, возникает такое понятие, как «образовательный фронтир», которое вводит нас в пространство национальной культуры в ее отношении с другими национальными культурами. Именно система образования и воспитания формирует культурно-национальную идентичность. «...Если проанализировать содержание учебных программ в школах и университетах мира, то окажется, что они являются продуктом национальных и региональных концепций истории, социальных и гуманитарных наук, призванных дать каждому поколению в той части мира, которую оно занимает, чувство идентичности с собственными традициями [The urban-industrial frontier, 1969. P. 40–41]. Однако не менее значима (и при этом наиболее очевидна) разница в поведенческих стереотипах, в которых проявляются как культурно-религиозные различия, так и семейные традиции [Елисеева, 2020. С. 28].

Расширение территориальной концентрации мигрантов и освоение ими новых социальных пространств делают современные урбанизированные сообщества крайне сложным образованием. Поэтому представляется целесообразным и методологически оправданным введение понятия «социокультурный фронтир» в контекст изучения социокультурных последствий международной миграции. Последний представляет собой феномен столкновения разных культур и социальных моделей, возникающего на территории страны-реципиента. Одна из особенностей социокультурного фронта – его территориальная локализованность. Это означает, что данное понятие применимо к исследованию территориальных субъектов, являющихся центрами притяжения миграционных потоков (в частности – мегаполисов и отдельных регионов).

Следует отметить локализованный характер социокультурного фронта и применительно к Новосибирску как одному из российских центров притяжения трудовых мигрантов. Это связано со спецификой территориального распределения последних в границах города. В большинстве своем мигранты сосредоточены в Кировском и отдаленной части Ленинского районов на левом берегу Оби.

Вместе с тем необходимо учитывать *внутритерриториальный характер формирования социокультурного фронттира*, что принципиально отличает его от классической дефиниции фронттира, предполагающей его формирование в трансграничье.

Адаптация высококвалифицированных рабочих и трансмигрантов

На этапе теоретической рефлексии рассмотрим основные факторы, определяющие формирование социокультурного фронттира. Прежде всего, следует отметить, что этот феномен как некая составляющая социокультурного пространства страны-реципиента является индикатором транзитивного состояния социальной системы. Миграционные потоки – один из сильнейших факторов, дестабилизирующих социальную систему, в частности, за счет воздействия на ее социокультурное пространство, что способствует ее выходу из равновесного состояния при достижении определенных пропорций в обществе разных этнических групп мигрантов относительно местного населения.

Мы разделяем точку зрения Стивена Каслса о высокой значимости этнических культур мигрантов, поскольку именно «... культура, идентичность и сообщества часто служат ядром сопротивления силам централизации и гомогенизации» [Каслс и др., 2022. С. 105]. Как отмечает автор, этнические культуры мигрантов являются угрозой для господствующей культуры и этнической идентичности. Аналогичной точки зрения придерживается и Р. Коэн, выражая сомнения по поводу того, что «меньшинства и мигранты будут демонстрировать исключительную лояльность национальному государству» [Cohen, 2008. С. 12].

Трудности начинаются с языка. Сью Райт справедливо отмечает, что «язык занимает центральное место в любом исследовании миграции, поскольку способность общаться в новых условиях является одним из основных факторов успешного исхода переселения и обустройства. ... Непонимание – это фундаментальное препятствие на пути к инклюзии. Прежде чем этот барьер будет преодолен, необходимо долгое и трудное обучение языку» [Wright, 2020. P. 142]. А дальнейшее формирование новой идентичности проблематизируется этническим происхождением, религией, культурой.

Согласно основным закономерностям функционирования и развития систем любая из них, в том числе и социальная, стремится к самосохранению и саморазвитию, избегая состояний неравновесности. При нарушении баланса социосистема стремится так или иначе восстановить его. Это означает, что современное общество и отдельные его элементы развиваются нелинейно. В частности, поток мигрантов может количественно и качественно изменяться под влиянием каких-то внешних и внутренних для страны-реципиента факторов, что детерминирует новые условия существования социокультурного фронта. В этой связи представляется значимым анализ комплекса основных относительно устойчивых составляющих траектории его формирования.

Во многом специфика инкорпорирования мигранта в новое социокультурное пространство определяется его *статусом* и *целью прибытия* в страну-реципиент. Говоря о трудовой миграции, следует учитывать дифференциацию потока работников по ряду значимых критериев, в числе которых уровень образования и профессиональная квалификация. На этом основании мы предлагаем следующую классификацию трудовых мигрантов: низкоквалифицированные рабочие, высококвалифицированные и трансмигранты.

Высококвалифицированные рабочие и трансмигранты имеют большой адаптационный потенциал и мотивацию его реализации, что обусловлено целями их пребывания в стране-реципиенте. В этой связи они весьма органично инкорпорируются в принимающее социокультурное пространство, как правило, разделяя социальные нормы, ценности и общепринятую модель социального взаимодействия. Трансмигранты (мобильные люди, которые с готовностью выходят за рамки экономических, культурных, социальных, этнических и национальных границ) представляют собой немногочисленную категорию, имеющую преимущественно высокий социальный и профессиональный статус и профессионально востребованную в нескольких странах. Они более мобильны, имеют несколько социальных осей взаимодействия, охватывающих разные социокультурные пространства, в силу чего их собственная социокультурная идентичность весьма эластична, со временем она трансформируется, приобретая статус транснациональной идентичности.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты авторского социологического исследования, проведенного в апреле 2023 г. посредством полуструктурированных интервью с 12 русскими трансмигрантами, имеющими высокие профессиональную квалификацию и социальный статус и проживающими в разных странах. Это категория мигрантов в силу своих целей и мотивов миграции ориентирована на успешное и скорейшее инкорпорирование в принимающее сообщество, реализуя аккультурационную и ассимиляционную стратегии адаптации. Выбирая данные виды стратегий, они тем не менее поддерживают связь с соотечественниками в формате диаспоры.

На фоне обновления концептуальных рамок понятия «диаспора» в контексте нашего исследования представляется актуальным определение этого феномена, данное У. Сафраном. Он отмечает следующие неотъемлемые черты диаспоры:

- рассеянность из первоначального центра в два или более чужих региона;
- сохранение коллективной памяти, единое видение своей первоначальной родины, включая ее местонахождение, историю и достижения;
- идеализация прародины и стремление туда вернуться;
- этнообщинное сознание и солидарность во многом определяются отношением к своей родине [Safran, 1991].

С середины 1990-х гг. произошел пересмотр понятия «диаспора» в ключе конструкционистской (постмодернистской) критики. Конструкционисты опровергли территориальную ограниченность диаспоры пределами родины и страны переезда, обозначив ее определяющим признаком детерриторизацию, что позволило интегрировать диаспору в транснациональный дискурс и тем самым открыть новые горизонты ее исследования и значения в процессе интериоризации мигрантов в принимающее общество. Так, в современном мире сформировались трансдиаспоры, представляющие собой этнические общности, дискретно размещающиеся в разных странах, но при этом не утрачивающие этническое единство, воспроизводимое через социальные транснациональные сети.

Р. Коэн выделяет дополнительную очень значимую черту/признак современной диаспоры, отмечая, что «диаспоры часто мобилизуют коллективную идентичность не только в отношении

места поселения или в отношении воображаемой, предполагаемой или реальной родины, но и в знак солидарности с соэтническими членами диаспоры в других странах» [Cohen, 2008. P. 12]. Наряду с такими скрепами диаспоры, как язык, религия и культура, он выделяет «совместную ответственность», поддерживающую солидарность внутри этнического сообщества.

Очень важным представляется замечание Р. Коэна и о том, что совместная ответственность важна для той части диаспоры, которая не реализовала социальную мобильность в новом обществе и имеет социальный статус, не соответствующий желаемому. Это в первую очередь трудовые мигранты (или мигранты, переехавшие на ПМЖ), имеющие низкий уровень образования и соответствующий социальный статус.

Адаптация низкоквалифицированных рабочих

Определяющую роль в формировании социокультурного фронта играют в первую очередь низкоквалифицированные рабочие, которые в большинстве своем являются представителями сезонной/маятниковой миграции. Они приезжают на заработки на небольшой срок и склонны в месте своего временного проживания воспроизводить привычные социальные модели. Это касается специфики социального взаимодействия, поддержания социальных связей, сохранения культурных референций. Временное пребывание в принимающей стране ограничивает мотивацию повышения уровня владения ее языком и ресоциализации в целом.

Данная категория мигрантов привносит и воспроизводит в новом пространстве собственную этническую и социокультурную идентичность. В российском обществе она представлена главным образом выходцами из стран Средней Азии. Несмотря на общее историческое прошлое в формате СССР, на сегодняшний день дистанция культур с жителями бывших советских республик весьма ощутима, что определяется образовательным и в еще большей степени религиозным критерием. Именно религиозные нормы лежат в основе организации социальной жизни данных этнических групп мигрантов. Религия является одним из важнейших маркеров их социокультурной и этнической идентичностей.

Выбирая адаптационную модель, представители этой категории мигрантов, как правило, останавливаются на сегрегационной

или маргинальной стратегиях. Согласно концепции аккультурации Дж. Берри, данные типы адаптационных стратегий предполагают низкий уровень инкорпорированности и стремление сохранить привычную социальную модель. В связи с большой дистанцией между культурами такой тип адаптационной стратегии становится катализатором социальной напряженности, иногда принимающей крайние формы, т.е. переходящей в социальные конфликты.

Примером могут послужить периодически вспыхивающие драки мигрантов с местным населением в Кировском районе г. Новосибирска, вызывающие большой общественный резонанс. В Новосибирске напряженная ситуация сложилась вокруг Хилокского рынка⁶. Здесь фронтр существует практически буквально «по Тёрнеру».

Принципиально важно, что сегрегационная стратегия очень часто реализуется при поддержке диаспоры. Ее роль для мигрантов весьма значима. В условиях современной международной миграции диаспора является не только социальной группой, способствующей поддержанию социокультурной идентичности мигрантов и воспроизводства родного им культурного фона, но и связующим звеном с родиной.

Несмотря на то, что в последние десятилетия формат диаспоры претерпевает явные изменения (так, в рамках теоретических научных дебатов оживленно обсуждается вопрос о трансформации признаков и характеристик диаспоры, о формировании нового ее вида – глобальной диаспоры, отличающейся, прежде всего, ослаблением связи с «родиной» и «домом»), отдельные категории мигрантов (в первую очередь низкоквалифицированные работники) поддерживают ее традиционный формат.

В формате традиционной диаспоры сохраняются основные маркеры социокультурной идентичности: родной язык, поведенческие стереотипы и поведенческая модель, ценности, религиозная принадлежность. Именно это способствует возникновению социокультурного фронтра. Мигранты воспроизводят свою социальную модель жизни в чуждом им социокультурном пространстве.

⁶ «В Новосибирске возле Хилокского рынка мигранты устроили массовую драку» // BFM.ru. URL: <https://nsk.bfm.ru/news/19469> Примеры легко умножить.

Особого исследовательского внимания заслуживает такой критерий интериоризации мигрантов, как дистанция культур. Данный показатель влияет не только на рост конфликтогенности в принимающем обществе, но и на устойчивость диаспоры, а также на степень абсорбции мигрантов в принимающее общество. Чем больше дистанция культур, тем ниже степень и темпы такой абсорбции. Следовательно, возникает ситуация формирования относительно замкнутых этнических групп и рост их численности в условиях высоких темпов миграционного прироста.

По ту сторону фронта

Значимую роль в формировании социокультурного фронта играет категория мигрантов, приехавших с целью длительного проживания или на ПМЖ. Их адаптационные стратегии имеют более гибкие формы, а степень стремления к сохранению социокультурной идентичности, как правило, определяет этническая принадлежность. Речь идет о выходцах из мусульманских стран, где в основе формирования социокультурной идентичности лежит религиозное сознание. Именно религия в данном случае определяет специфику социокультурной модели и ее реализации на поведенческом уровне – с одной стороны, а с другой – выступает сдерживающим фактором при выборе адаптационной стратегии, ориентированной на большую степень интеграции в социокультурное пространство принимающего общества. Эта этническая группа мигрантов ориентирована на сохранение социокультурной идентичности, сформированной в их родной стране, что дает им ощущение поддержания связи со своей этнической группой и сохранения собственной самобытности даже в условиях чуждой культуры.

Иное дело – неквалифицированные мигранты. Сохранение социокультурной идентичности для них, по сути, является способом самосохранения и отстаивания своей уникальности в инокультурной среде⁷. Равные условия жизни, возможности, социальные ожидания и в целом социальное самочувствие, с одной стороны, детерминируют их острую потребность в сохранении самоидентичности на уровне диаспоры, а с другой – создают

⁷ Социолог: мы излишне надеемся, что мигранты из Средней Азии адаптируются.
URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/23/08/2017/599d3c859a794751d183fc80>
<https://nsk.rbc.ru/nsk/23/08/2017/599d3c859a794751d183fc80>

условия формирования группового сознания. На уровне последнего формируются представления о других («чужих») группах. Дихотомия «Свой-Чужой» закреплена в стереотипах, которым присуща высокая степень устойчивости. Данное обстоятельство лежит в основе межгрупповой конфликтности, которая склонна увеличиваться в отсутствие единой надгрупповой цели.

Ряд западных исследователей полагает, что противостояние групп, имеющих разную ментальность, базируется на принципе социоцентризма [Думнова, 2014. С. 83]. Последний трактуется как «свойство воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной социальной группы, выступающей в качестве некоего эталона, или оптимума» [Московичи, 1992. С. 83–96].

Проявления социоцентристских интенций присутствуют как на микро-, так и на макросоциальном уровнях. В первом случае принято применять термин «социоцентризм», отражающий межгрупповые отношения, субъектом которых могут быть группы, различающиеся по разным основаниям. Во втором случае можно использовать термин «этноцентризм», отражающий отношения между более крупными социальными группами – этносами [Думнова, 2014. С. 83]. М. Бруэр и Д. Кэмпбелл в качестве основных черт этноцентризма называют «восприятие элементов своей культуры как “естественных” и “правильных”, а элементов других культур как “неестественных” и “неправильных” [Brewer, Campbell, 1976]. В ряде случаев эти термины употребляют как синонимичные, в связи с чем, по нашему мнению, вполне допустимо спроецировать характеристики этноцентризма, выделенные М. Бруэром и Д. Кэмпбеллом, и на социоцентризм.

На наш взгляд, социоцентризм в контексте анализа формирования социокультурного фронта, детерминирован двумя основными причинами. Во-первых, несоответствием социальных ожиданий и самих мигрантов, и местного населения относительно их инкорпорации. Возникающее на основании этого противоречие детерминирует низкий уровень толерантности и социального доверия принимающего сообщества, с одной стороны, а с другой – выбор мигрантами адаптационных стратегий, нежелательных для местного населения [Коллиер, 2017].

Во-вторых, немаловажной причиной роста конфликтности выступают способы реализации мигрантами их

адаптационных стратегий. Речь идет о пространственно ориентированных и социальных действиях. К первым относится воспроизводство поведенческих стереотипов, присущих их культуре, посредством манеры и языка общения, выбора национальной одежды, что в комплексе является мощным инструментом манифестации и отстаивания собственной этнической и социокультурной идентичности. В качестве яркого примера вторых можно назвать воспроизведение мигрантами имеющихся у них гендерных стереотипов в принимающем обществе. Поскольку подавляющее большинство мигрантов в России являются выходцами из мусульманских обществ, привносимые ими в российский социум гендерные стереотипы входят в диссонанс с местными, что вызывает неприятие и углубление противоречий. Причем, если в обычное время эти противоречия как-то сглаживаются, в сложных ситуациях (например, в период пандемии) они начинают резко усугубляться [Шустов, 2021; Короткова, 2021].

Выводы

Методологическое обоснование введения категории «социокультурный фронтир» в контекст исследований современной международной миграции определяется эффективностью ее применения при изучении противоречивых социокультурных последствий данного процесса. Эта категория способствует формализации отражения глубинных последствий международной миграции на разных уровнях ее изучения в формате как отраслевых, так и междисциплинарных исследований.

В настоящем исследовании выявлены основной субъект социокультурного фронта (неквалифицированные трудовые мигранты), причины его формирования, а также связанные с ним социальные последствия (эффекты). Те социокультурные проблемы, которые характерны для регионов, являющихся центрами возникновения социокультурного фронта, требуют внесения корректив в работу органов власти, проводящих адаптационную работу с мигрантами.

Литература/References

Думнова Э.М. Взаимообусловленность общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 6(22). С. 81–90. DOI 10.15293/2226–3365.1406.07

Dumnova, E.M. (2014). Interdependence of social consciousness and mentality of social groups and associations of young people. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. No. 6 (22). Pp. 81–90. (In Russ.). DOI 10.15293/2226–3365.1406.07

Елсеева Е.С. Межнациональные конфликты в студенческой среде // Форум молодежной науки. 2020. Вып. 1. № 6. P. 25–31.

Eliseeva, E.S. (2020). Interethnic conflicts in the student environment. *Forum of Youth Science*. Vol. 1. No. 6. Pp. 25–31. (In Russ.).

Каслс С., де Хаас Х., Миллер М. Дж. Век миграции: международное движение населения в современном мире. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 512 с.

Castles, S., de Haas, H., Miller, M.J. (2022). *Century of Migration: International Movement of Population in the Modern World*. Moscow. “Delo” Publishing House RANEPА. 512 p. (In Russ.).

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 384 с.

Collier, P. (2017). *Exodus: How Migration Changes Our World*. Moscow. Gaidar Institute Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Короткова Е.В. Эскалация конфликта между иммигрантами и принимающим обществом в Германии в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (COVID-19: вторая волна), июнь. С. 93–102.

Korotkova, E.V. (2021). Escalation of the conflict between immigrants and host society in Germany during the pandemic COVID-19. *Scientific Review. Series 2. Humanities*. No. 3 (COVID-19: second wave), June. P. 93–102. (In Russ.).

Московичи С. От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83–96.

Moscovici, S. (1992). From collective perceptions – to social ones. *Voprosy Sotsiologii*. T. 1. No. 2. Pp. 83–96. (In Russ.).

Тёрнер Ф. Дж. Фронтр в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
Turner F.J. (2009). *Frontier in American History*. Moscow. All the World. 304 p. (In Russ.).

Шустов А.В. Миграция и конфликты в России в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (COVID-19: вторая волна), июнь. С. 103–115.

Shustov, A.V. (2021). Migration and conflicts in Russia during the COVID-19 pandemic. *Scientific Review. Series 2. Humanities*. No. 3 (COVID-19: second wave), June. С. 103–115. (In Russ.).

Berry, J. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. No. 46 (1). Pp. 5–34.

Brewer M., Campbell D.T. (1976). *Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence*. Sage Publishing, 218 p.

Cohen, R. (2008). *Global Diasporas: An Introduction*. Taylor & Francis Group: London and New York. Available at: https://www.researchgate.net/publication/360602452_Global_Diasporas_An_Introduction/

DiCarlo Lisa. (2008). *Migrating to America: Transnational Social Networks and Regional Identity among Turkish Migrants*. I.B. Tauris, 200p.

Hennebry, Jenna, Margaret Walton-Roberts (auth.) (2014). Margaret Walton-Roberts, Jenna Hennebry (eds.) *Territoriality and Migration in the E.U. Neighbourhood: Spilling over the Wall*. Springer Netherlands. 249 p.

Migration and Domestic Space. (2023). Ethnographies of Home in the Making. Ed. by Paolo Boccagni and Sara Bonfanti. Springer. 260 p.

Safran, W. (1991). Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora. A Journal of Transnational Studies*, Vol. 1, No. 1. Pp. 83–99.

The urban-industrial frontier. (1969). Essays on Social Trends and Institutional Goals in Modern Communities. Ed. by David Popenoe. Rutgers University Press. 189 p.

Wright, Sue. (2020). Migration, Linguistics and Sociolinguistics. *The SAGE Handbook of International Migration*. Edited by Christine Inglis with Wei Li and Binod Khadria. SAGE Publications. Pp. 142–158.

Статья поступила 04.08.2023

Статья принята к публикации 08.08.2023

Для цитирования: Донских О.А., Думнова Э.М. Социокультурный фронтир российского общества в условиях современной международной миграции // ЭКО. № 11. С. 131–147. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-131-147

Информация об авторах

Донских Олег Альбертович (Новосибирск) – доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia). Новосибирский государственный университет экономики и управления; Новосибирский технический университет.

E-mail: oleg.donskikh@gmail.com

Думнова Эльнара Михайловна (Новосибирск) – доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления.

E-mail: dumnova79@yandex.ru

Summary

O.A. Donskikh, E.M. Dumnova

The Socio-cultural Frontier of Russian Society in the Context of Contemporary International Migration

Abstract. The process of international migration has now acquired new qualitative characteristics of a multidimensional social phenomenon, which determines the need for new approaches to its analysis. The paper introduces the concept of sociocultural frontier, which allows us to study the social consequences of the migration process from a new angle. The reasons for the formation of the sociocultural frontier are revealed, as well as the main problems characteristic of the regions that are the centers of its emergence, on the example of the Novosibirsk Oblast.

Keywords: migration; migration processes; frontier; sociocultural frontier; diaspora; transmigrants; unskilled labor migrants

For citation: Donskikh, O.A., Dumnova, E.M. (2023). Sociocultural frontier of Russian society in the conditions of the modern international migration. *ECO*. No. 11. Pp. 131–147. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-131-147

Information about the authors

Donskikh, Oleg Albertovich (Novosibirsk) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, PhD (Monash, Australia), Head of the Department of Philosophy at Novosibirsk State University of Economics and Management, Professor at Novosibirsk Technical University.

E-mail: oleg.donskikh@gmail.com

Dumnova, Elnara Mikhailovna (Novosibirsk) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.

E-mail: dumnova79@yandex.ru

А.В. Макаров, Ю.Ю. Пономарев

Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты¹

УДК 330.341, 32.019.5

Аннотация. Согласно актуальным результатам Барометра доверия Edelman, во многих странах мира, включая Россию, складывается определенный кризис доверия, что становится серьезным препятствием для их социально-экономического развития. В статье рассматриваются вопросы неоднозначной динамики уровня доверия, анализируются тенденции и возможные взаимосвязи этого уровня с различными характеристиками развития стран, а также сложившимися ценностями (по методологиям Хофстеде, Инглхарта). На основе сравнения результатов Барометра доверия и российских социологических исследований показаны ключевые проблемы в сфере учета роли доверия, в том числе проблема разграничения «оправданного» и «наивного» доверия. В России проблема низкого доверия отчасти связана с динамикой развития ценностей модернизации, что требует дополнительных усилий по развитию гражданского общества.

Ключевые слова: доверие; социальный капитал; ценности; модернизация; качество государственного управления

Введение

Успешное социально-экономическое развитие государства в экономических исследованиях все чаще связывают не с классическими факторами производства (труд, капитал), но с нематериальными, институциональными факторами, которые довольно сложно измерить, хотя именно они в конце концов определяют эффективность взаимодействия граждан, бизнеса и государства. Среди таких факторов выделяется доверие [Фукуяма, 2004; Algan, Cahuc, 2010; Humphrey, Schmitz, 1996].

Доверие можно охарактеризовать как ситуацию, когда в условиях нехватки информации и неопределенности люди подвергают себя риску отрицательного поведения со стороны других участников, потому что есть основания полагать,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

что последние не воспользуются предоставленной им возможностью [Локке, 2005].

При низком уровне доверия могут возрастать транзакционные издержки, ущерб от оппортунистического поведения. Напротив, в ситуации высокого уровня доверия формируется социальный капитал, который предопределяет эффективность коллективных действий людей, компаний и институтов [Фукуяма, 2004; Татарко, Лебедева, 2009].

ОЭСР определяет социальный капитал как сети с общими нормами, ценностями и взаимопониманием, которые способствуют сотрудничеству внутри групп и между ними [OECD, 2001]. Особенно высока роль доверия в переходных экономиках, когда новые правовые механизмы еще не укоренены [Humphrey, Schmitz, 1996].

По некоторым оценкам [Hamilton et al., 2016], в странах с низким уровнем доверия (например, Ливан, Иордания, Турция) его вклад в общее суммарное благосостояние мог быть около 5% (2010 г.)², тогда как в странах с высоким уровнем доверия (Швеция, Дания) мог превышать 50%; для стран ОЭСР в среднем он оценивался в 28%. Согласно оценкам Algan, Cahuc (2010 г.), в России прирост ВВП на душу населения при максимальном уровне доверия (за таковой был принят уровень Швеции) мог бы достичь 69%³.

Доверие во многом определяется довольно стабильными факторами – воспитание в семье, сложившиеся моральные нормы [Humphrey, Schmitz, 1996], считается, что ценности человека с трудом меняются после возраста социализации (18–25 лет). Но мировой опыт показывает, что относительно быстрое укрепление доверия в обществе возможно и при целенаправленных

² В статье в национальном богатстве выделены четыре фактора (производственный капитал, человеческий, социальный, природный), в большинстве стран наибольший вклад приходился на человеческий капитал, далее на социальный.

³ Статья предполагает, что оценить уровень доверия можно на основе данных о мигрантах, для которых характерен уровень доверия, свойственный их стране рождения, доверие зависит от унаследованного доверия прошлых поколений. В статье показано изменение дохода на душу населения в период 2000–2003 гг., которое страны могли бы ожидать, если бы уровень унаследованного доверия в стране был таким же, как доверие, унаследованное в Швеции.

усилиях государства⁴. В российской истории тоже были примеры успешных преобразований, основанных на идеях доверия и кооперации, например, земская реформа Александра II [Аузан, Никишина, 2021]. Экономический успех Германии, Японии во второй половине XX века также во многом объясняют усилиями по созданию атмосферы доверия. Другой интересный исторический пример – внедрение Кодекса Наполеона в завоеванных им странах Европы привело к росту уровня доверия, за счет появления гарантий равенства перед судом, защиты прав собственности.

Таким образом, возникает оптимистическая теория модернизации, которая дает надежду, что в мире будут успешно развиваться страны, основанные на принципах доверия, кооперации и гражданского общества [Инглхарт, Вельцель, 2011; Фукуяма, 2004].

Однако мировой Барометр доверия Edelman⁵ показывает, что в данной сфере складываются противоречивые тенденции, в частности, во многих развитых «демократических» странах отмечается определенный кризис доверия, что требует дополнительного анализа теории и практики формирования этого феномена. В статье комплексно рассматривается возможный кризис доверия, как с точки зрения подходов к его измерению, так и взаимосвязей доверия и иных характеристик общественного развития, в том числе сложившихся ценностей и институциональных характеристик.

Барометр доверия Edelman – основные результаты

Барометр доверия Edelman приобрел широкую известность в мире как источник информации об уровне доверия. Последний отображен на основе опросов граждан о доверии к различным институтам. Например, в 2021 г. были опрошены более 33 тыс. граждан в 28 странах. Единый индекс доверия построен как среднее значение доверия к четырем институтам – государству,

⁴ См. Доверие в пяти ракурсах. Материалы научного семинара «Реалистичное моделирование». Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 [Эл. ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/SA92Q3DMC6jIXDA2fs3nknurwMSYdH9E.pdf>

⁵ Edelman trust barometer [Эл. ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/research/2019-edelman-trust-barometer>

бизнесу, СМИ и общественных организаций (НКО). Согласно этому исследованию, в период 2018–2021 гг. Россия заняла последнее место среди рассматриваемых стран по единому индексу доверия и его отдельным компонентам. В 2021 г. сводный показатель доверия для нашей страны составил 31 балл (при 56 в среднем по выборке).

Таблица 1. Уровень доверия в мире и в России в 2018–2021 гг., баллы

Показатель	2018		2019		2020		2021	
	в России	в мире	в России	в мире	в России	в мире	в России	в мире
Единый индекс доверия	36 (последнее место)	49 среднее 74 макс.	29 (последнее место)	52 среднее 79 макс.	30 (последнее место)	54 среднее 82 макс.	31 (последнее место)	56 среднее 77 макс.
Доверие к НКО	25 (последнее место)	54 среднее 71 макс.	23 (последнее место)	56 среднее 74 макс.	25 (последнее место)	58 среднее 80 макс.	25 (последнее место)	57 среднее 78 макс.
Доверие к бизнесу	41 (25 место)	53 среднее 78 макс.	34 (последнее место)	56 среднее 80 макс.	35 (последнее место)	58 среднее 82 макс.	34 (последнее место)	61 среднее 82 макс.
Доверие к государству	44 (13 место)	44 среднее 84 макс.	34 (20 место)	47 среднее 86 макс.	33 (25 место)	49 среднее 90 макс.	34 (24 место)	53 среднее 82 макс.
Доверие к СМИ	35 (20 место)	44 среднее 71 макс.	26 (последнее место)	47 среднее 76 макс.	28 (последнее место)	49 среднее 80 макс.	29 (последнее место)	51 среднее 72 макс.

Источник. Составлено на основе Edelman trust barometer.

Особое внимание вызывает фиксируемый разрыв уровня доверия у информированной публики (среднего класса)⁶ и «обычных» респондентов. В мире традиционно доверие формируется в первую очередь в информированной среде – так, в 2021 г. единый индекс доверия составил в этой категории 68% против 52% в остальной части выборки. Россия тут не стала исключением, хотя и заняла последние места по обеим группам респондентов – 41% и 28% соответственно. Но если в 2019 г. во всем мире 49% граждан (63% среди высокоинформированных) ожидали улучшения жизни своей семьи в течение ближайших пяти лет, то Россия тогда

⁶ К таким гражданам относили тех, кто отвечает критериям с точки зрения образования, доходов, включенности в потребление продукции СМИ и т.д. – около 17% населения (2021 г.).

оказалась единственной страной, в которой более обеспеченные и образованные люди оказались пессимистичнее настроены, чем обычные респонденты (39% и 38% соответственно).

Но стоит отметить также другую принципиальную тенденцию. Теоретически можно было бы ожидать, что наибольший уровень доверия (и в целом, и к рациональному (в духе М. Вебера) государству, свободным СМИ, социально ответственному бизнесу и т.д.) должны демонстрировать страны, которые считаются наиболее модернизированными и демократическими. Однако согласно данным барометра многие из них как раз оказались аутсайдерами с точки зрения уровня доверия (Япония, Великобритания, США, Франция). Из западных стран самый высокий показатель доверия демонстрировали Нидерланды (единый индекс 63%). И наоборот, лидерами рейтинга все чаще становились восточные и авторитарные страны, которые в целом считаются далекими от «идеалов модернизации» (Китай – 72%, Саудовская Аравия, Сингапур, ОАЭ).

Этот парадокс требует дальнейшего исследования, в том числе на уровне практики отдельных стран. Сами же составители Барометра отмечают наметившийся кризис демократического развития стран первого мира, приводящий к разочарованию и падению уровня доверия в обществе, объясняя его целым комплексом причин (эффекты пандемии COVID-19 и ковидных ограничений, ангажированность многих СМИ, увеличение экономического неравенства, сопровождаемое ростом отчуждения малообеспеченных граждан).

Действительно, многие тенденции, которые складываются в демократических западных странах (чрезмерное бюрократическое регулирование, деградация свободы слова, нередко – вмешательство в личную жизнь граждан, усилившееся в период пандемийных ограничений, и пр.), свидетельствуют о фактическом отступлении от демократических принципов. Разрыв между «словом» и «делом» приводит к кризису доверия.

Альтернативное объяснение состоит в том, что в демократическом государстве в принципе не следует ожидать столь же высокого уровня доверия, как в авторитарных странах, где формируются чрезмерные наивные упования в условиях коллективистских традиций. Сторонники этой точки зрения говорят о необходимости разграничивать феномены «подлинного»

доверия (которое обусловлено эффективностью демократической кооперации) и доверия «наивного» (поддерживаемого авторитарным давлением).

В 2023 г. составители Барометра не включили в него данные по России. При этом тенденции, обозначившиеся в мире прошлые годы, сохранились. В частности, отмечается растущая поляризация (отсутствие согласия по ключевым вопросам) во многих развитых странах (особенно ярко – в США⁷, Испании), притом, что респонденты из восточных стран, напротив, отмечают сплоченность. Среди причин поляризации выделяется отсутствие общей идентичности, недоверие к правительству и СМИ, ощущение социальной несправедливости.

Поляризация приводит к проблемам коммуникации. Так, только 30% респондентов международного опроса выразили готовность помогать человеку с другим мировоззрением, 20% – готовность работать или жить вместе. И вновь в Барометре 2023 г. более высокий уровень доверия к государству продемонстрировали восточные страны (Китай – 89%, ОАЭ – 86%, Саудовская Аравия – 83%), из западных стран лучшие результаты у Швеции (57%)⁸, Канады и Нидерландов (51%). Швеция стала также единственной западной страной, наравне с Сингапуром, Саудовской Аравией, ОАЭ, Китаем, где доверие к государству превысило доверие к бизнесу, хотя в целом по миру разрыв составил 12% в обратную сторону. То есть бизнес в некотором смысле становится все более уважаемым институтом и «оттягивает» на себя доверие общества от государства, особенно это стало характерно для Латинской Америки (Аргентина и Колумбия – разрыв в примерно в 30%).

Проблемы измерения уровня доверия и социологических опросов

При анализе уровня доверия в странах следует с осторожностью интерпретировать доступные данные. Речь идет

⁷ США стали ярким примером поляризации – если демократы доверяли государству с уровнем в 61%, то только 26% республиканцев заявили о доверии. Таким образом, трампиский раскол в США, видимо, действительно оказался фундаментальным для динамики уровня доверия.

⁸ Хотя и в Швеции был получен низкий результат с точки зрения доверия к СМИ (41%).

не только о классических проблемах искажения статистики (в том числе получаемой опросным методом), но и о том, что само по себе доверие к тому или иному институту (государству, СМИ, бизнесу) необязательно означает эффективность взаимодействия.

В рамках оценки государственной политики доверие может быть изначально завышенным и потом «обманутым» (например, высокая поддержка в период правления отмечается для многих автократов). И наоборот, позитивные реформы не всегда сразу получают должное общественное признание (вспомним трагическую судьбу того же Александра II Освободителя, которого ждало шесть покушений).

Отдельная проблема связана с выбором методики измерения уровня доверия в обществе. Можно выделить разные подходы.

1. *Прямые опросы о доверии.* Здесь очень важны точность формулировок и качество их восприятия. На межличностном уровне вопрос может звучать так: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?». Или: «Как Вы считаете, в какой мере люди имеют хорошие намерения (от 1 до 10)?» [Falk et al., 2018]. Но при оценке социального капитала требуется более глубокий анализ феномена доверия; в частности, важны уровень доверия (допускаемая степень взаимодействия, откровенности) и его радиус (доверие к людям других социальных групп, национальностей и т.д.).

Кроме того, в опросах зачастую подразумевается отношение к «незнакомцу» (не ближайшему окружению), но понимание респондентами вопроса может быть различным, например, в Китае респонденты могут иметь в виду социально близкое «большинство людей», а не любых незнакомцев [Delhey, Newton, 2005]. Когда в обществе много различных социальных групп, это может приводить к росту сотрудничества между ними, но в ответ на рост диверсификации может расти и стремление отделиться, закрыться в рамках своей социальной группы. Возникает феномен селективного доверия [Humphrey, Schmitz, 1996]. По оценкам World Values Survey, в мире ухудшается ситуация с межличностным доверием – доля населения

мира, считающего, что «большинству людей можно доверять», сократилась на 20% за 15 лет⁹.

Аналогичные проблемы возникают при опросах о доверии к разным институтам, органам власти и пр. Так же путем опросов часто оценивается склонность руководствоваться социальными нормами [Putnam, 1995], например, респондентов могут спрашивать, в какой мере они считают оправданными различные действия, которые нарушают эти нормы (присвоение найденных денежных средств, неуплата налогов и пр.).

2. *Оценка социальных связей.* Доверие может быть измерено не через отношение респондентов, но через их поведение, тогда анализируются включение граждан в социальное взаимодействие (набор горизонтальных контактов, участие в собраниях, клубах, ассоциациях, в том числе оцениваются тиражи СМИ). Такие оценки также могут вызывать смещение, например, потому, что простое членство в той или иной ассоциации или группе еще не говорит о степени силы социальных связей и о доверии за их пределами (вне узкой группы).

3. *Эксперимент.* Иногда исследователи экспериментально оценивают, в какой мере соблюдаются социальные нормы – например, с какой вероятностью случайные прохожие возвращают специально потерянный кошелек. Однако эксперименты все же очень ограничены в форматах и скорее могут измерять именно межличностное доверие, но не доверие к институтам.

В России и в ряде иных стран в последние годы проблема надежности социологических опросов (которые являются ключевым методом оценки доверия) обострилась.

Во-первых, весьма распространена проблема недобросовестности интервьюеров, которые часто поставлены в очень жесткие сроки с учетом необходимости опроса разных социальных групп, что может приводить к фальсификации документов [Рогозин, 2015].

Во-вторых, повсеместно отмечается тенденция падения доли людей, готовых принимать участие в опросах. Все чаще удается опросить не более 5–7% респондентов¹⁰. В проведенном

⁹ The link between trust and economic prosperity [Эл. ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/connecting-trust-and-economic-growth.html>

¹⁰ Общественное мнение, или Власть цифр [Эл. ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2020/03/09/ps_judin/

Левада-Центром эксперименте¹¹ уровень достижимости респондентов достиг 30%, при этом для молодежи только 22–24%. Практика показывает, что активнее прочих принимают участие в опросах люди, имеющие больше свободного времени (а значит – особые характеристики), например, пенсионеры, безработные и пр., что искажает результаты.

В-третьих, все большую роль может играть стремление респондентов дать социально одобряемый ответ. Работает так называемая спираль молчания (ее концепцию в 1960-е гг. предложила немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман)¹². Ее суть заключается в том, что люди (особенно в авторитарном обществе) не хотят выражать то мнение, которое они считают маргинальным, поскольку не желают противоречить большинству. В результате в рамках социологических опросов все чаще граждане демонстрируют единое мнение, а голос меньшинства почти не слышен, хотя такое меньшинство может на самом деле занимать существенную долю в обществе.

Некоторые социологи (в частности, Л. Гудков, научный руководитель Левада-центра¹³, Б. Кагарлицкий¹⁴ и др.) характеризовали российское общество как крайне деполитизированное, атомизированное, не включенное в дискуссии по политическим и социальным проблемам. В случае, когда подавляющее большинство респондентов практически не идентифицирует себя с общественными проблемами и процессами, опросы становятся слабым инструментом описания общественного мнения, которое фактически не формируется должным образом.

Взаимосвязь уровня доверия с другими показателями развития и ценностями

При обсуждении проблемы доверия возникает вопрос о некоторых консенсусных теоретических представлениях. Так,

¹¹ Готовность участвовать в опросах: результаты эксперимента [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/06/14/gotovnost-uchastvovat-v-oprosah-rezultaty-eksperimenta/> (признанный иностранным агентом)

¹² Спираль молчания: почему мы говорим не то, что думаем [Эл. ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63da2cdb9a7947dc6ecc9c08>

¹³ Признан иностранным агентом.

¹⁴ Признан иностранным агентом.

обычно подчеркивается, что социальное неравенство негативно влияет на межличностное доверие (например, в рамках Барометра в США уровень доверия для бедных был ниже на 23%, чем для обеспеченных граждан), а образование, напротив, может оказывать позитивное влияние, поскольку укрепляет социальные связи и культуру кооперации [Falk et al., 2018].

Ряд общих закономерностей такого рода, выявленных при помощи корреляционного анализа, показан в таблице 2, хотя мы не претендуем на полное объяснение зависимостей.

Таблица 2. Межстрановая корреляция уровня доверия и отдельных социально-экономических показателей

Показатель	Уровень неравенства (индекс Джини)	Охват высшим образованием ¹
Уровень доверия в 2021 г. для:		
сводный индекс доверия	-0,11	-0,53
бизнес	0,17	-0,71
НКО	0,21	-0,62
государство	-0,51	-0,19
медиа	-0,09	-0,51

Источник табл. 2, 3, 4. Составлено авторами на основе данных Edelman trust barometer и Всемирного банка. Данные Всемирного банка. Индекс Джини [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>. Последние доступные данные; Данные Share of the population with tertiary education, 2020 [Эл. ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/share-of-the-population-with-completed-tertiary-education>; В 2021 г. в выборку анализа доверия вошли 27 стран – Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Ирландия, Испания, Италия, Канада Кения, Китай, Колумбия, Малайзия, Мексика, Нидерланды, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Сингапур, США, Таиланд, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Примечание. В этой таблице и далее полужирным шрифтом выделена корреляция выше 0,4.

Можно видеть, что достаточно высокая корреляция (-0,51) отмечена между индексом Джини и доверием к государству: для стран с высоким неравенством характерен низкий уровень доверия к власти, что в целом подтверждает теоретические представления. Однако доступ к высшему образованию тоже «подрывает» уровень доверия, и этот вывод не согласуется

с теоретическими представлениями. Здесь как раз причина может быть связана с тем, что высокий уровень образования характерен для западных демократических стран, а именно в них в последние годы наблюдается кризис доверия.

Конечно, проблему доверия необходимо рассматривать в более широком социальном контексте. В частности, значительный интерес представляет связь уровня доверия (в том числе отдельных его компонент) с уровнем благосостояния и качеством государственного управления, с одной стороны, и со сложившимися в обществе ценностями, установками – с другой, поскольку они тоже во многом определяют социальный капитал и перспективы развития.

В таблицах 3 и 4 представлена корреляция уровня доверия (для единого индекса доверия, а также показателя доверия к отдельным институтам), согласно данным Edelman (27 стран в 2021 г., 23 страны в 2011 г.) с показателями:

– ВВП на душу населения по ППС (данные Всемирного банка)¹⁵;

– качеством государственного регулирования (данные Worldwide Governance Index (WGI) Всемирного банка).

Всего использовались 4 индикатора (измеряются от –2,5 до +2,5, чем выше индикатор, тем выше качество государственного управления):

1) право голоса и подотчетность (Voice and Accountability, VAA) – учитываются механизмы обратной связи, демократия и свобода слова;

2) политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence, PS), в том числе с точки зрения преступности, политического насилия;

3) эффективность государственного управления (Government Effectiveness, GE), включая компетентность государственных служащих и их независимость, качество государственных услуг;

4) верховенство закона (Rule of Law, RoL), в том числе независимость суда и органов правопорядка, защита прав собственности, исполнение контрактов.

¹⁵ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>

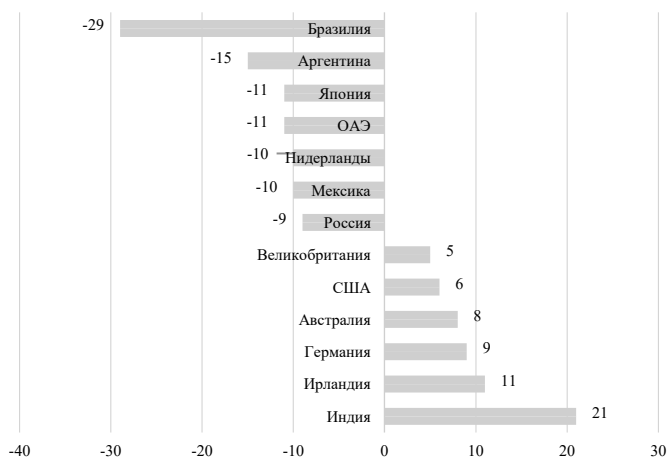
Таблица 3. Межстрановая корреляция уровня доверия и отдельных экономических показателей, индекса качества государственного управления

Показатель	Доверие 2021	Доверие 2011	ВВП/н 2021	ВВП/н 2011	VAA 2021	PS 2021	GE2021	ROL 2021	VAA 2011	PS2011	GE2011	ROL 2011
Доверие 2021	1,00	0,63	-0,04	0,01	-0,41	-0,11	0,11	-0,04	-0,41	-0,17	-0,08	-0,18
Доверие 2011	0,63	1,00	-0,25	-0,10	-0,48	-0,25	-0,21	-0,34	-0,49	-0,19	-0,30	-0,44
ВВП/н 2021	-0,04	-0,25	1,00	0,92	0,30	0,80	0,81	0,77	0,29	0,76	0,77	0,76
ВВП/н 2011	0,01	-0,10	0,92	1,00	0,19	0,76	0,78	0,74	0,18	0,75	0,73	0,71
VAA 2021	-0,41	-0,48	0,30	0,19	1,00	0,59	0,41	0,62	0,98	0,61	0,64	0,72
PS2021	-0,11	-0,25	0,80	0,76	0,59	1,00	0,86	0,88	0,59	0,92	0,90	0,88
GE2021	0,11	-0,21	0,81	0,78	0,41	0,86	1,00	0,94	0,39	0,75	0,92	0,87
RoL 2021	-0,04	-0,34	0,77	0,74	0,62	0,88	0,94	1,00	0,61	0,84	0,95	0,96
VAA 2011	-0,41	-0,49	0,29	0,18	0,98	0,59	0,39	0,61	1,00	0,61	0,65	0,72
PS2011	-0,17	-0,19	0,76	0,75	0,61	0,92	0,75	0,84	0,61	1,00	0,85	0,85
GE2011	-0,08	-0,30	0,77	0,73	0,64	0,90	0,92	0,95	0,65	0,85	1,00	0,95
RoL 2011	-0,18	-0,44	0,76	0,71	0,72	0,88	0,87	0,96	0,72	0,85	0,95	1,00

Таблица 4. Корреляция уровня доверия в отдельных сферах и характеристик развития

Показатель	ВВП/н 2021	VAA 2021	PS2021	GE2021	RoL 2021
Уровень доверия в 2021 г. для:					
бизнес	-0,27	-0,37	-0,34	-0,17	-0,26
НКО	-0,20	-0,31	-0,27	-0,11	-0,19
государство	0,28	-0,36	0,21	0,44	0,24
медиа	-0,11	-0,39	-0,13	0,06	-0,08

Из приведенных данных можно сделать следующие осторожные выводы. С одной стороны, корреляция показателя единого индекса доверия в 2021 г. и 2011 г. оказалась не такой высокой (0,63), что означает подвижность Барометра и возможность страны изменить свою позицию (см. рис.1).

Источник. Расчеты авторов на основе данных Edelman trust barometer.

Рис. 1. Изменение уровня доверия (Единый индекс) в ряде стран за 10 лет (между 2021 и 2011 гг.),%

С другой стороны, показательно отсутствие корреляции единого индекса доверия с ВВП на душу населения (-0,04). Более высокий уровень доверия к государству (умеренная

положительная корреляция $+0,28$) в богатых странах компенсируется более низким уровнем доверия к бизнесу ($-0,27$).

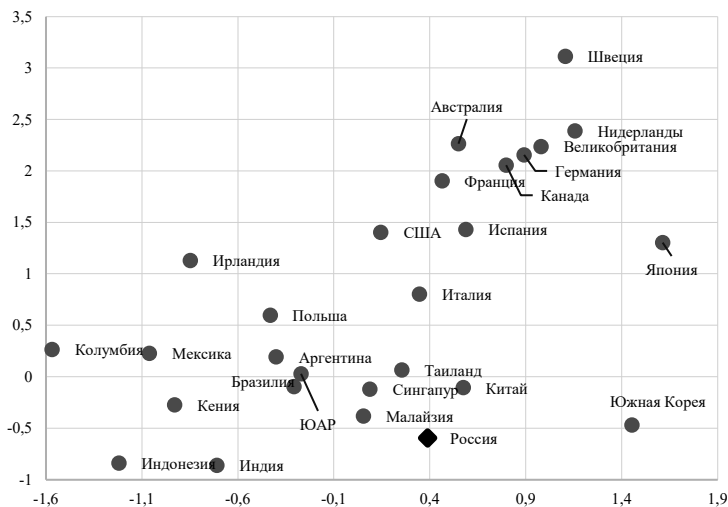
В то же время полученные оценки вновь привлекают внимание к важной проблеме – парадоксу невысокого уровня доверия в ряде развитых стран. Западные демократические страны (которые отличаются, как правило, высокими значениями индекса качества государственного управления) характеризуются более низким уровнем доверия в обществе, особенно это актуально для 2011 г. (четыре отрицательные корреляции). В 2021 г. такая закономерность получена для VAA ($-0,41$). Эта ситуация требует дальнейших исследований о причинах такого парадокса на уровне конкретных стран – связан ли парадокс с объективными негативными процессами, феноменом «наивного» доверия, или смещениями в оценках доверия, в индикаторах Всемирного банка, или с иными причинами.

В то же время парадокс немного смягчается тем, что получена положительная корреляция доверия к государству и индикатора эффективности государственного управления GE ($0,44$), минимальная позитивная связь также подтверждается для доверия к государству с точки зрения индикаторов PS и RoL.

Может ли уровень доверия в стране хотя бы отчасти объясняться сложившимися в обществе ценностями? Вопрос измерения последних является весьма непростым и дискуссионным, существуют разные методики их учета. Для проведения анализа обратимся к получившим широкую известность методикам Хофстеде и Инглхarta (World Values Survey).

World Values Survey [Инглхарт, 2018] представляет собой фундаментальное исследование различных ценностных аспектов развития. Культурная карта мира (рис. 2) отражает распределение стран для двух групп ценностей – традиционных и выживания:

- традиционные ценности (взаимоотношения с семьей, церковью, государством) противопоставляются секулярной рациональности, которая возрастает по оси X;
- 2) ценности выживания (ценятся безопасность, в том числе авторитарного характера, материальные ценности) противопоставляются ценностям самовыражения (ценятся свобода личности, гражданское общество), которые возрастают по оси Y.

Источник. Составлено на основе World Values Survey. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WWSNewsShow.jsp?ID=467>

Рис. 2. Мировая культурная карта 2023

С точки зрения культурной карты Инглхарта Россия близка по своим ценностям к азиатским странам, таким как Китай, Малайзия, Сингапур. При этом по части секулярной рациональности наша страна демонстрирует более высокий уровень, чем, например, Польша или Ирландия.

Широкую известность получила также типология ценностей Г. Хофстеде¹⁶, дополнительно раскрывающая ряд важных аспектов, которые не фигурируют в World Values Survey. В ней было предложено 6 критериев:

1) дистанция власти – чем она выше, тем сильнее власть отчуждена от общества, менее склонна прислушиваться к его мнению, вступать с ним в равноправный диалог. Высокая дистанция отмечена для таких стран, как Малайзия, Россия (93 балла), Мексика, Китай, ОАЭ;

¹⁶ Compare countries. Hofstede-insights [Эл. ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries>

Хотя методика Хофстеде встретила и критику, с учетом акцента на опросы именно работников сферы ИТ, также критики отмечали, что личные ценности человека могут быть далеки от «средних» ценностей страны.

2) индивидуализм. Лидировали по этому критерию США, Австралия, Великобритания. Россия получила низкое значение (39 баллов);

3) мужественность – условное разделение на ценности «мужественности» (нацеленность на соперничество, материальные ценности, успех любой ценой) и «женственности» (акцент на взаимопонимание, сотрудничество людей). «Мужественными» странами считают, например, Японию, Италию, Мексику. Россия (36 баллов) считается относительно более «женственной» страной, как и Швеция, Нидерланды, Таиланд;

4) избегание неопределенности – опора на четкие правила, традиции, избегание риска. Как правило, страны с высокими показателями избегания отличаются также нетерпимостью к другому мнению, высокой агрессией и тревожностью, для них характерен упорный труд в спешке. Россия стала лидером по этому показателю (95 баллов), довольно близко к ней располагаются Польша, Япония, Аргентина, Франция. Наименьшее избегание характерно для таких стран, как Британия, Китай, Швеция, Сингапур;

5) долгосрочность. Имеется в виду ориентация на долгосрочные (стратегические) цели, а не концентрация на текущих процессах. Одно из проявлений этого качества – значимость планирования. Россия (81 балл) относится к долгосрочным странам, как Южная Корея, Япония, Китай, Германия;

6) допущение (индугенция). Показатель того, насколько свободно общество с точки зрения возможности получения удовольствия, счастья, без излишних ограничений социальными, политическими или иными нормами. Лидерами допущения стали Мексика, Колумбия, Швеция, Австралия, Британия. Россия (20 баллов) в числе аутсайдеров, наряду с Саудовской Аравией, ОАЭ, Китаем, Индией.

Профили ряда крупнейших стран по перечисленным критериям представлены в таблице 5.

Представив наглядно, насколько разнообразны могут быть страны с точки зрения набора ценностей и характеристик, для выделения взаимосвязей обратимся к корреляционному анализу. В таблицах 6 и 7 представлены межстрановые корреляции ценностных показателей и индикаторов доверия.

Таблица 5. Ценностные профили некоторых стран

Показатель	Россия	США	Япония	Китай	Бразилия
Доверие 2021	31	48	40	72	51
Дистанция власти	93	40	54	80	69
Индивидуализм	39	91	46	20	38
Мужественность	36	62	95	66	49
Избегание неопределенности	95	46	92	30	76
Долгосрочность	81	26	88	87	44
Допущение	20	68	42	24	59
Секулярность	0,39	0,14	1,61	0,58	-0,31
Самовыражение	-0,60	1,40	1,30	-0,11	-0,10
VAA 2021	-1,10	0,90	0,28	-1,64	1,08
GE 2021	-0,18	1,34	-0,46	0,84	1,40

Источник. Составлено на основе данных Compare countries. Hofstede-insights.

Таблица 6. Корреляции индекса доверия и показателей разных групп ценностей стран

Показатель	Доверие 2021	Доверие 2011	Дистанция власти	Индивидуализм	Мужественность	Избегание	Долгосрочность	Допущение	Секулярность	Самовыражение
Доверие 2021	1,00	0,63	0,33	-0,29	-0,19	-0,60	-0,11	-0,21	-0,29	-0,28
Доверие 2011	0,63	1,00	0,44	-0,56	-0,18	-0,09	-0,04	-0,04	-0,28	-0,38
Дистанция власти	0,33	0,44	1,00	-0,75	-0,01	0,17	0,11	-0,42	-0,38	-0,79
Индивидуализм	-0,29	-0,56	-0,75	1,00	0,02	-0,10	-0,16	0,28	0,39	0,79
Мужественность	-0,19	-0,18	-0,01	0,02	1,00	0,15	-0,09	0,00	-0,22	-0,16
Избегание	-0,60	-0,09	0,17	-0,10	0,15	1,00	0,03	-0,18	0,02	-0,09
Долгосрочность	-0,11	-0,04	0,11	-0,16	-0,09	0,03	1,00	-0,46	0,61	-0,08
Допущение	-0,21	-0,04	-0,42	0,28	0,00	-0,18	-0,46	1,00	-0,21	0,44
Секулярность	-0,29	-0,28	-0,38	0,39	-0,22	0,02	0,61	-0,21	1,00	0,55
Самовыражение	-0,28	-0,38	-0,79	0,79	-0,16	-0,09	-0,08	0,44	0,55	1,00

Источник табл. 6, 7. Расчеты авторов.

Таблица 7. Корреляции уровня доверия к институтам и ценностей стран

Показатель	Дистанция власти	Индивидуализм	Мужественность	Избегание	Долгосрочность	Допущение	Секулярность	Самовыражение
Доверие в 2021 г. для:								
бизнес	0,31	-0,31	-0,11	-0,47	-0,32	0,00	-0,53	-0,34
НКО	0,30	-0,37	-0,04	-0,55	-0,38	0,09	-0,53	-0,39
государство	0,24	-0,11	-0,25	-0,54	0,15	-0,46	0,12	-0,05
медиа	0,31	-0,31	-0,22	-0,58	-0,01	-0,22	-0,22	-0,29

Данные таблиц в целом подтверждают уже отмеченные тенденции. Можно видеть, что доверие становится характерным элементом для авторитарных и развивающихся стран – получена положительная корреляция доверия с дистанцией власти (0,33 и 0,44 для 2011 г.) и отрицательная с индивидуализмом. Негативные корреляции отмечаются также с продвижением по шкалам секулярности и самовыражения Инглхарта (для доверия к государству мы имеем отсутствие положительной связи). Важно отметить, что доверие к государству сильно снижается при росте «Допущения» (-0,46), что говорит о кризисе такого доверия в условно свободолюбивых (демократических) странах.

Проведенные дополнительные расчеты показали корреляцию ВВП на душу населения и сложившихся ценностей. Положительная связь была получена для осей секулярности (0,36) и самовыражения Инглхарта (0,5), для Индивидуализма (0,39), отрицательная для Дистанции власти (-0,43) и Избегания неопределенности (-0,34).

Также таблицы показывают некоторые интересные закономерности соотношения ряда ценностей. Например, «Мужественность» Хофстеде практически не коррелирует с иными ценностями, как и «Избегание», а «Дистанция власти» и «Индивидуализм» в наибольшей степени связаны с продвижением по осям Инглхарта, с разными направлениями влияния.

Подчеркнем, что картина взаимосвязи ценностей является сложной и неоднозначной, методики Хофстеде и Инглхарта не построены на простом противопоставлении традиционализма и модернизации, поэтому страны, близкие в одной категории,

легко оказываются на очень разных позициях по другому направлению. Роль ценностей и ценностной трансформации в становлении и развитии того или иного сообщества – это сложная философская проблема, и, конечно, требует серьезных исследований с учетом анализа социально-экономических и культурных процессов в конкретной стране.

В целом же можно отметить, что на пути модернизации и трансформации ценностей возникает немало ловушек. С одной стороны, во многих странах быстрый экономический рост происходил при росте ценностей самовыражения, сокращении дистанции власти, увеличении горизонта планирования [Аузан, 2012], но для того, чтобы такие ценности могли сформироваться, необходим некоторый базовый уровень доверия и безопасности в обществе [Инглхарт, Вельцель, 2011], в противном случае возникает проблема замкнутого круга препятствий для модернизации. При этом, как показывает опыт последних лет, и демократические страны, которые, как считается, уже прошли модернизацию, могут попасть в ловушку утраты доверия.

Доверие в России: результаты социологических исследований

Рассмотрим результаты российских социологических исследований для сравнения с ранее представленными результатами Барометра доверия.

Согласно опросу ВЦИОМ¹⁷ (июнь 2023 г.), 48% граждан страны согласились, что соотечественники в целом доверяют друг другу (8% – «определенно доверяют» и 40% – «скорее доверяют»), 44% придерживались другой позиции («скорее не доверяют» – 34%, «определенно не доверяют» – 10%). При этом имеют место поколенческие различия, так, среди молодежи 25–34 лет 62% выступили скептиками в отношении доверия (только 2% ответили «определенно доверяют»), тогда как среди граждан старше 60 лет скепсис проявили только 32%.

С точки зрения доверия к бизнесу (особенно к мелкому и среднему) уровень доверия российских граждан постепенно

¹⁷ Нужно доверять друг другу! Или нет? [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-dругу-или-net>

растет: если в 2010 г. бизнесу не доверяли 45% граждан, то в 2017 г. – только 27%¹⁸.

Согласно данным Левада-Центра (2022 г.)¹⁹, высокий процент доверия характерен в России для таких институтов, как президент (до 80% в отдельные годы), армия (в последние годы более 60%), органы государственной безопасности (в последние годы около 50%), правительство, церковь. При этом чем ниже уровень власти, тем настороженнее к нему относятся люди, так местным властям обычно полностью доверяло около 20–30% опрошенных, региональным – 20–40%, правительству – ближе к 30–40%.

То есть в целом российские исследования показывают результаты, близкие к данным Барометра Edelman, за исключением крайне высокого рейтинга президента, который в разные периоды колебался в широком диапазоне от 50 до 90%.

Важная проблема, которая фиксируется в социологических исследованиях, связана с тем, что в России традиционно высоко отчуждение граждан от политических, социальных, гражданских процессов, люди говорят о своей невозможности повлиять на них, и это провоцирует их отказ от участия в них, вплоть до полного отсутствия интереса. Как отмечает социолог Лев Гудков, *«За семью, за детей, за положение на работе люди ответственность чувствуют. В семье – это на уровне 90%. На работе – примерно около 50%, в том числе и те 35–40%, которые считают, что они могут на что-то в своей работе повлиять... Лишь примерно 17–20% полагают, что они могут что-то сделать на уровне своего жилого дома и района. Соответственно, на уровне города – особенно большого – это уже практически исчезающая величина»*²⁰.

В указанном исследовании Левада-Центра наиболее низкий уровень доверия был получен для крупного бизнеса (около 10–20%, что заметно ниже, чем 20–30% для МСП, хотя это тоже невысокий результат), профсоюзов, политических партий, судов (20–30%). Уровень доверия к СМИ колебался в пределах 25–35%.

¹⁸ Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха. ВЦИОМ [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444>.

¹⁹ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/>

²⁰ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/19/za-chto-my-ne-lyubim-ih/>

Таким образом, современные социологические исследования показывают, что в России не сформировалось высокого доверия к базовым гражданским институтам, институтам демократического самоуправления.

Здесь можно напомнить результаты еще одного опроса центра²¹, согласно которому многие годы большая часть респондентов признавала, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до «перестройки». Доля скептиков в отношении «перестройки» долго колебалась в районе 50%, при 40% тех, кто относился к ней в целом положительно (хотя были исключения, например, в 2008 г. соотношение составило 31% против 52%). Это может влиять и на недооценку в массовом сознании гражданских институтов, созданных вследствие «перестройки», а также указывать и на объективные несовершенства этих институтов.

Что касается доверия в личных взаимоотношениях, то в 2020 г. 4% опрошенных россиян заявили, что «практически всегда можно доверять людям», 17% – «обычно можно доверять», 53% полагали, что «обычно осторожность в отношениях с людьми не мешает» и 26% настаивали, что «практически всегда» с людьми надо быть настороже.

Интересные результаты показал и недавний опрос Фонда общественного мнения²², согласно которому только 28% респондентов считают, что людям можно доверять, а 67% (среди молодых – 72%) – что с ними «нужно быть поосторожней». Примечательно, что эти доли мало изменились по сравнению с аналогичным исследованием 2005 г. Другое важное наблюдение: две трети респондентов заявили, что людям, которые окружают их лично, доверять можно, то есть здесь можно говорить о формировании феномена селективного доверия – к ближайшему окружению.

Отвечая на вопрос о тенденциях, 54% опрошенных сказали, что сегодня люди стали меньше доверять друг другу, чем ранее, только 7% считают, что динамика в этом отношении позитивна. Были в этом исследовании ФОМ и вопросы о том, насколько люди готовы к сотрудничеству с незнакомцем в разных форматах. В результате выяснилось, что 62% респондентов готовы дать

²¹ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/>

²² ФОМ [Эл. ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14905>

незнакомцу позвонить со своего телефона, а вот, например, посоветоваться с ним о семейных проблемах готовы были лишь 12%.

Таким образом, российские опросы, как и Барометр доверия Edelman, показывают, что в России существуют проблемы с уровнем доверия, как с точки зрения межличностного взаимодействия, так и с точки зрения доверия к институтам.

Заключение

Эмпирические исследования свидетельствуют, что в России, как и во многих других государствах отмечается определенный дефицит доверия.

Данные Барометра доверия Edelman показывают противоречивую картину: многие западные страны, которые считаются демократическими, прошедшими модернизацию, демонстрируют относительно низкий уровень доверия, высокое доверие все больше становится характеристикой восточных и авторитарных государств. Это, с одной стороны, дает почву для возобновления дискуссии о рисках «заката Европы» в духе О. Шпенглера, а с другой – подводит нас к необходимости более жесткого ограничения «оправданного» (обусловленного эффективностью кооперации и институтов) и «наивного» (навязанного авторитаризмом и коллективизмом) доверия.

Впрочем, статистика подтверждает ряд теоретических предположений. Так, с помощью корреляционного анализа выявлена негативная связь доверия с неравенством в обществе и положительная – с индикаторами эффективности государственного управления, что дает надежду на возможность преодоления кризиса доверия путем повышения эффективности государственной политики. Барометр доверия относительно подвижен, это значит, что ситуация в стране может быть изменена при приложении соответствующих усилий.

В России исследователи фиксируют традиционно низкий уровень доверия к базовым гражданским институтам (от партий и профсоюзов до СМИ и бизнеса). В том числе это может быть связано с тем, что на протяжении жизни многих поколений в нашем обществе развивались ценности поддержки тоталитарной силы, а также неверие в демократические механизмы кооперации. Неверие приводило к частому отказу граждан от проявлений активности и отчуждению от общественной жизни. Дальнейшая деполитизация и аномия усугубили проблему. В результате

сегодня мы видим в России слабые ценности самовыражения и отчасти секулярной рациональности (по Инглхарту), данные Хофстеде показывают для нашей страны очень высокие значения «Дистанции власти» и «Избегания неопределенности», при очень низком «Допущении». Такой набор ценностей может препятствовать дальнейшей модернизации и росту доверия (именно «оправданного», построенного на эффективной кооперации) в рамках развития гражданского общества.

Таким образом, на современном историческом этапе перед Россией не просто стоит задача развития институтов, но возникает более сложный вызов – формирования у граждан доверия к ним, что требует преодоления аномии и отчуждения в обществе. Дальнейшая модернизация страны может быть основана не нескольких принципах. С одной стороны, могут потребоваться больший учет общественного запроса и меры по его формированию. С другой стороны, можно рекомендовать всемерное расширение и масштабирование опыта локальных успешных практик, основанных на доверии.

Например, опыт эффективной кооперации на местном уровне – от небольших профсоюзов до товариществ собственников недвижимости. Этот социальный капитал может быть использован при совершенствовании местного самоуправления. В свою очередь дефицит доверия к СМИ может быть (с определенными оговорками) компенсирован доверием к независимым публицистам, блогерам; для развития политических партий может быть использован социальный капитал доверия к представителям НКО и иным общественным деятелям.

Таким образом, дефицит доверия, по нашему мнению, может быть преодолен в России намного быстрее с учетом опоры на уже сформировавшийся локальный социальный капитал, который пока не имеет институциональной поддержки.

Литература / References

- Аузан А. Заложники недоверия // Отечественные записки. 2012. № 2 (47).
Auzan, A. (2012). Hostages of distrust. *Otechestvennyye zapiski*. No. 2(47). (In Russ).
- Аузан А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ, 2021.
- Auzan, A., Nikishina, E.N. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and economics influences culture: a course of lectures*. Moscow: Jekonomicheskij fakul'tet MGU. (In Russ).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural change, and democracy*. Moscow: Novoye izdatel'stvo. (In Russ.).

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart, R. (2018). *Cultural evolution: how people's motivations are changing and how this is changing the world*. Moscow: Mysl'. (In Russ.).

Локке Р. Формирование доверия. Препринт № WP1/2005/07. МГУ – ВШЭ, 2015.

Lokke, R. (2005). *Trust formation*. Preprint No. WP1/2005/07. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.).

Рогозин Д.М. По(д)делки в «бумажном» поквартирном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 3–35. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.01

Rogozin, D.M. Fabrication in paper-and-pencil door-to-door survey. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 4. Pp. 3–35. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.01

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009.

Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2009). *Social capital: theory and psychological research*. Moscow: RUDN. (In Russ.).

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Fukuyama, F. (2004). *Trust. The social virtues and the creation of prosperity*. Moscow: ООО «Izd-vo AST», ЗАО NPP «Ermak». (In Russ.).

Algan, Y., Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*. Vol. 100. No. 5. Pp. 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060

Delhey, J., Newton, K. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: global pattern or nordic exceptionalism? *European Sociological Review*. Vol. 21. Pp. 311–27. DOI: 10.1093/esr/jci022

Falk, A., Becker, A., Dohmen, T., Enke, B., Huffman, D., Sunde, U. (2018). Global evidence on economic preferences. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. Pp. 1645–1692. DOI: 10.1093/qje/qjy013

Hamilton, K., Helliwell, J.F., Woolcock, M. (2016). *Social capital, trust and well-being in the evaluation of wealth*. Policy research working paper, n. 7707. World Bank.

Humphrey, J., Schmitz, H. (1996). *Trust and economic development*. Discussion Paper 355. Brighton, UK: Institute of Development Studies.

OECD (2001). *The Well-being of nations: the role of human and social capital, education and skills*. Paris, France: Organisation for Economic Cooperation and Development.

Putnam, R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of democracy*. Vol. 6. No. 1. Pp. 65–78.

Статья поступила 27.06.2023

Статья принята к публикации 11.09.2023

Для цитирования: Макаров А.В., Пономарев Ю.Ю. Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты // ЭКО. 2023. № 11. С. 148–172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-148-172

Информация об авторах

Макаров Андрей Владимирович (Москва) – кандидат экономических наук. Институт прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС; Департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ.
E-mail: andreymakarovh@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2268–0011

Пonomarev Юрий Юрьевич (Москва) – кандидат экономических наук. Институт прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС.
E-mail: ponomarev@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–1188–9293

Summary

A.V. Makarov, Yu.Yu. Ponomarev

Crisis of Trust: Problems of Measurement, Public Values and Other Factors

Abstract. According to the current results of the Edelman Trust Barometer, many countries of the world, including Russia, are experiencing a certain crisis of trust, which becomes a serious obstacle to their socio-economic development. The paper considers the issues of ambiguous dynamics of the level of trust, analyzes the trends and possible interrelations of this level with various characteristics of the countries' development, as well as the established values (according to the methodologies of Hofstede, Inglehart). Based on the comparison of the results of the Trust Barometer and Russian sociological studies, the key problems in the sphere of taking into account the role of trust are shown, including the problem of distinguishing between “justified” and “naive” trust. In Russia, the problem of low trust is partly related to the dynamics of modernization values, which requires additional efforts to develop civil society.

Keywords: *trust; social capital; values; modernization; quality of public administration*

For citation: Makarov, A.V., Ponomarev, Yu. Yu. (2023). Crisis of Trust: Problems of Measurement, Public Values and Other Factors. *ECO*. No. 11. Pp.148–172. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-148-172

Information about the authors

Makarov, Andrey Vladimirovich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: andreymakarovh@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2268–0011

Ponomarev, Yuriy Yurevich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
E-mail: ponomarev@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–1188–9293

Л.П. Королева

О взаимодействии государства и банков в борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма¹

УДК 338.246.025.2; 336.71.078.3

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия Росфинмониторинга и кредитных организаций в сфере противодействия отмыванию криминальных доходов и финансированию терроризма, обусловленные как проблемами и недостатками законодательства, так и отсутствием должной мотивации у банков. Механизм взаимодействия исследован в разрезе нескольких составляющих: информирование об операциях, подлежащих обязательному контролю, подозрительных операциях (деятельности), о принятых мерах противодействия; предоставление информации по запросам; инициативное взаимодействие. Дана критическая оценка действующих законодательных и организационных основ взаимодействия в контексте международных рекомендаций, российской правоприменительной практики и передового зарубежного опыта. Разработаны предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: финансовый мониторинг; обязательный контроль; факультативный финансовый мониторинг; подозрительные операции; подозрительная деятельность; формализованное электронное сообщение; идентификация клиента; выгодоприобретатель; бенефициарный владелец

Противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) имеет высокую значимость для национальной и глобальной безопасности, и в России, как и во многих других странах, реализуется посредством специфических экономико-правовых механизмов. Эффективное противодействие позволяет не просто предотвратить введение преступных денег в легальный оборот, но и способствует сокращению предикатных преступлений, а также предотвращению глобальных угроз человечества – терроризма и распространения оружия массового уничтожения. В данную деятельность вовлечены многочисленные субъекты государственного и частного сектора на международном и национальном

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

уровнях, активно использующие информационно-аналитические инструменты финансовых расследований. Далеко не всегда это происходит эффективно. В связи с этим высокую актуальность имеют вопросы совершенствования взаимодействия субъектов, входящих в национальную систему ПОД/ФТ, и уполномоченного органа – Федеральной службы финансового мониторинга РФ (Росфинмониторинга).

Среди субъектов частного сектора экономики наибольшее количество сообщений в Росфинмониторинг направляют кредитные организации, призванные осуществлять противодействие на первой линии защиты, именно они чаще других становятся инструментом отмывания денег. Отметим, что банки реализуют некоторые контрольные функции и в других областях (кассовая дисциплина, уплата налогов и др.), но только в сфере отмывания доходов они сами оказываются подвержены рискам вовлечения в преступную деятельность, часто не ведая того [Mathuva et al., 2020]. То есть их участие в противодействии отмыванию доходов не просто навязано извне, а в некоторой степени направлено на обеспечение собственной безопасности [Tiemann, 2023].

Исследования зарубежных ученых выделяют ключевые факторы эффективности ПОД/ФТ на уровне кредитных организаций: это технологии, правовая база, доход и этические правила [Parathi Tasan et al., 2023], осведомленность сотрудников и клиентов [Jaara, Kadomi, 2017], а также их компетентность [Biswakarma, Bhusal, 2023] и взаимодействие с уполномоченным органом [Kurniawan, 2023].

В России, по результатам эмпирических исследований, также отмечается ведущая роль банковского сектора в исполнении противозаконных мероприятий, но при этом зачастую – недостаточное понимание его требований и самой необходимости; для большинства банков основной мотивацией выполнения «антиотмывочного» законодательства служит страх наказания [Танющева, 2012], тем более что в последнее десятилетие Банк России активно отзывает лицензии в связи с его нарушением [Трушанина, 2023. С. 8]. Однако сложности в выявлении подозрительных операций приводят к формальному соблюдению норм, а иногда – к блокировкам операций добросовестных клиентов [Урусов, 2020] и, как следствие, к росту судебных разбирательств

по поводу неправомерного применения «отказных» мер [Алексеева, 2020].

В научной среде тема участия кредитных организаций в ПОД/ФТ является предметом дискуссий. Некоторые авторы считают, что банкам навязываются излишние обязанности, которые создают высокую административную нагрузку, снижая экономическую эффективность их деятельности [Лебедева, Гладкова, 2016]. Оценка законопослушности клиентов не относится к их функциям и вовлекает в реализацию контрольных полномочий, что является причиной формального выполнения требований законодательства [Геревенко, Каминская, 2022]. Противоположное мнение аргументируется значимостью соблюдения «антиотмывочных» норм для самих банков, поскольку это позволяет минимизировать для них риски вовлеченности в преступные схемы ОД/ФТ и избежать связанных с этим финансовых потерь [Ревенков, Воронин, 2011; Шаманина, 2014]. Однако некоторые исследователи признают, что противоречивость критериев оценки правомерности финансовых сделок (операций) и оснований принятия «отказных» решений нередко вынуждает кредитные организации принимать ограничительные меры, наносящие ущерб клиентам и им самим [Чайкина и др., 2019].

Исследования проблем взаимодействия субъектов частного сектора и уполномоченного органа в сфере ПОД/ФТ довольно малочисленны и касаются в основном зарубежного опыта [Авдийский и др., 2020; Гребенкина, 2023] применения в этих целях цифровых технологий [Прасолов, Фешина, 2020]. В одной из работ отмечается, что двойственность надзора в финансовой сфере приводит к отсутствию у Росфинмониторинга необходимой и актуальной информации, замысловатости траектории ее поступления, отсутствию заинтересованности кредитных организаций в передаче сообщений [Романова, Винокуров, 2017].

Между тем выстраивание эффективного механизма взаимодействия кредитных организаций и Росфинмониторинга является обязательным условием ПОД/ФТ. Задача данного исследования – на основе анализа действующих экономико-правовых механизмов выявить проблемы в таком взаимодействии и разработать меры по его совершенствованию.

Методы и информационная основа исследования

В данной работе действующие законодательные и организационные основы взаимодействия уполномоченного органа и кредитных организаций в сфере ПОД/ФТ рассматриваются и подвергаются критическому анализу в контексте международных рекомендаций ФАТФ, правоприменительной практики в РФ и в сопоставлении с лучшими зарубежными практиками.

Информационной основой исследования послужил Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (далее 115-ФЗ), подзаконные нормативно-правовые акты и информационно-методические материалы Росфинмониторинга и Банка России, судебные решения.

Обязанности кредитных организаций по взаимодействию с Росфинмониторингом установлены статьями 6, 7, 7.2, 7.3 и 7.5 115-ФЗ. Их группировка в зависимости от особенностей экономико-правовых механизмов взаимодействия, а также содержания передаваемой информации, позволила выделить основные составляющие механизма взаимодействия, в разрезе которых проводился наш анализ:

- механизм информирования об операциях, подлежащих обязательному контролю (ОПОК), подозрительных операциях и деятельности, а также о принятых мерах ПОД/ФТ;
- механизм предоставления информации об операциях клиентов и их бенефициарных владельцах, выгодоприобретателях и движении средств по счетам (вкладам) клиентов по запросам Росфинмониторинга;
- механизм инициативного взаимодействия в режиме вопрос-ответ.

Совершенствование механизма информирования о подозрительных операциях

Кредитные организации как субъекты первичного мониторинга информируют Росфинмониторинг об операциях, подлежащих обязательному контролю (ОПОК), и/или подозрительных операциях (СПО), направляя формализованные электронные сообщения (ФЭС). В отчете о взаимной оценке национальной системы ПОД/ФТ/ФРОМУ РФ в 2019 г. был отмечен ряд

проблем взаимодействия посредством таких сообщений². И уже в 2020–2023 гг. были внесены некоторые изменения в законодательство, направленные на устранение выявленных недостатков (таблица). В частности, с 2022 г. были повышены пороговые значения по операциям с денежными средствами (имуществом), подлежащим обязательному контролю, что позволило сократить общее количество направляемых сообщений.

Однако роль обязательного мониторинга в российской национальной системе ПОД/ФТ в последние годы существенно выросла. С 2020 г. по настоящее время утратили силу всего четыре абзаца статьи 6 115-ФЗ, а были введены – 12 абзацев, и обязанности кредитных организаций по информированию Росфинмониторинга увеличились. Так, с 1 октября 2021 г. обязательному контролю подлежат операции некоммерческих организаций (НКО) независимо от их суммы. Кроме того, в состав ОПОК включены переводы денежных средств от плательщика и (или) обслуживающего его банка из иностранных государств, перечень которых утверждается уполномоченным органом. Данные меры приняты для противодействия нежелательной на территории РФ деятельности иностранных или международных неправительственных организаций.

Уже на этапе принятия соответствующего законопроекта Ассоциация российских банков заявляла о существенном повышении затрат кредитных организаций в связи с их исполнением³. Обязательный сплошной контроль всех операций НКО с денежными средствами и (или) иным имуществом (за небольшими исключениями) создает излишнюю административную и материальную нагрузку на кредитные организации и явно избыточен. По операциям НКО целесообразно вернуть ранее применявшийся предел суммы в 100 тыс. руб., а по мониторингу операций на меньшие суммы разработать методические рекомендации с четкими указаниями факторов риска и критериев подозрительности.

² Меры по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма в РФ. Отчёт о взаимной оценке. Декабрь 2019 г. С. 58–61. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/OVO_RF_final_.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

³ Запрос от 19.07.2021 № 03/07. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/104594/269/Q> (дата обращения: 01.08.2023).

Проблемы взаимодействия Росфинмониторинга и кредитных организаций посредством передачи сообщений и меры их регулирования

Проблема	Возможные негативные последствия	Изменения в законодательстве РФ после 2019 г.
1. Низкие пороговые суммы для направления сообщений по ОПОК.	<ul style="list-style-type: none"> - Быстрый рост количества направляемых сообщений, часть из которых не имеют практической полезности; - недостаточное внимание к сообщениям о высокорисковых операциях, которые сложно выявить в их общей массе; - риск человеческого фактора из-за высокой нагрузки и напряженности труда немногочисленных сотрудников кредитных организаций, принимающих решения по анализу сомнительных и подозрительных операций и отправке СПО; - снижение эффективности первичного мониторинга в результате игнорирования специфики деятельности разных кредитных организаций, имеющих у них знаний и сведений о своих клиентах и продуктах; - рост количества случаев прекращения деловых отношений и отказов в осуществлении операций в связи с озабоченностью по поводу ОД/ФТ; - низкое понимание значимости работы по направлению СПО. 	<ul style="list-style-type: none"> - Повышены пороговые суммы по ОПОК⁴; - введена обязанность сообщать о подозрительной деятельности (СПД); - кредитные организации включают в наименование ФЭС указание на предоставление сведений, требующих особого внимания уполномоченного органа, при предоставлении сведений и информации о приостановленных операциях, о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, а также при совершении операций, подлежащих обязательному контролю; - дополнительные сведения (комментарии) при необходимости могут быть указаны в ФЭС отдельно в отношении каждой операции (сделки), меры, по которым представлена информация⁵; - введение платформы Банка России «Знай своего клиента».
2. Отсутствие средств для приоритизации важных сообщений, требующих особого или срочного рассмотрения аналитиками Росфинмониторинга;		
3. Участие человека в процессе принятия решения о направлении СПО сведено к минимуму, акцент на автоматизации процесса.		
4. СПО не содержат углубленного анализа (подробных сведений, оснований для серьезных подозрений и срочного внимания).		
5. Принятие решений по СПО преимущественно на основе признаков и индикаторов риска и типологий, разработанных Росфинмониторингом совместно с Банком России и недостаточное использование специальных, разработанных самостоятельно с учетом особенностей деятельности, признаков, индикаторов риска и типологий.		
6. Недостаточно конкретная обратная связь относительно практической полезности направленных в Росфинмониторинг СПО.		

⁴ Федеральный закон от 14.07.2022 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

⁵ Правила составления кредитными организациями в электронной форме сведений и информации, предусмотренных статьями 7, 7.5 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (утв. Банком России) (ред. от 07.02.2022).

Конфликт интересов кредитных организаций и Росфинмониторинга наблюдается и в сфере автоматизации составления ФЭС. Уполномоченный орган заинтересован в повышении качества информационного потока, что требует сохранения позиций, заполняемых вручную. Банки же, напротив, стремятся максимально автоматизировать процесс заполнения и отправки ФЭС.

Наш анализ показал, что, с одной стороны, ФЭС содержит ряд позиций, сведения по которым вполне могут быть собраны Росфинмониторингом самостоятельно (без участия банков) из доступных ему государственных реестров и баз данных (например, сведения о клиентах, совершающих операции). С другой стороны, в информационной части ФЭС некоторые сведения о подозрительной операции (деятельности) не могут быть заполнены в автоматизированном режиме, так как являются индивидуальными для каждого клиента и/или операции. Особого внимания требуют позиции, по которым необходимо изложить выводы кредитной организации, аргументы и основания, критерии и признаки подозрительных операций: характеристика операции, дополнительная информация о ее участнике (участниках), дополнительные сведения (комментарии). При этом Банк России дает довольно общие рекомендации по содержанию комментариев, указывая, что банк может сам определять значимость этих сведений. Комментарии могут присутствовать в электронном документе, но не являются обязательными⁶.

В марте 2022 г. был введен новый вид сообщений о подозрительной деятельности (СПД), в котором указывается информация сразу о нескольких взаимосвязанных подозрительных операциях и (или) действиях клиента, связанных с проведением каких-либо операций. В данном ФЭС появилась позиция «Описание схемы подозрительной деятельности» (но если она соответствует одному из кодифицированных видов подозрительной деятельности, то может не заполняться).

В связи с отсутствием обязанности и четких рекомендаций кредитные организации довольно формально относятся к заполнению комментариев и описанию схем. На наш взгляд, для

⁶ Правила составления кредитными организациями в электронной форме сведений и информации, предусмотренных статьями 7, 7.5 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (утв. Банком России) (ред. от 07.02.2022).

решения этой проблемы необходимо сделать соответствующие поля ФЭС обязательными и разработать детальные рекомендации по их заполнению. Так, в СПД обязательным к заполнению должно быть поле «Описание схемы подозрительной деятельности». Формирование такого сообщения не может быть полностью автоматизировано и требует проведения ответственными лицами предварительного анализа операций клиентов, результатом которого вполне может стать визуализация схемы, подозрительной с точки зрения банковских специалистов с учетом имеющихся у них данных о специфике деятельности клиентов.

Введение указанной обязанности требует, во-первых, должного разъяснения признаков подозрительной деятельности. В действующих нормативных актах присутствуют только два таковых: множественность и взаимосвязанность подозрительных операций. Необходимо четко разъяснить, что понимается под взаимосвязанностью, какие признаки могут о ней свидетельствовать, какие совокупные размеры операций могут вызывать подозрения и т.п. Во-вторых, необходимо обучение сотрудников кредитных организаций основам составления и описания схем подозрительной деятельности.

Безусловно, обязательность заполнения полей с комментариями и схемой повысит трудоемкость составления СПД. В связи с этим для регулирования административной нагрузки на кредитные организации представляется целесообразным увеличить срок их подготовки с трех до пяти рабочих дней.

Существенные трансакционные издержки у кредитных организаций возникают в связи с применением допустимых 115-ФЗ мер противодействия отмыванию доходов и информированием о них Росфинмониторинга. Их принятие создает конфликтную ситуацию между банками и их клиентами, отношения с которыми регулируются не финансовым, а гражданским законодательством. В силу важности ПОД/ФТ для обеспечения национальной безопасности 115-ФЗ снимает с кредитных организаций ответственность за ряд деяний, недопустимых в гражданских отношениях: отказ от проведения операций, от заключения договора банковского счета, расторжение этого договора в одностороннем порядке, передача в Росфинмониторинг информации, составляющей банковскую тайну. Клиенты часто оспаривают такие

действия в судах, что оборачивается для банков ростом судебных издержек и потерей деловой репутации.

К факторам, обуславливающим неправомерные решения кредитных организаций по принятию мер ПОД/ФТ, можно отнести:

- сложность квалификации необычных операций в качестве подозрительных; с одной стороны, из-за многочисленности признаков и критериев оценки, рекомендованных Банком России, с другой – из-за отсутствия признаков, разработанных самостоятельно кредитной организацией с учетом специфики ее деятельности и операций клиентов;

- отсутствие рекомендованного регулятором перечня документов, которые кредитные организации имеют право требовать от клиентов для подтверждения добросовестности деятельности и правомерности совершаемых операций;

- применение простейшего способа оценки уровня риска клиента, предполагающего отнесение его в группу с высоким риском при наличии одного-двух факторов подозрительности;

- недостаточная компетентность специалистов в сфере ПОД/ФТ, принимающих «отказные» решения, и недостаточно качественная аналитика информации, лежащей в их основе;

- отсутствие единообразия в практике разрешения судебных споров между кредитными организациями и их клиентами, вынесение кардинально противоположных решений в одинаковых, по сути, делах.

В результате даже при малейших сомнениях кредитные организации, опасаясь санкций, предпочитают отказать клиенту. В июле 2022 г. Банк России ввел в действие платформу «Знай своего клиента», позволяющую скорректировать оценки рисков в отношении клиентов – юридических лиц с учетом мнения регулятора, что должно способствовать снижению количества необоснованных отказов и приостановок операций. Однако, на наш взгляд, данной меры недостаточно. Для исключения указанных выше факторов необходим детальный анализ правоприменительной и судебной практики.

Эффективным решением представляется введение процедуры рулинга, позволяющей кредитным организациям при особо крупных размерах сомнительных операций, от проведения которых рассматривается отказ на основании п. 11 ст. 7115-ФЗ, либо при особо крупных размерах оборотов по счету, договор

по обслуживанию которого планируется расторгнуть в соответствии с п. 5.2 ст. 7115-ФЗ, согласовать свои решения с Межведомственной комиссией при Банке России. Это позволит бизнесу и кредитным организациям сократить транзакционные издержки, а государству – перенести нагрузку с судебной системы на этап предварительного (досудебного) рассмотрения. На время проведения процедуры рулинга следует ввести право временного отказа от совершения операций на пять рабочих дней по аналогии со сроком приостановки операций на основании п. 10 ст. 7115-ФЗ.

Совершенствование механизма предоставления информации по запросам

Росфинмониторинг может осуществлять запрос информации в двух режимах: несрочный (с указанием конкретного срока предоставления запрашиваемой информации) и срочный с пометкой «срочно», означающей, что запрашиваемая информация должна быть представлена в течение 6–12 часов рабочего времени с момента получения. В отношении срочных запросов ведомства установлены ограничения по количеству клиентов (не более пяти), деятельности которых касается запрос, содержанию и формам запрашиваемых документов, а также периоду, за который требуется предоставить сведения (не более трех лет, предшествующих дате запроса). В отношении несрочных запросов такой конкретики нет, несмотря на рост их количества. Фактически Росфинмониторинг может затребовать данные на глубину пять лет и более, сразу по нескольким клиентам. При этом срок подготовки документов устанавливается, как правило, не менее пяти рабочих дней. Это требует существенного увеличения трудозатрат персонала в период обработки запросов, и далеко не всегда банки успевают подготовить требуемую информацию в установленный срок.

Кроме того, по срочным и несрочным запросам установлен разный порядок подготовки и передачи ответов. Все запросы Росфинмониторинга независимо от срочности направляются в кредитную организацию в форме электронного сообщения через личный кабинет на официальном сайте ведомства. В ответ на срочный запрос кредитная организация формирует ФЭС и вложения к нему, подписывает его усиленной квалифицированной

электронной подписью и направляет в Росфинмониторинг также через личный кабинет.

Иначе складывается путь ответа на несрочный запрос. Кредитная организация передает электронное сообщение и вложения к нему в территориальное управление Банка России, откуда оно поступает в головной офис ЦБ РФ. Последний накапливает, архивирует и передает сведения в Росфинмониторинг не позднее 18.00 по московскому времени рабочего дня, следующего за днем их получения от своих территориальных управлений. Очевидно, что такое удлинение пути электронного сообщения не только не имеет экономического смысла, но и создает излишнюю нагрузку на участников взаимодействия.

Информация курсирует и в обратном направлении. Так, Росфинмониторинг получает от кредитных организаций и направляет в Банк России информацию об отказах в совершении операций, в заключении договоров банковского счета и расторжении договоров на основании п. 13 и п. 13.1 ст. 7115-ФЗ. Банк России через свои территориальные отделения доводит эту информацию до всех поднадзорных финансовых организаций.

Исключить дублирующие информационные потоки, обеспечив при этом полноту информации и доступ к ней как уполномоченного органа, так и контрольно-надзорного, возможно путем перераспределения полномочий для сокращения маршрутов передачи информации. Так называемый «реестр отказников» вполне может вести сам Росфинмониторинг, доводя эту информацию до ЦБ РФ и всех заинтересованных лиц через личные кабинеты.

Рост административной нагрузки также связан с необходимостью уделять повышенное внимание любым операциям с денежными средствами или иным имуществом, осуществляемым физическими или юридическими лицами, имеющими регистрацию, место жительства или место нахождения в стране, включенной в «черный» список ФАТФ, либо если операции проводятся с использованием счета в банке, зарегистрированном в данных странах (п. 5.5 ст. 7115-ФЗ). Кроме того, Росфинмониторинг может направить в банк требование уделять повышенное внимание операциям определенных клиентов. Однако законодательство не содержит разъяснения термина «повышенное внимание». Для избегания рисков кредитные организации в таком случае

вынуждены направлять ФЭС о каждой операции таких клиентов вне зависимости от степени подозрительности.

Затруднения у кредитных организаций вызывает также обязанность предоставлять по запросу Росфинмониторинга сведения о выгодоприобретателях и бенефициарных владельцах клиентов. Общие требования к их идентификации закреплены в Положении Банка России от 15.10.2015 № 499-П⁷ довольно формально. С одной стороны, пп. 1 п. 1 ст. 7115-ФЗ и п. 1.3, 1.4, 4.1, 4.2 Положения № 499-П устанавливает случаи, когда идентификация выгодоприобретателя не проводится, то есть закрытый перечень исключений. С другой стороны, Банк России разъясняет, что если кредитная организация не располагает сведениями о действиях клиента к выгоде третьего лица, не являющегося непосредственно участником операции, у нее не возникает обязанность по идентификации такого лица в качестве бенефициара. И только при возникновении подозрений о наличии выгодоприобретателя банк обязан запросить у клиента необходимые документы и сведения о таком лице⁸.

Учитывая определение выгодоприобретателя в 115-ФЗ, можно сделать однозначный вывод об обязанности их идентификации при совершении операций на основании агентского договора, договоров поручения, комиссии и доверительного управления, поскольку их специфика позволяет довольно просто определить бенефициара. Однако при совершении операций с денежными средствами и другим имуществом по прочим договорам (например, купли-продажи недвижимости) выявить выгодоприобретателя не представляется возможным. И хотя нормативно-правовые акты обязывают к этому кредитные организации, идентификация бенефициара проводится формально путем опроса (анкетирования) самого клиента.

Для снижения административной нагрузки на кредитные организации по процедуре идентификации выгодоприобретателя возможно установить минимальную сумму операции

⁷ Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П (ред. от 04.04.2023) «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.12.2015 № 39962).

⁸ Письмо ЦБ РФ от 24 февраля 2022 г. № 12–4–2/891.

(например, 100 тыс. руб.), свыше которой необходимо идентифицировать выгодоприобретателя, а также расширить перечень официально установленных исключений.

Более тщательно кредитные организации подходят к идентификации бенефициарных *владельцев*, хотя их обязательства также сформулированы недостаточно конкретно. Так, банки обязаны принимать обоснованные и доступные меры по идентификации физического лица, которое в конечном счете прямо или косвенно владеет (имеет более 25% капитала) компанией-клиентом либо прямо или косвенно контролирует ее действия, в том числе имеет возможность определять принимаемые ею решения.

В информационных письмах Росфинмониторинг разъясняет, что под «обоснованными и доступными» мерами следует понимать порядок действий, разработанный организацией самостоятельно, направленный на выявление и установление необходимых сведений в отношении бенефициарных владельцев⁹. При разработке таких регламентов банки обращаются к стандартам и руководствам ФАТФ¹⁰, а также информационным письмам Росфинмониторинга¹¹, не имеющим силы закона. Решение о признании физического лица бенефициарным владельцем на основе косвенного подхода остается на усмотрение самих банков. Самый простой способ, которым они и пользуются в большинстве случаев, – признать таковым единоличный исполнительный орган клиента (пп. 2 п. 1 ст. 7115-ФЗ).

Между тем в соответствии со ст. 6.1115-ФЗ юридические лица должны располагать информацией о своих бенефициарных владельцах, хранить, обновлять ее, раскрывать в отчетности. Однако ответственность за неисполнение ими данных обязанностей установлена только при непредоставлении соответствующих сведений по запросам контролирующих или налоговых органов (ст. 14.25.1 КоАП РФ). Таким образом, сложилась ситуация

⁹ Письмо Росфинмониторинга от 29.07.2019 № 01–04–05/17015 «О рассмотрении обращения».

¹⁰ Рекомендация 24 «Прозрачность и бенефициарные собственники юридических лиц», Рекомендация 25 «Прозрачность и бенефициарные владельцы юридических образований», а также Руководство ФАТФ прозрачность и бенефициарная собственность, 2014 г. URL: https://cbr.ru/statichtml/file/36805/rukovodstvo_fatf_prozrachnost_i_benefitsiarnaya_sobstvennost.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

¹¹ Информационное письмо Росфинмониторинга от 04.12.2018 № 57 «О методических рекомендациях по установлению сведений о бенефициарных владельцах клиентов».

«глухого» телефона: сведения о бенефициарных владельцах сообщают в уполномоченный орган не сами юридические лица, обязанные достоверно знать их, а кредитные организации, несущие дополнительную нагрузку в связи со сбором данных сведений и административную ответственность за небрежное выполнение этой обязанности. При этом Росфинмониторинг имеет законные основания запросить такие сведения напрямую у юридических лиц.

Учитывая важность релевантной и достоверной информации о бенефициарных владельцах организаций для обеспечения национальной безопасности, можно было бы обязать юридических лиц напрямую направлять эти сведения в уполномоченный орган. Такой порядок применяется в ряде зарубежных стран. Так, в США с 1 января 2020 г. Законом о корпоративной прозрачности введены в действие единые требования по представлению информации о бенефициарных владельцах (beneficial ownership information – BOI) в FinCEN (уполномоченный орган в сфере ПОД/ФТ) определенными типами корпораций, компаниями с ограниченной ответственностью и другими подобными национальными и иностранными организациями, за исключением ряда организационно-правовых форм. FinCEN уполномочен собирать и хранить эту информацию (Beneficial Ownership Secure System – BOSS) и раскрывать ее уполномоченным государственным органам и финансовым учреждениям, соблюдая меры предосторожности и контроля¹².

Совершенствование механизма инициативного взаимодействия в режиме вопрос-ответ

Некоторые нормы 115-ФЗ представляются недостаточно детально сформулированными. Их применение на практике вызывает многочисленные вопросы, поступающие в адрес Росфинмониторинга и Банка России. В ответ им приходится публиковать информационные письма с разъяснением собственного видения правоприменительной практики. Однако такие разъяснения не представляют единственно верных с позиций закона решений и не учитываются в случае назначения кредитным организациям

¹² FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network). Beneficial Ownership Information Reporting Rule Fact Sheet. September 29, 2022. URL: <https://www.fincen.gov/beneficial-ownership-information-reporting-rule-fact-sheet>. (дата обращения: 01.08.2023).

административной ответственности или в ходе судебных разбирательств. Фактически такого рода взаимодействие посредством информационных писем лишь «замораживает» существующие пробелы законодательства.

К примеру, абзацем первым п. 15 ст. 7.115-ФЗ установлен запрет на обслуживание юридических лиц, если осуществляемая ими деятельность лицензируется, а лицензия отсутствует. Данное требование сформулировано довольно кратко и узко, что требует от кредитных организаций самостоятельного принятия дополнительных решений по поводу масштаба и периода контроля правоспособности и прав осуществлять деятельность юридическими лицами. В связи с этим банки и их ассоциации задают многочисленные вопросы ЦБ РФ и Росфинмониторингу. Судя по активности переписки, в отношении данной нормы следует принять ряд поправок:

- расширить перечень оснований осуществления клиентами определенных видов деятельности, подлежащих проверке: специальное разрешение (лицензия), членство в СРО или выданное саморегулируемой организацией свидетельство о допуске к определенному виду работ;

- уточнить основания для отказа от обслуживания клиента, имеющего специальные разрешения с истекшим сроком действия или не имеющего их по дополнительным видам деятельности, которые по его заявлению в текущий момент времени не осуществляются;

- сформировать единые государственные реестры специальных разрешений (лицензий), а также обязать саморегулируемые организации публиковать реестры членов или выданных ими свидетельств о допуске к определенному виду работ на своих официальных сайтах в открытом доступе;

- обязать клиентов предоставлять оригиналы или надлежащим образом заверенные копии лицензий, документов, подтверждающих членство или свидетельства о допуске к определенному виду работ как на этапе заключения договора обслуживания/идентификации клиента, так и в ходе сотрудничества в случае истечения сроков действия и/или получения новых специальных разрешений.

Основная проблема механизма инициативного взаимодействия в режиме вопрос-ответ в финансово-кредитной сфере

обусловлена двойственностью контроля. Деятельности кредитных организаций могут касаться информационные письма как Росфинмониторинга, так и Банка России. В условиях многочисленности таких довольно сложно уследить за всеми комментариями. На наш взгляд, по наиболее спорным вопросам уполномоченному и контрольно-надзорному органам необходимо совместно готовить ответы и информационные письма. Кроме того, все информационные письма, касающиеся ПОД/ФТ, в том числе от Банка России до кредитных организаций, должны доводиться через личный кабинет на сайте Росфинмониторинга.

Механизм инициативного взаимодействия в режиме вопрос-ответ должен использоваться не просто для установления обратной связи с субъектами первичного мониторинга, но и как источник сигналов о системных проблемах правоприменительной практики. Если от кредитных организаций в течение длительного периода времени поступают, по сути, идентичные вопросы, значит, необходимо вносить изменения в действующее законодательство в сфере ПОД/ФТ.

Заключение

Наше исследование позволило выявить проблемы при взаимодействии кредитных организаций и уполномоченного органа: в механизме информирования об операциях, подлежащих обязательному контролю, о подозрительных операциях и о принятых мерах ПОД/ФТ; предоставления информации по запросам; инициативного взаимодействия в режиме «вопрос-ответ». Предложены направления совершенствования взаимодействия кредитных организаций и Росфинмониторинга:

- детализация требований 115-ФЗ в части суммовых пределов обязательного контроля операций с НКО, процедуры идентификации выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, проверки наличия лицензий и допусков саморегулируемых организаций на осуществление деятельности;

- систематизация нормативно-правовых актов и информационных материалов, устанавливающих признаки подозрительных операций и деятельности, основания принятия мер противодействия отмыванию доходов, содержание ключевых категорий (подозрительная деятельность, повышенное внимание к операциям

клиентов); а также унификация механизмов информирования по срочным и несрочным запросам;

– развитие аналитической функции ФЭС: в информационной части – сокращение позиций, сведения по которым могут быть собраны самим Росфинмониторингом, и введение обязательно-го заполнения позиций, требующих описания возможных схем и комментариев кредитных организаций; а также пересмотр сроков предоставления информации;

– оптимизация информационных маршрутов при взаимодействии Росфинмониторинга и Банка России с кредитными организациями и между собой, в том числе по предоставлению информации о бенефициарных владельцах;

– усиление консультационной поддержки кредитных организаций: согласование позиций Росфинмониторинга и Банка России и совместная подготовка информационных писем, разъясняющих часто повторяющиеся вопросы кредитных организаций, введение процедуры рулинга по отказам от проведения операций и расторжению договоров банковского счета.

Реализация указанных предложений позволит перераспределить административную нагрузку на кредитные организации за счет исключения ряда рутинных обязательств и расширения аналитических задач.

В силу ограниченности объема статьи за ее пределами остался механизм взаимодействия в рамках «пояса» финансовой безопасности, который направлен на противодействие угрозам размывания бюджетных средств.

Кроме того, по нашему глубокому убеждению, механизм взаимодействия Росфинмониторинга и кредитных организаций в сфере ПОД/ФТ должен строиться на принципах партнерства, доверия и транспарентности, которые в настоящее время игнорируются. Данные вопросы будут рассмотрены в отдельных статьях.

Литература/References

Авдийский В.И., Боташиева Л.Х., Щербakov А.Н. Анализ зарубежного опыта выстраивания механизмов ПОД/ФТ на основе риск-ориентированного подхода // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 10–1. С. 56–65.

Avdiskii, V.I., Botasheva, L. Kh., Shcherbakov, A.N. (2020). Analysis of foreign experience in building AML/CFT mechanisms based on a risk-based approach. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 10. No. 10–1. Pp. 56–65. (In Russ.).

Алексеева Д.Г. «Отказные решения» банков по ПОД/ФТ: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8 (72). С. 34–44.

Alekseeva, D.G. (2020). "Refusal decisions" of banks on AML and CTF: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)*. No. 8 (72). Pp. 34–44. (In Russ.).

Геревенко О.Ю., Каминская Т.Е. Организация контроля и надзора в сфере противодействия отмыванию денег и финансирования терроризма в банковской деятельности // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13. № 4. С. 32–37.

Gerevenko, O. Yu., Kaminskaya, T.E. (2022). Organization of control and supervision in the field of countering money laundering and terrorist financing in banking activities. *Uchenye zametki TOGU*. Vol. 13. No. 4. Pp. 32–37. (In Russ.).

Гребенкина С.А. Анализ международной практики цифрового взаимодействия в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1.

Grebinkina, S.A. (2023) Analysis of international practice of digital interaction in the field of anti-money laundering and terrorism financing. *The Eurasian Scientific Journal*. Vol. 15. No. 1. (In Russ).

Лебедева М.Е., Гладкова С.Б. Актуальные проблемы коммерческих банков при выполнении функций ПОД/ФТ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2 (98). С. 41–45.

Lebedeva, M.E., Gladkova, S.B. (2016). Current problems of commercial banks during execution of the AML/CFT. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 2 (98). Pp. 41–45. (In Russ.).

Прасолов В.И., Фешина С.С. Влияние цифровой трансформации на процессы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 8–1. С. 130–145.

Prasolov, V.I., Feshina, S.S. (2020). Impact of digital transformation on the processes of identifying the legalization of illegal income. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 10. No. 8–1. Pp. 130–145. (In Russ.).

Ревенков П.В., Воронин А.Н. Отмывание незаконных доходов: анализ проблемы и некоторые рекомендации // Деньги и кредит. 2011. № 4. С. 30–35.

Revenkov, P., Voronin, A. (2011). The risks of money laundering: an analysis of the problem and some recommendations. *Russian journal of money & finance*. No. 4. Pp. 30–35. (In Russ.).

Романова А.В., Винокуров А.В. О регулировании и взаимодействии банков с Росфинмониторингом в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. № 3 (23). С. 75–83.

Romanova, A.V., Vinokurov, A.V. (2017). The regulation and interaction of banks with the federal financial monitoring service in the field of AML/CFT. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*. No. 3 (23). Pp. 75–83. (In Russ.).

Танюцеева Н.Ю. Противодействие отмыванию теневых капиталов в России: эффективность регулирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 2. С. 33–42.

Taniushcheva, N. Yu. (2012). Counteraction to laundering of shadow capitals in Russia: efficiency of regulation. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*. No. 2. Pp. 33–42. (In Russ.).

Трушанина А.Д. Совершенствование взаимодействия субъектов, осуществляющих противодействие легализации преступных доходов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s2.

Trushanina, A.D. (2023). Improving the interaction of entities carrying out anti-money laundering. *The Eurasian Scientific Journal*. Vol. 15. No. s2. (In Russ.).

Урусов З.Х. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 334–337.

Urusov, Z.H. (2020). Countering legalization (launching) of criminal receipts received in modern conditions. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. Vol. 13. No. 4. Pp. 334–337. (In Russ.).

Чайкина Е.В., Посная Е.А., Казнова М.И. Критерии вовлеченности банковского учреждения в осуществлении операций сомнительного характера // Инновационное развитие экономики. 2019. № 5–3 (53). С. 38–43.

Chajkina, E.V., Posnaya, E.A., Kaznova, M.I. (2019). Criteria for involvement of the bank institution in implementation of scam operations. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki*. No. 5–3 (53). Pp. 38–43. (In Russ.).

Шаманина Е.И. Актуальные вопросы противодействия незаконным финансовым операциям в банковской сфере // Деньги и кредит. 2014. № 5. С. 34–38.

Shamanina, E.I. (2014). Topical issues of countering the legalisation of illegal incomes in the banking system. *Russian journal of money & finance*. No. 5. Pp. 34–38. (In Russ.).

Biswakarma, G., Bhusal, P. (2023). Banks' Level Factors Affecting the Effective Implementation of Anti-Money Laundering Practices in Nepalese Banks: An Employee and Customer Perspectives. *South Asian Journal of Finance*. Vol. 3 (1). Pp. 1–22. DOI: 10.4038/sajf.v3i1.53

Kurniawan, V. (2023). The Role of Regulatory Technology & Bankers to Prevent Money Laundering in Bank. *JBMP (Jurnal Bisnis, Manajemen dan Perbankan)*. No. 9. Pp. 43–52. DOI: 10.21070/jbmp.v9i1.1660

Mathuva, D., Kiragu, S., Barako, D. (2020). The determinants of corporate disclosures of anti-money laundering initiatives by Kenyan commercial banks. *Journal of Money Laundering Control*. Vol. 23. No. 3. Pp. 609–635. DOI: 10.1108/JMLC-01–2020–0001

Jaara, O.O., Kadomi, A.M. (2017). Factors related to the central bank instructions on money laundering. *Journal of Money Laundering Control*. Vol. 20. No. 3. Pp. 274–291. DOI: 10.1108/JMLC-07–2016–0028

Parathi Tasan, M., Balasingam, S., Suppiah, K., Arumugam, D. (2023). Determinants of money laundering: a study among commercial banks in Malaysia. *E3S Web of Conferences* 389. DOI: 10.1051/e3sconf/202338909032

Tiemann, M. (2023). Money laundering, media and European banks. *Journal of Money Laundering Control*. Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print. DOI: 10.1108/JMLC-02–2023–0032

Для цитирования: Королева Л.П. О взаимодействии государства и банков в борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма // ЭКО. 2023. № 11. С. 173–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-173-192

Информация об авторе

Королева Людмила Павловна (Москва) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт экономической политики и проблем экономической безопасности; Департамент экономической безопасности и управления рисками; Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: LPKoroleva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8375-8524

SPIN-код: 5336-2711; AuthorID: 619889; Researcher ID N-8494-2017

Summary

L.P. Koroleva

About the Government-Bank Cooperation in Combating Money Laundering and Terrorist Financing

Abstract. The paper addresses the problems of interaction between Rosfinmonitoring and credit organizations in the sphere of combating money laundering and terrorism financing, which are caused both by gaps and shortcomings in the legislation and the lack of proper motivation of banks. The mechanism of interaction is studied in the context of several components: informing about operations subject to mandatory control, suspicious operations (activities), about countermeasures taken; providing information upon request; proactive interaction. The author critically assesses the current legislative and organizational bases of interaction in the context of international recommendations, Russian law enforcement practice and best foreign practices. The paper elaborates proposals for its enhancement.

Keywords: *financial monitoring; mandatory control; optional financial monitoring; suspicious transactions; suspicious activity; formalized electronic message; client identification; beneficiary; beneficial owner*

For citation: Koroleva, L.P. (2023). About the Government-Bank Cooperation in Combating Money Laundering and Terrorist Financing, *ECO*. No. 11. Pp. 173–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-173-192

Information about the author

Koroleva, Lyudmila Pavlovna (Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher. Institute of Economic Policy and Economic Security Problems; the Department of Economic Security and Risk Management; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Financial University under the Government of the Russian Federation".

E-mail: LPKoroleva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8375-8524

SPIN-код: 5336-2711; AuthorID: 619889; Researcher ID: N-8494-2017

В следующих номерах вы прочтете:

- Иностранные компании в российской экономике после начала СВО
- Инвестиционный климат в российской золотодобыче на фоне перемен
- Зачем институт жалоб нужен экономике?
- Влияние на загрязнение атмосферы перемещения промышленной деятельности из регионального центра на периферию
 - Уроки второй глобализации
 - Банки, компании БигТех и финансовая стабильность
 - Зарубежный опыт налогового стимулирования инвестиций в человеческий капитал
 - Санкционное противостояние Китая и США: к формированию новой архитектуры мировой экономики
 - Социокультурные особенности экологической политики разных стран через призму их законодательства

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.
«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2023. № 11. 1–192

Художник В.П. Мочалов
Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.
Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35
E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2023. Выход в свет 30.11.2023
Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 215. Заказ 244. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2
Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru
<https://www.sibran.ru>